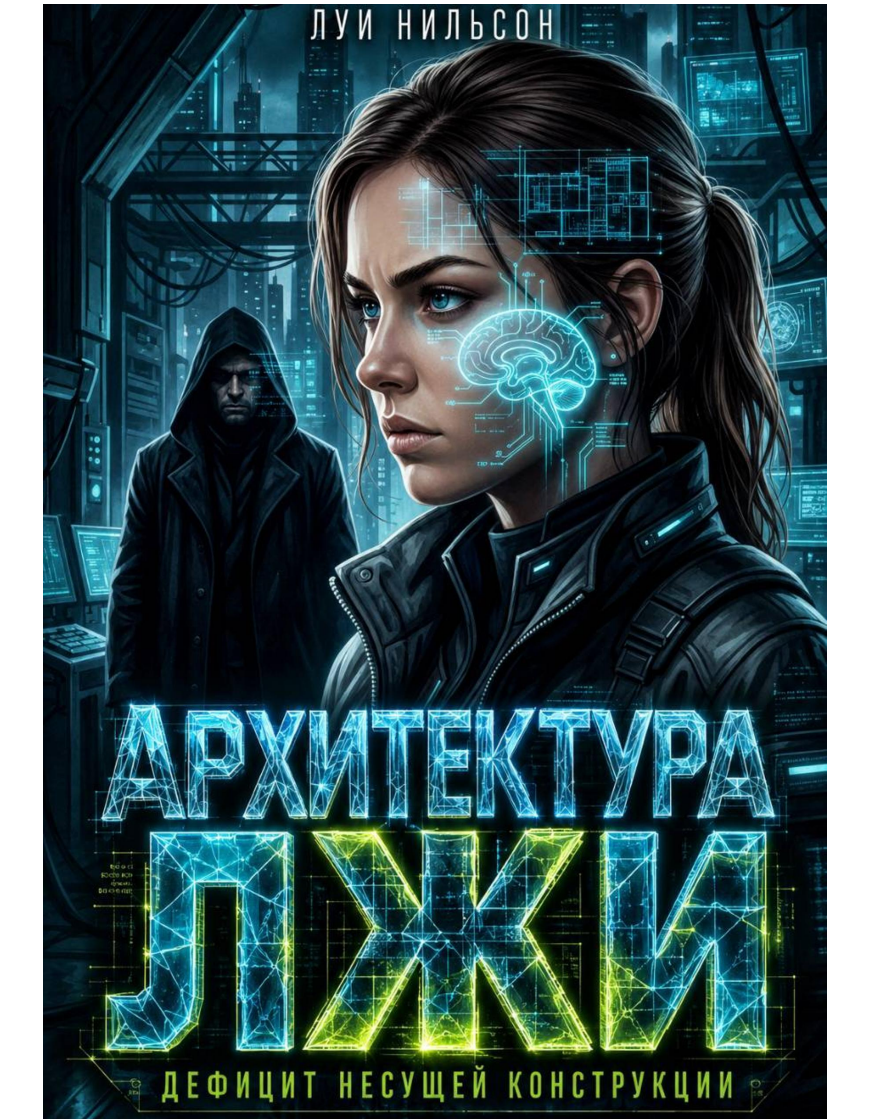

ЛУИ НИЛЬСОН

The poster features a woman with brown hair in a ponytail, wearing a black tactical jacket. A glowing blue brain with circuit-like patterns is superimposed on her face. In the background, a hooded figure stands in a server room with blue lighting and digital screens. The title 'АРХИТЕКТУРА' is in blue wireframe, and 'ЛКЖИ' is in yellow wireframe.

АРХИТЕКТУРА ЛКЖИ

ДЕФИЦИТ НЕСУЩЕЙ КОНСТРУКЦИИ

Луи Нильсон

Архитектура лжи: Дефицит несущей конструкции

<https://litres.ru/74044769>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лина привыкла выживать. Бывшая пловчиха, чья жизнь напоминает здание с критическим износом, соглашается на рискованный эксперимент корпорации «Сомнус». Огромный гонорар за исследование фаз сна кажется единственным выходом из долговой ямы, оставленной отцом-архитектором.

Но за стерильными стенами лаборатории скрывается проект «Эйдос», превращающий человеческие сны в цифровой инструмент контроля. Глава проекта Северин видит в Лине не просто объект, а ключ к тайне, которую её отец спрятал в глубинах подсознания.

Теперь Лине нужно найти выход из лабиринта собственных иллюзий, пока её личность не оцифровали, а фундамент реальности не рухнул окончательно.

Содержание

ГЛАВА 1. ДЕФИЦИТ НЕСУЩЕЙ КОНСТРУКЦИИ	4
ГЛАВА 2. ВХОД В СЛЕПУЮ ЗОНУ	21
ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ ФАЗА ПОГРУЖЕНИЯ	39
ГЛАВА 4. ГЕОМЕТРИЯ ЧУЖОГО ПРИСУТСТВИЯ	55
ГЛАВА 5. МАРКЕРЫ РЕАЛЬНОСТИ	72
ГЛАВА 6. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТУПИК	90
ГЛАВА 7. ВТОРАЯ ФАЗА ИНТРУЗИИ	110
ГЛАВА 8. ОШИБКА В КОДЕ	128
ГЛАВА 9. ЛИЦО ПОД МАСКОЙ ДАННЫХ	145
ГЛАВА 10. ЦЕНА ОБЪЕКТИВАЦИИ	162
ГЛАВА 11. ПРОЕКЦИЯ ВРАГА	179
ГЛАВА 12. ВНЕШНИЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ	196
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Луи Нильсон

Архитектура лжи: Дефицит несущей конструкции

ГЛАВА 1. ДЕФИЦИТ НЕСУЩЕЙ КОНСТРУКЦИИ

Утро начинается не с кофе, а с инвентаризации трещин. Я сижу на кухне, где пахнет застарелым унынием и дешевым цикорием, и смотрю на стопку квитанций. Если представить нашу квартиру как архитектурный объект, то это здание с критическим износом фундамента. Счета за электричество, уведомления о просрочке кредита, долговые расписки отца, которые до сих пор всплывают из прошлого, как трупы при весеннем паводке. Каждая бумажка - это дополнительная нагрузка на несущую стену моей психики. Я чувствую, как в районе солнечного сплетения натягивается арматура. Еще немного, и бетон начнет крошиться.

Мама входит на кухню своей специфической походкой - шарканье, которое означает: я жертва, обрати на меня внимание. Она не смотрит на меня. Ее взгляд приклеен к пустому пространству над плитой, где когда-то висела дорогая

медная вытяжка. Вытяжку мы продали три месяца назад. Теперь там просто жирное пятно на обоях, напоминающее карту несуществующей страны.

- Лина, у меня опять тянет под лопаткой, - говорит она, и ее голос вибрирует на той самой частоте, которая вызывает у меня непроизвольный спазм в икрах. - Наверное, это сердце. Или то лекарство, которое ты купила в прошлый раз... оно было слишком дешевым. Я читала в журнале, что такие препараты только разрушают печень.

Я смотрю на ее руки. Пальцы подрагивают. Это не болезнь, это дефицит внимания и избыток свободного времени, которое она тратит на оплакивание своей разрушенной жизни. Мой внутренний критик, этот занудный рецензент с архитектурного факультета, тут же выдает справку: объект Елена, пятьдесят лет, фасад в состоянии прогрессирующего распада, инженерные коммуникации забиты жалостью к себе.

- Лекарство было качественным, мам, - отвечаю я, стараюсь, чтобы голос звучал ровно, как чертежная линия. - Оно просто не оригинальное. Действующее вещество то же самое. Математически результат идентичен.

- Математически, - она всхлипывает, и этот звук напоминает протечку в старой трубе. - Ты вся в отца. Тот тоже все считал, графики строил, пока не выстроил нас в очередь за бесплатным супом. Как ты можешь быть такой холодной? Твоя мать умирает, а ты... ты как робот.

Я не робот. Я просто бывшая пловчиха, которая знает: если начнешь паниковать в воде, легкие забьются быстрее, чем ты успеешь осознать ошибку. Я задерживаю дыхание. Пять, четыре, три, два, один. Воздух в кухне кажется густым, как клей ПВА. Я ощущаю его сопротивление кожей. Мои плечи, привыкшие рассекать водную гладь, сейчас напряжены так, будто я пытаюсь удержать на себе свод собора.

- Мне нужны деньги на обследование в частной клинике, - продолжает она, присаживаясь на край стула. Стул скрипит - у него разболтались крепления, еще одна системная ошибка в нашем быту. - В районной поликлинике ко мне относятся как к мусору. Лина, ты меня слышишь?

- Я слышу, мам. Но в нашем бюджете образовалась дыра, которую невозможно закрыть косметическим ремонтом. Нам нужно сорок тысяч только для того, чтобы не отключили свет. Где я их возьму? Нарисую?

Я встаю, и это движение отдается в коленях сухим щелчком. Мышечная память подсказывает: толчок от бортика, скольжение, работай ногами. Но здесь нет воды, только пыльный линолеум и запах подгоревшего тоста.

- Ты могла бы попросить у Киры, - шепчет мама, глядя в окно. - У нее же есть бизнес.

- Кира бьет татуировки в подвале, мам. Это не бизнес, это самозанятость на грани выживания. И я уже должна ей столько, что мне стыдно смотреть ей в глаза.

Я выхожу в коридор, чтобы не видеть, как мама начинает

плакать. Ее плач - это инструмент манипуляции, отточенный годами. Она не рыдает, она скулит, тихо и методично, вбивая гвозди в мою совесть. В прихожей на тумбочке лежит почта. Я машинально перебираю конверты. Рекламные листовки, предложения взять микрозайм под триста процентов годовых, снова счета. И вдруг - плотный конверт из дорогой бумаги. Никакого пластика, только приятная шероховатость и лаконичный логотип: корпорация Сомнус.

Внутри - приглашение. Шрифт строгий, без засечек. Текст составлен так, будто его писал человек, презирающий лишние прилагательные. Закрытый медицинский эксперимент. Исследование фаз глубокого сна. Срок - три недели. Гоно-
рар...

Я пересчитываю цифру трижды. Мозг отказывается воспринимать количество нулей. Это не просто деньги на лекарства маме. Это полная реставрация нашего существования. Это сумма, которая может перекрыть все долги отца, выкупить кладную на квартиру и еще оставить на нормальную жизнь, где мне не придется высчитывать стоимость каждой калории.

Внизу приписка мелким шрифтом: Отбор кандидатов проводится на основе анализа психофизиологических показателей. Вы были выбраны как приоритетный объект.

Приоритетный объект. Моя внутренняя структура резонирует с этим определением. Я люблю, когда меня называют объектом. Это снимает ответственность за субъективные

переживания.

Звонит телефон. На экране - Кира. Я нажимаю кнопку приема, и в ухо врывается шум тату-машинки и какой-то агрессивный индастриал.

- Лина, детка, ты жива? - Кира орет, перекрывая музыку.
- Я тут заканчиваю бить дракона одному придурку, он дергается как эпилептик, я ему чуть хвост на почку не вывела. Слушай, ты заходила в чат? Там коллекторы твоего папаша опять активировались. Пишут гадости про твою мать.

- Привет, Кира. Да, я видела. Игнорируй их.
- Как тут игнорировать, когда они присылают фотки твоей двери? Слушай, у меня есть пара заказов, могу подкинуть тебе немного налички, если придешь помочь с эскизами. Твои чертежные навыки - это просто секс, серьезно.

Я тру переносицу. Кира - мой единственный эмоциональный якорь, но иногда этот якорь слишком тяжелый и тянет ко дну. Она пахнет краской, антисептиком и дешевым табаком. Она хаотична, в ее жизни нет ни одной прямой линии, и это меня одновременно пугает и притягивает.

- Кира, мне пришло приглашение от Сомнуса.
На том конце наступает тишина. Даже машинка замолкает.

- Сомнус? Это те психи, которые копаются в мозгах? Лина, забудь. Я слышала про них. Там люди после тестов выходят... странными. Типа как будто им лоботомию сделали, только без шрамов. Ты же знаешь, я не верю в теорию заго-

воров, но эти ребята - это муть. Полная муть.

- Они предлагают сумму, которая решит все мои проблемы, - говорю я, глядя на свое отражение в мутном зеркале прихожей. Кожа бледная, под глазами тени, которые не скроет ни один фасад. - Мне нужно кормить мать, Кира. И мне нужно, чтобы эти люди из прошлого перестали угрожать нам по ночам.

- Лина, ты - рациональная сука, я знаю. Но даже твой калькулятор должен сломаться на этом месте. Это эксперимент над сознанием. Твой мозг - это единственное, что у тебя осталось целого. Не отдавай его им.

- Мой мозг - это просто сложная система алгоритмов, Кира. Если кто-то хочет изучить их за такие деньги, я не вижу причин отказывать. Это просто работа. Как плавание на длинную дистанцию. Нужно просто доплыть до финиша.

- Ну-ну, - Кира вздыхает, я слышу, как она трогает свои пирсинги на губе - характерный металлический щелчок. - Только не говори потом, что я тебя не предупреждала. Зайди ко мне вечером, я хоть посмотрю на тебя напоследок, пока ты не превратилась в овощ.

Я отключаюсь. В кухне снова раздается мамин кашель. Она явно прислушивалась к разговору.

- Кто это был? Сомнус? - она появляется в дверном проеме, ее глаза блестят нездоровым азартом. - Это та богатая компания из новостей? Они ищут людей? Лина, это же шанс. Господи, неужели Он услышал мои молитвы.

- Он тут ни при чем, мам. Это просто биомедицина.

Я беру сумку. Мне нужно выйти на улицу, почувствовать пространство, которое не ограничено обшарпанными стенами. Воздух в подъезде пахнет сыростью и безнадегой. Я спускаюсь по лестнице, считая ступени. Тридцать две до первого этажа. Шаг, еще шаг. Мои мышцы помнят, как работать под нагрузкой. Главное - не давать воли воображению. Воображение - это системная ошибка, оно достраивает то, чего нет на чертеже, и создает иллюзию опасности.

На улице меня встречает холодный ветер. Он бьет в лицо, как встречная волна в бассейне. Я иду по тротуару, фиксируя детали: трещина в асфальте длиной два метра, угол наклона старого фонаря - примерно восемьдесят пять градусов, рекламный щит с улыбающейся женщиной, у которой слишком симметричное лицо.

Мой путь лежит к офису доктора Софии Грин. Она мой психотерапевт, хотя я предпочитаю называть ее техническим консультантом по обслуживанию личности. Я хожу к ней раз в неделю, чтобы убедиться, что мои внутренние перекрытия еще держат вес реальности.

София встречает меня в своем кабинете, где всегда слишком тихо и пахнет лавандой. Она говорит шепотом, и это меня раздражает. Зачем снижать громкость, если в комнате только мы? Это создает фальшивое ощущение интимности.

- Лина, присаживайтесь, - она зеркалит мою позу, садясь на край кресла и складывая руки на коленях. - Как прошла

ваша неделя? Были ли вспышки... дефицита опоры?

- Моя опора в порядке, София. Но у меня есть деловой вопрос. Что вы знаете о корпорации Сомнус?

София замирает. Ее зрачки на долю секунды расширяются, что в моей системе координат означает: я наткнулась на скрытую полость в стене.

- Почему вы спрашиваете? - ее голос становится еще тише.

- Мне предложили участие в их программе. Глубокий сон, мониторинг показателей. Деньги огромные.

- Сомнус - это очень закрытая структура, Лина. Их методы... они инновационные, но спорные. Я бы сказала, что они работают на грани того, что мы называем человеческой идентичностью. Вы уверены, что хотите стать частью их набора данных?

- Я уже часть набора данных, София. Банков, налоговой, коллекторов. По крайней мере, Сомнус платит за доступ к моей системе.

- Дело не в деньгах, - София подается вперед. - Вы ищете контроля. Вы думаете, что если вы препарируете свой страх в лаборатории, он перестанет существовать. Но сон - это не чертеж. Это территория, где логика не работает. Ваш отец... его исчезновение... вы до сих пор пытаетесь выстроить структуру там, где осталась только пустота.

Я чувствую, как в горле встает ком. Это физиологическая реакция, я подавляю ее, сглатывая слюну.

- Мой отец был плохим архитектором своей жизни. Я не

повторю его ошибок. Я просто заработаю денег и выйду из игры.

- Из их программ не выходят так просто, Лина. У меня был пациент... Виктор Олдридж. Он участвовал в чем-то подобном у них несколько лет назад. Он до сих пор не может отличить, когда он бодрствует, а когда ему кажется, что он в офисе.

- Виктор Олдридж просто не обладал достаточной жесткостью конструкции, - отрезаю я. - У него была предрасположенность к психозам. У меня - нет. Мои тесты всегда показывают избыточную стабильность.

София качает головой, но не спорит. Она знает, что когда я принимаю решение, переубедить меня так же сложно, как снести несущую колонну голыми руками.

- Хорошо, Лина. Но обещайте мне одну ч...

Я не дослушиваю. Время - это ресурс, который я не могу тратить на пустые обещания. Я выхожу из кабинета, чувствуя странную легкость. Решение принято, а значит, неопределенность ликвидирована.

Вечер застает меня в метро. Вагон дергается, люди вокруг выглядят как нечеткие рендеры, которые забыли дорисовать. Я смотрю на парня напротив. Он сутулится, его глаза бегают по строчкам в телефоне. Эрик. Кажется, я видела его в списке техников, когда гуглила Сомнус. Или это просто совпадение? Мой мозг начинает искать закономерности там, где их быть не может. Системная ошибка.

Я выхожу на своей станции и направляюсь к Кире. Ее студия находится в подвале старого кирпичного дома. Стены здесь толстые, надежные. Внутри жарко, пахнет жженой кожей и спиртом.

Кира сидит на корточках перед огромным парнем, чья спина покрыта замысловатым узором из геометрических фигур.

- О, Лина! - она машет мне свободной рукой, не отрывая машинку от кожи клиента. - Проходи, садись на ящик. Сейчас закончу с этим мучеником и попьем чаю. Ну, или чего покрепче.

Я сажусь и наблюдаю за ее работой. Линии, которые она ведет, безупречны. В этом есть своя архитектура, только вместо бетона - живая ткань. Я завидую ее способности так легко касаться чужой боли. Для меня любое прикосновение - это нарушение границ, вторжение в личное пространство, которое я защищаю с маниакальной тщательностью.

Когда клиент уходит, Кира выключает музыку. Становится слышно, как гудят трубы под потолком.

- Ты серьезно настроена, да? - она смотрит на меня, вытирая руки полотенцем. Ее татуировки на предплечьях кажутся живыми в тусклом свете. - Я видела сегодня этих ребят из Сомнуса. Они крутились возле нашего квартала. Черный джип, все дела. Масштаб пугает, Лина.

- Это просто корпоративная безопасность, Кира. У них большие инвестиции.

- Большие инвестиции в твою голову. Послушай, мне звонил один чувак, Дэн Фогель. Журналист. Он копает под них. Говорит, что они ищут людей с определенным типом психики. Таких как ты. Тех, кто умеет выстраивать внутренние стены.

- И зачем им такие?

- Чтобы проверить, как быстро эти стены рухнут.

Я усмехаюсь.

- Мои стены проектировал лучший архитектор в этом городе - голод и страх. Они выдержат любой эксперимент.

Кира качает головой и протягивает мне банку пива.

- Ты всегда была слишком самоуверенной. С тех пор, как мы вместе тренировались в бассейне. Ты всегда шла на рекорд, даже когда тренер говорил остановиться. Ты не чувствуешь предела, Лина. А предел есть у всего. Даже у алмаза.

Я делаю глоток. Холодная жидкость обжигает горло.

- Алмаз разрушается при температуре восемьсот градусов. Я пока не планирую так сильно нагреваться.

Мы сидим в тишине. Я чувствую, как мир за пределами этого подвала сжимается до размеров того конверта, что лежит у меня в сумке. Это точка невозврата. Я уже вижу, как линии моей жизни перестраиваются, формируя новый чертеж. В этом чертеже нет места старым долгам и маминым слезам. Там только холодный свет лаборатории и обещание свободы.

Когда я возвращаюсь домой, мама уже спит. В квартире

тихо, только капает кран на кухне. Я подхожу к окну. На улице, в тени деревьев, стоит черный автомобиль. Я не вижу водителя, но чувствую его взгляд. Это не паранойя. Это просто фиксация факта. Наблюдение началось еще до того, как я поставила свою подпись.

Я достаю из сумки приглашение и кладу его на стол. Рядом - счета. Контраст между качеством бумаги и серостью квитанций кажется мне эстетически безупречным. Это логическое завершение одного этапа и начало другого.

Мое тело расслабляется, имитируя погружение в воду. Я закрываю глаза и представляю, как плыву в бесконечном бассейне, где нет стенок и нет дна. Только я и ритм моего дыхания. Вдох. Выдох. Несущая конструкция моей жизни дала трещину, но я заливаю ее новым составом. Пусть даже этот состав будет стоять мне реальности.

Утром я позвоню по номеру, указанному в письме. Я знаю, что ответит сухой женский голос, скорее всего, это будет некая Стефани, ассистентка главного. Она скажет мне время и место. Я приду вовремя. Опоздание - это нарушение графика, а я ненавижу нарушения.

Я ложусь в кровать, не раздеваясь. Кожа ощущает простыни как наждачную бумагу. Гиперчувствительность - мой дар и мое проклятие. Я чувствую, как датчики, которых еще нет на моем теле, уже начинают считывать мой пульс. Где-то там, в недрах Сомнуса, Северин - человек, чье имя я слышала только мельком, но чье присутствие уже ощущается в

воздухе - ждет моего согласия.

Он ищет истину в снах. Я ищу деньги в реальности. Мы найдем друг друга где-то посередине, в точке пересечения наших дефицитов.

Мать во сне начинает стонать. Я накрываю голову подушкой, пытаюсь сохранить остатки своего внутреннего пространства. Завтра все изменится. Завтра я перестану быть дочерью должника и стану объектом номер один. Это лучшая роль, которую я могу себе представить.

Тишина в квартире становится плотной, почти осязаемой. Я засыпаю, и последнее, что я вижу перед глазами - это безупречно ровную линию горизонта, которую я должна пересечь, чтобы не утонуть в обломках собственного прошлого. В этом сне нет образов, только геометрия света и тени, и я скольжу по ней, чувствуя, как сопротивление среды постепенно сходит на нет, оставляя меня один на один с пустотой, которую мне предстоит заполнить.

Проснувшись от резкого звука захлопнувшейся двери в подъезде, я понимаю, что время размышлений закончилось. Мой план ясен, расчеты верны, а эмоциональные переменные вынесены за скобки. Я встаю, иду в ванную и плещу в лицо холодной водой. Ощущение капель на коже возвращает мне четкость восприятия. Я смотрю в зеркало и вижу не себя, а проект, который готов к реализации. Каждая деталь на своем месте, каждая функция проверена. Я готова войти в систему Сомнус, даже если эта система решит переписать

мой код с нуля, ведь в конечном итоге любая конструкция - это лишь способ упорядочить хаос, а в этом я всегда была лучшей.

Солнце начинает пробиваться сквозь пыльные шторы, освещая стопку бумаг на столе. Теперь они выглядят жалко и незначительно. Я беру телефон и набираю номер. Гудки звучат ритмично, как метроном, отсчитывающий последние секунды моей прежней, дефектной жизни. Я жду ответа, чувствуя, как внутри меня устанавливается абсолютный штиль, характерный для глубокого погружения, где давление извне полностью компенсируется внутренним давлением моей воли.

Голос на том конце провода звучит именно так, как я и ожидала - металлически, безэмоционально и предельно функционально.

- Корпорация Сомнус, слушаю вас, - произносит женщина, и я понимаю, что мой путь вглубь этой структуры начался официально.

Я представляюсь, четко выговаривая каждый слог, и слышу, как на другом конце линии начинают шуршать клавиши компьютера, занося мои данные в базу, которая скоро станет моей единственной реальностью. Мы договариваемся о встрече, и я записываю адрес, механически фиксируя каждое слово в своей памяти, которая никогда меня не подводила. Теперь, когда первый шаг сделан, я чувствую, как напряжение в моих мышцах сменяется странным предвкушением,

похожим на то, что испытывает строитель перед закладкой первого камня в фундамент нового, грандиозного сооружения.

Я выхожу из дома, не оглядываясь на окна нашей квартиры, где мать, вероятно, уже проснулась и готовит свою очередную порцию упреков. Сегодня они не достигнут цели. Я иду навстречу неизвестности с уверенностью человека, который знает, что любая система, какой бы сложной она ни была, имеет свои правила, и если их изучить, можно стать ее хозяином. Город вокруг меня кажется огромной строительной площадкой, где все находится в движении, и я вписываюсь в этот поток как идеально отшлифованная деталь в сложный механизм, который наконец-то начинает работать в полную силу.

Воздух становится прозрачнее, тени - резче, и я чувствую, как каждый мой шаг приближает меня к моменту, когда мне больше не нужно будет притворяться частью этого несовершенного мира. Я готова стать чем-то большим, чем просто Лина, дочь исчезнувшего человека и сиделка при больной матери. Я готова стать архитектурой собственного сознания, выстроенной по законам высшей логики, которую предлагает мне Сомнус. И в этом новом здании, которое я собираюсь возвести, не будет места для слабости, страха или сожалений о том, что осталось позади, на руинах моей старой, разрушенной жизни.

Я подхожу к массивному зданию из стекла и бетона, ко-

торое возвышается над кварталом как футуристический монолит. Это и есть Сомнус. Его фасад безупречен, его линии стремятся вверх, игнорируя гравитацию и земную суету. Я останавливаюсь перед входом, поправляя сумку на плече, и чувствую, как датчики системы безопасности мгновенно фиксируют мое присутствие. Двери бесшумно разъезжаются в стороны, приглашая меня внутрь, в мир, где сон превращается в технологию, а человек - в бесконечный источник данных. Я делаю шаг через порог, ощущая, как прохладный, очищенный воздух лаборатории наполняет мои легкие, и понимаю, что с этого момента моя прежняя история окончательно уходит в тень, уступая место новому, захватывающему эксперименту над самой сутью моего существования.

Внутри меня ждет Стефани, и ее ледяной тон приветствия лишь подтверждает мою теорию о том, что здесь ценят точность выше эмпатии. Она ведет меня по длинным коридорам, где каждый поворот кажется математически выверенным, и я чувствую, как моя собственная структура начинает резонировать с этим пространством. Здесь нет хаоса, нет лишних деталей, только функциональность и стремление к запредельному. Я готова к тому, что за этими стенами меня ждет встреча с Северином, человеком, который верит, что истина скрыта в глубинах нашего подсознания, и я намерена доказать ему, что даже там можно навести идеальный порядок. Мое погружение начинается прямо сейчас, и я не боюсь давления, которое оно за собой повлечет, ведь я рождена

для того, чтобы выдерживать любые нагрузки и выходить на поверхность обновленной, с четким пониманием того, кто я есть на самом деле в этой сложной архитектуре бытия.

Когда мы останавливаемся перед дверью с табличкой "Сектор А", Стефани поворачивается ко мне, и в ее глазах я вижу мимолетный проблеск чего-то похожего на любопытство. Но это чувство мгновенно исчезает, сменяясь привычной маской профессиональной отстраненности. Она прикладывает карту к замку, и я слышу тихий щелчок, означающий, что вход в мое новое будущее открыт. Я захожу внутрь, готовая принять любые условия игры, потому что в мире, где все продается и покупается, моя свобода стоит ровно столько, сколько я готова за нее заплатить своим собственным покоем. И я плачу без колебаний, зная, что впереди меня ждет не просто сон, а полное перепроектирование моей реальности, в которой я наконец-то стану главным архитектором своей судьбы, свободной от призраков прошлого и обязательств настоящего.

ГЛАВА 2. ВХОД В СЛЕПУЮ ЗОНУ

Сектор А пахнет как операционная после генеральной уборки: озоном, выветрившимся спиртом и чем-то неуловимо металлическим, что обычно ассоциируется с перегретыми серверными платами. Стефани идет впереди, ее спина кажется монолитной конструкцией, в которой не предусмотрено ни одного деформационного шва. Она двигается с такой пугающей эффективностью, будто каждый ее шаг был заранее просчитан нейросетью для минимизации энергетических затрат. Я иду следом, стараясь не задевать плечами стены коридора, который кажется мне слишком узким, хотя его ширина стандартна для общественных зданий такого типа. Это все из-за давления. Когда я была в сборной, тренер всегда говорил, что вода - это не враждебная среда, а просто среда с другим коэффициентом сопротивления. Сейчас воздух вокруг меня стал плотным, как кисель, и мне приходится прилагать физическое усилие, чтобы просто перемещать конечности.

Мы останавливаемся у первого контрольно-пропускного пункта. Здесь нет обычных охранников в мешковатой форме. Вместо них - стерильно-белая стойка и молодой парень, который выглядит так, будто не выходил на солнечный свет

со времен презентации первого айфона. Это Эрик. Он сутулится над мониторами так сильно, что его позвоночник напоминает вопросительный знак, а его пальцы порхают по клавиатуре с ритмичностью, которая заставляет мою мышечную память отзываться фантомным зудом.

- Доброе утро, Стефани, - бормочет он, не поднимая глаз. Его голос звучит так, словно его пропустили через низкочастотный фильтр. - Коэффициент готовности системы девяносто восемь процентов. У нас небольшая задержка в калибровке третьего контура, но я это исправлю за десять минут.

- Лина, это Эрик, наш главный по техническому обеспечению реальности, - Стефани даже не оборачивается ко мне, ее голос сух и функционален. - Эрик, это объект номер один. Начинай регистрацию биометрии.

Объект номер один. Я чувствую, как внутри меня срабатывает защитный клапан. Мое имя - Лина, и я архитектор, человек, который понимает, как распределяются нагрузки в многоэтажных конструкциях, а не просто порядковый номер в чем-то амбициозном проекте. Но я молчу. В системе обнаружена критическая уязвимость - мое финансовое положение - и это лишает меня права на архитектурную гордость.

- Руку в сканер, пожалуйста, - Эрик наконец бросает на меня быстрый, водянистый взгляд и тут же отводит его. В его глазах я вижу не любопытство, а какой-то странный, почти болезненный интерес, смешанный с жалостью. Он явно знает о проекте больше, чем написано в моем рекламном буклете.

Я опускаю ладонь в холодное углубление прибора. Датчики впиваются в кожу невидимыми иглами. Я чувствую их не как инородные предметы, а как расширение собственной нервной системы, как если бы я коснулась поверхности воды в бассейне и по кругам поняла, где именно находится дно. Мое тело - это чертеж, и сейчас кто-то бесцеремонно копирует его в цифровой архив.

- Задержите дыхание, - командует Эрик.

Я выполняю. Это легко. Годы тренировок научили меня замирать, превращаясь в обтекаемый объект, лишенный эмоций и потребностей. Сердце делает три тяжелых удара - бум, бум, бум - и затихает в ожидании команды. В голове проносится мысль о том, что мой отец тоже умел так исчезать, задерживать дыхание в масштабах целой жизни, пока окончательно не растворился в пустоте, оставив нас с матерью в здании с рухнувшими перекрытиями.

- Готово, - Эрик выдыхает, и я вместе с ним. - Можете проходить. Артур ждет вас в кабинете триста четырнадцать.

Мы идем дальше. Лаборатория Сомнус - это шедевр минимализма, который граничит с психологическим насилием. Слишком много белого, слишком много скрытых источников света, которые не дают теней. Без теней пространство теряет глубину, оно становится плоским, как некачественный рендер. Мой мозг отчаянно пытается найти точку опоры, зацепиться за какую-то несовершенную деталь, но здесь все вылизано до зеркального блеска.

Внезапно двери лифта в конце коридора открываются, и из них выходит мужчина в безупречном темно-синем костюме. От него за версту несет дорогим табаком и агрессивным дружелюбием, которое обычно предшествует попытке рейдерского захвата. Это Маркус Элдер. Я узнаю его по фотографиям в бизнес-журналах - главный конкурент Северина, человек, который верит, что любую мечту можно купить, если правильно подобрать валюту.

- О, Стефани! - его смех слишком громкий для этого стерильного места, он рикошетит от стен, нарушая акустический баланс. - Все трудишься? А где наш великий демиург? Опять прячется в своих сновидениях?

- Господин Элдер, - Стефани кивает с ледяной вежливостью, ее поза становится еще более жесткой, если это вообще возможно. - Господин Северин занят. У вас была назначена встреча?

- Я просто зашел передать привет, - Маркус переводит взгляд на меня, и его глаза сужаются, оценивая меня как биологический актив. - А это, надо полагать, та самая жемчужина? Новая надежда нейрофизиологии? Выглядите бледновато для спасительницы мира. Вам бы больше подошел мой проект - там мы не мучаем людей загадками, мы просто даем им то, что они хотят.

Я чувствую, как внутри закипает ирония.

- Боюсь, господин Элдер, я слишком привыкла к сложным конструкциям, чтобы довольствоваться простыми ответами,

- мой голос звучит ровно, почти безжизненно, как я и планировала.

Он усмехается, поправляет запонку и проходит мимо, обдав меня облаком парфюма, в котором отчетливо слышны нотки амбиций и легкого презрения. Стефани даже не смотрит ему вслед. Она толкает дверь с номером триста сорок два, и мы оказываемся в святая святых.

Кабинет Артура Вайса выбивается из общего стиля лаборатории. Здесь много книг, настоящих, бумажных, с корешками, которые пахнут пылью и знанием. Сам Артур сидит за массивным столом, который выглядит так, будто его вытесали из цельного куска гранита. Ему пятьдесят восемь, но в его движениях есть какая-то старческая суетливость, которую он пытается маскировать под профессиональную отстраненность. Когда мы входим, он медленно снимает очки и начинает протирать их шелковым платком. Это жест - маркер. Он делает это всегда, когда собирается солгать или сообщить что-то неприятное.

- Лина, деточка, проходи, садись, - он указывает на кресло, которое оказывается неожиданно мягким, обволакивающим. - Как самочувствие? Голова не кружится? Сканеры у нас мощные, иногда чувствительные натуры ощущают легкий дискомфорт в области мозжечка.

- Я в порядке, Артур, - я опускаюсь в кресло, чувствуя, как мышцы спины протестуют против этой расслабленности. - Давайте перейдем к делу. Стефани сказала, что нужно под-

писать документы.

Вайс кладет на стол стопку бумаги толщиной в хороший кирпич. Я смотрю на этот объем и понимаю, что это не просто контракт. Это инструкция по эксплуатации моей личности на ближайшие несколько месяцев. Каждая страница - это кирпич в стене, которая отделит меня от внешнего мира.

- Здесь все стандартно, - Вайс продолжает полировать линзы, не глядя на меня. - Соглашение о неразглашении, отказ от претензий в случае побочных эффектов, протоколы взаимодействия. Северин настаивает на полной юридической защите. Вы ведь понимаете, наш проект находится на грани того, что официально разрешено этическим комитетом.

- На грани или за гранью? - уточняю я, вынимая ручку из сумки.

- Лина, границы - это всего лишь условность для тех, кто боится масштабного строительства, - Артур наконец надевает очки и смотрит на меня своими маленькими, пронизательными глазами. - Мы здесь не занимаемся ничем противозаконным. Мы просто... расширяем фундамент человеческого восприятия.

Я начинаю листать документ. Пункт 4.2: Объект обязуется предоставлять полный доступ к своим снам в режиме реального времени. Пункт 8.5: Лаборатория оставляет за собой право на коррекцию визуальных образов в случае возникновения системных ошибок. Это звучит как доброволь-

ная передача прав на владение моей черепной коробкой. Я чувствую, как в кармане вибрирует телефон. Это мама. Опять. Она звонит по пять раз в день, чтобы напомнить мне о неоплаченных счетах за ее загородный дом, который она отказывается продавать, потому что там "каждый угол помнит отца". Ее депрессия - это черная дыра, поглощающая мои ресурсы, и этот контракт - единственный способ не провалиться в нее вслед за ней.

Я ставлю первую подпись. Потом вторую. Третью. Рука движется механически, как плоттер, вычерчивающий сложный план. Вайс наблюдает за мной, и я кожей чувствую его удовлетворение.

- Почему я? - спрашиваю я, не прерывая процесса. - Сотни людей подавали заявки. Есть профессиональные онейронавты, есть те, кто годами практикует осознанные сновидения. Почему архитектор с долгами и паническим страхом глубины?

Вайс делает паузу, достает из ящика стола папку с моим именем и открывает ее. Там мои тесты, графики, диаграммы.

- Потому что у тебя, Лина, аномально высокое качество визуализации образов. Твой мозг строит сны не как набор хаотичных картинок, а как структурно выверенные объекты. Ты не просто видишь дом во сне, ты знаешь, где у него несущие стены и какой марки бетон использован для фундамента. Северину нужен именно такой уровень детализации. Для его... алгоритмов это критически важно. Твое под-

сознание работает как профессиональный графический движок последнего поколения.

- То есть я для него просто мощная видеокарта? - я криво усмехаюсь, ставя последнюю подпись на сотой странице.

- Ты для него ключ, - тихо говорит Артур, забирая контракт. - Ключ к двери, которую он пытается открыть уже десять лет.

В этот момент дверь кабинета без стука открывается, и в проеме появляется Северин. Он выглядит так, будто вообще не спал, но при этом в его фигуре чувствуется какая-то пугающая энергия, как в натянутой тетиве. Его взгляд мгновенно находит меня, и я снова ощущаю это давление в груди, как при погружении на глубину пять метров без маски.

- Она подписала? - его голос звучит отрывисто, без лишних вступлений.

- Да, Северин, все готово, - Вайс торопливо кивает, собирая бумаги. - Лина теперь официально часть команды.

Северин подходит к столу, игнорируя мое присутствие, и берет верхний лист контракта. Он изучает мою подпись так внимательно, будто ищет в ней скрытый смысл или системную ошибку. Его пальцы, длинные и тонкие, едва касаются бумаги, но я вижу, как напряжены его предплечья.

- Хорошо, - он наконец поднимает на меня глаза. - Завтра в восемь утра первый сеанс. Стефани подготовит комнату. Артур, мне нужны результаты ее утренней биометрии в моем кабинете через пять минут.

Он разворачивается, чтобы уйти, но я встаю. Мои ноги кажутся мне чужими, ватными, но я заставляю себя стоять прямо.

- Северин, я бы хотела знать, что именно вы собираетесь делать с моими структурно выверенными снами. Если я сдаю свою голову в аренду, я имею право знать план реконструкции.

Он останавливается у двери, медленно поворачивает голову и смотрит на меня через плечо. В его взгляде нет ни капли теплоты, только холодный расчет исследователя.

- Мы не занимаемся реконструкцией, Лина. Мы занимаемся археологией. Мы будем копать до тех пор, пока не найдем то, что скрыто за вашим фасадом спокойствия. И поверьте, вам это понравится не больше, чем мне.

Он уходит, и дверь закрывается с тихим, герметичным звуком. В кабинете воцаряется тишина, которую нарушает только тиканье старинных часов на стене Артура. Я чувствую себя так, будто меня только что вытолкнули из самолета без парашюта, и теперь я просто лечу вниз, надеясь, что гравитация в этом мире работает по каким-то другим законам.

- Не обращай внимания на его манеры, - Артур снова берется за очки. - Он одержим. Великие люди всегда немного... функциональны в общении. Хочешь кофе? Или, может, чего-нибудь покрепче? У меня есть отличный коньяк, подарок Маркуса, кстати. Он все пытается меня перекупить, старый

лис.

- Нет, спасибо, - я беру свою сумку. - Мне нужно идти. У меня еще остались дела в реальности, пока вы меня от нее окончательно не отключили.

Я выхожу из кабинета и почти сталкиваюсь с Виктором Олдриджем. Он стоит в коридоре, прислонившись к стене, и выглядит как человек, который только что вышел из затяжного запоя или очень долгого, кошмарного сна. Его глаза бегают, руки подрагивают, а в пальцах он сжимает маленький диктофон.

- Ты... ты новенькая? - шепчет он, когда я пытаюсь пройти мимо. Его голос дрожит, в нем слышится неприкрытый страх.

- Да, я Лина, - я останавливаюсь, чувствуя, как внутри нарастает тревога. - А вы?

- Виктор, - он оглядывается по сторонам, будто боится, что стены его подслушивают. - Не верь им. Особенно Северину. Он говорит, что ищет истину, но на самом деле он просто хочет заменить твою реальность своей. Я... я уже не знаю, где я сейчас. Здесь или там. Он стер границы. Записывай все. Каждую мелочь. Сны имеют свойство просачиваться в жизнь, как вода в подвал через трещины в фундаменте.

- Виктор, вам нужно в медблок, - Стефани появляется из ниоткуда, ее голос звучит мягко, но в нем чувствуется сталь. Она берет его под локоть. - Вы опять пропустили прием седативных. Лина, идите к выходу, Эрик вас проводит.

Я смотрю, как Стефани уводит Виктора, который что-то лихорадочно шепчет в свой диктофон. Его слова про трещины в фундаменте попадают в самую цель. Мой собственный фундамент всегда казался мне незыблемым, но сейчас я чувствую, как по нему ползут мелкие, едва заметные паутинки разломов.

На выходе из лаборатории меня догоняет Эрик. Он сует мне в руку небольшую флешку, стараясь не касаться моих пальцев.

- Что это? - спрашиваю я, замедляя шаг.

- Копии ваших тестов, - быстро бормочет он, глядя в пол. - И кое-что еще. Инструкции по безопасности системы, которые Артур обычно "забывает" выдать участникам. Если почувствуете, что... что реальность начинает плыть, прочитайте файл "Протокол Ноль". Это поможет заземлиться.

- Почему ты мне помогаешь? - я смотрю на его сутулую спину, чувствуя странную смесь благодарности и подозрения.

- Потому что я видел, что случилось с Виктором, - он наконец поднимает на меня глаза, и в них я вижу искреннюю тревогу. - Вы мне кажетесь... более прочной, что ли. Не хотелось бы видеть, как вы рухнете.

Я выхожу на улицу, и холодный вечерний воздух бьет мне в лицо, возвращая чувство реальности. Город шумит, огни витрин расплываются в сумерках, и я на мгновение замираю, пытаюсь осознать, что я только что сделала. Я продала право

на свой внутренний мир человеку, который считает чувства манипуляцией, а сны - единственным источником правды.

Достаю телефон. Пропущенный от Киры. Перезваниваю.

- Лина! Ну наконец-то! - ее голос врывается в мое сознание, как яркая краска на серый холст. - Ты где пропала? Я уже думала, тебя там на органы разобрали. Заходи ко мне в салон, я закончила тот эскиз, который ты просила. Помнишь, про структуру ДНК, переходящую в готический собор?

- Кира, я подписала контракт, - говорю я, садясь в машину. Руки на руле ощущаются странно тяжелыми, как будто на них надеты свинцовые браслеты.

- Ох, подруга... - на том конце повисает пауза. - Значит, теперь ты официально подопытный кролик Северина. Ну, по крайней мере, долги раздашь. Слушай, а он правда такой... ну, как в новостях пишут? Ледяной принц с мозгами суперкомпьютера?

- Он функционален, Кира. Как швейцарский нож. Или как гильотина. Пока не поняла, что именно из этого мне достанется.

- Ладно, заезжай. Посидим, выпьем кофе. Тебе нужно заземлиться, а то у тебя голос такой, будто ты уже наполовину в астрале.

Я отключаюсь и смотрю на здание лаборатории в зеркало заднего вида. Оно возвышается над городом, холодное, неприступное, как крепость, построенная из амбиций и секретов. Моя мама всегда говорила, что папа ушел, потому что

не выдержал тяжести своих секретов. Интересно, какую тяжесть смогу выдержать я? Мое тело, привыкшее к нагрузкам в воде, сейчас чувствует только нарастающее давление обстоятельств. Я включаю зажигание, и двигатель отзывается ровным, успокаивающим гулом. Это механическая система, она понятна и предсказуема. В отличие от того, что ждет меня завтра утром.

В голове крутится фраза Виктора про сны, просачивающиеся в реальность. Я пытаюсь отогнать ее, классифицировать как бред человека с расстроенной психикой, но мой внутренний рецензент шепчет, что в любой системе есть критические точки излома, которые невозможно предсказать заранее.

Заезжаю в салон к Кире. Здесь пахнет краской для татуировок, антисептиком и благовониями. Кира сидит на своем рабочем месте, ее волосы сегодня выкрашены в ядовито-зеленый цвет, а в ушах позвякивают многочисленные кольца. Она - мой якорь. Пока она здесь, пока она говорит свои глупости и рисует на людях вечные знаки, я знаю, что мир еще не окончательно сошел с ума.

- Покажи эскиз, - я опускаюсь на стул, стараясь не смотреть на флешку, которую мне дал Эрик.

Кира разворачивает планшет. Рисунок впечатляет. Собор, вырастающий из молекулярных цепочек, выглядит одновременно хрупким и величественным. В нем есть та самая логика, которую я так люблю в архитектуре - когда форма опре-

деляется функцией, но при этом стремится к чему-то большему.

- Это красиво, Кира. Но собор... он кажется слишком тяжелым для такого основания. Видишь здесь, в районе трансепта? Нагрузка распределена неравномерно. Если перенести это на реальную почву, он рухнет через неделю.

- Лина, это же искусство! - Кира смеется, встряхивая головой. - Тут не нужно считать тонны на квадратный метр. Тут нужно чувствовать полет. Ты слишком зациклена на своих чертежах. Иногда надо просто позволить зданию стоять на честном слове.

- На честном слове ничего не стоит, - отрезаю я, чувствуя, как внутри снова просыпается профессиональный цинизм. - Все имеет свою цену и свои пределы прочности.

Я ухожу от нее поздно вечером, когда город окончательно погружается в неоновый сон. В моей квартире тихо и пусто. Я не включаю свет, сажусь на диван и долго смотрю в окно на огни лаборатории Сомнус, которые мигают вдали, как сигнальные маяки на краю пропасти. Мое тело запоминает это состояние - тишину перед погружением. Завтра я сделаю первый шаг в слепую зону своего подсознания, и единственное, на что я могу рассчитывать - это на свою способность выстраивать структуры даже там, где нет ничего, кроме тумана и призраков прошлого.

Ложусь в кровать, но сон не приходит. Вместо него в голове всплывают обрывки разговоров, лицо Северина, протира-

ющий очки Вайс, безумный взгляд Виктора. Я чувствую себя как здание, у которого только что снесли одну из несущих стен, и теперь вся конструкция держится только на инерции и надежде на то, что архитектор знал, что делает, когда проектировал этот странный, пугающий эксперимент над моей реальностью. Моя мышечная память подсказывает мне затаить дыхание, как перед долгим заплывом под водой, где нет ни воздуха, ни света, только ритмичное движение вперед к цели, которую я сама себе выбрала, не имея другого выхода из этого лабиринта долгов и обязательств перед прошлым, которое никак не хочет меня отпускать.

Я закрываю глаза и начинаю мысленно проектировать здание своего завтрашнего сна. Фундамент - из твердой уверенности, стены - из логики, крыша - из холодного расчета. Никаких украшений, никаких излишеств. Только чистая форма, способная выдержать любое давление, которое Северин решит на меня обрушить в своих поисках мифической истины, скрытой в глубинах человеческого разума. Я готова к встрече с его алгоритмами, я готова стать его ключом, но я не позволю ему сломать замок, который я так долго выстраивала вокруг своего настоящего Я, спрятанного за фасадом безупречного профессионализма и архитектурной точности.

Постепенно тьма за веками становится глубже, и я чувствую, как граница между реальностью и ожиданием начинает размываться, превращаясь в ту самую вязкую среду, в которой мне предстоит плыть завтра, преодолевая сопротив-

ление собственной памяти и чужой воли, стремящейся подчинить себе мои самые сокровенные образы и превратить их в данные для очередного научного отчета. Мой последний осознанный импульс - это проверка системы на наличие ошибок, но прежде чем я успеваю найти ответ, сознание соскальзывает в бездну, где уже нет ни чертежей, ни планов, только бесконечное ожидание первого контакта с неизведанным, который завтра изменит мою жизнь навсегда, превратив меня из наблюдателя в активного участника игры, правила которой мне еще только предстоит изучить в процессе самого процесса погружения в бездну.

Утром, ровно в семь, мой телефон разрывается от звонка. Я не глядя на экран, знаю, кто это. Елена. Моя мать. Единственный человек, способный разрушить любую архитектурную конструкцию одним своим тоном.

- Лина, ты спишь? - ее голос звучит так, будто она только что пережила катастрофу мирового масштаба, хотя на самом деле, скорее всего, просто закончился ее любимый сорт чая. - Я видела в новостях сюжет про эту лабораторию. Туда приехал этот ужасный Маркус Элдер. Лина, ты ведь не связываешься с этими людьми? Твой отец всегда говорил, что большие деньги - это большие проблемы, которые невозможно решить простым пересчетом.

- Мама, я уже на работе, - лгу я, садясь на кровати и пытаюсь унять дрожь в руках. - Все под контролем. Элдер просто проходил мимо. Не забивай себе голову.

- Ты всегда так говоришь, - вздыхает она. - "Под контролем". Но я же чувствую, как ты напряжена. Ты стала похожа на статую. Лина, жизнь - это не бассейн, здесь нельзя просто плыть по дорожке и надеяться на лучший результат.

Я отключаю звонок, не дослушав. Ее слова - это лишний шум в моей системе, мусорные данные, которые только мешают калибровке. Встаю, иду в душ, подставляю лицо под ледяные струи воды. Это мой ритуал очистки фасада. Тело отзывается мгновенно: мышцы приходят в тонус, кожа становится гиперчувствительной, ловя каждое изменение температуры. Я готова. Сегодня я войду в ту дверь, за которой заканчивается архитектура и начинается нечто, для чего у меня пока нет названия, но что уже ощущается как самая важная стройка в моей жизни, требующая полной самоотдачи и отказа от всех привычных защитных механизмов, кроме одного - моей способности видеть структуру там, где другие видят лишь хаос и неясные тени уходящего в небытие прошлого.

Выхожу из дома, сажусь в машину и направляюсь к Софнусу. Дорога кажется короче, чем обычно, будто пространство сжалось, подстраиваясь под мой внутренний ритм. Перед входом в лабораторию я замечаю Дэна Фогеля, того самого журналиста, который охотится за Северином уже полгода. Он стоит у входа, небрежно прислонившись к фонарному столбу, и делает вид, что читает газету, но его объектив направлен точно на двери Сектора А.

- Доброе утро, Лина! - окликает он меня, когда я пытаюсь быстро проскользнуть мимо. - Как там погода внутри "Сна"? Говорят, сегодня ожидается шторм в районе осознанных сновидений?

- Фогель, у вас плохое чувство юмора и еще более плохие источники информации, - я не останавливаюсь, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

- Мои источники сообщают, что вы - их новый секретный проект, - он идет следом, навязчиво заглядывая мне в лицо. - Скажите, каково это - знать, что ваши сны будут разбирать на запчасти лучшие умы современности? Это ведь как стриптиз, только для души, не так ли?

- Это как архитектура, Фогель. Мы строим мосты там, где другие видят пропасть. А теперь извините, у меня плотный график.

Я захожу внутрь, слыша за спиной его едкий смешок. Сектор А встречает меня привычной тишиной и запахом озона. Эрик уже на посту, его пальцы все так же порхают по клавиатуре, а спина кажется еще более согнутой. Он кивает мне, не поднимая глаз.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ ФАЗА ПОГРУЖЕНИЯ

Я чувствую, как в кармане рабочего халата шуршит клочок бумаги, который Эрик незаметно сунул мне секунду назад. Его пальцы коснулись моей руки всего на мгновение, но я до сих пор ощущаю этот контакт как термический ожог на фоне общего холода Сектора А. Здесь всегда поддерживают температуру в восемнадцать градусов, оптимальную для серверов, но губительную для тех, кто привык к теплу человеческого присутствия. Я прохожу мимо поста охраны, стараясь не менять ритм шага. Моя походка - это выверенная конструкция, где каждый шаг компенсирует наклон корпуса, чтобы не выдать волнения. Если я ускорюсь, система мониторинга движений, которую Артур Вайс называет "нашим маленьким всевидящим оком", зафиксирует отклонение от нормы. А норма для Лины - это архитектурная жесткость и фасадное спокойствие.

Захожу в женскую раздевалку, которая в этой стерильной обители данных выглядит как временное убежище, и только здесь позволяю себе достать записку. Эрик пишет мелко, буквы налезают друг на друга, словно пытаются спрятаться в складках бумаги. "Не верь калибровке третьего датчика. Они изменили порог чувствительности без твоего ведома. Будь

осторожна, Лина. Это уже не просто мониторинг". Я комкаю бумажку и бросаю ее в утилизатор. Мои пальцы слегка дрожат, и я тут же фиксирую это как системную ошибку. В бассейне, когда я стояла на стартовой тумбе, дрожь означала плохой старт. Здесь она означает пробоину в несущей стене моей психики.

- Лина, вы задерживаетесь на три минуты, - голос Стефани раздается из динамика под потолком. Она не заходит в раздевалку, она выше этого. Ее присутствие в моей жизни напоминает присутствие стальной арматуры в бетоне: она везде и нигде одновременно, обеспечивая жесткость структуры Северина.

- Уже выхожу, Стефани. Мои биологические часы еще не синхронизированы с вашим атомным эталоном, - отвечаю я, натягивая облегающий костюм для погружения.

Ткань костюма ощущается как вторая кожа, только более холодная и лишенная пор. Это высокотехнологичный полимер, пронизанный тончайшими нитями из серебра и графена. Когда я застегиваю молнию на груди, у меня возникает четкое ощущение, что я закрываю герметичный шлюз. Я вспоминаю, как Кира, моя единственная подруга, которая зарабатывает на жизнь тем, что вбивает краску под кожу людям, пытающимся найти смысл в символах, сказала мне перед моим уходом: "Лина, ты же понимаешь, что они собираются разобрать тебя на пиксели? Твой Северин не ищет истину, он ищет способ превратить твоё подсознание в торго-

вый актив". Кира всегда была слишком прямолинейной, ее мозг работал без фильтров, которые я так тщательно выстраивала годами. Я тогда только отшутилась, сказав, что мой актив слишком убыточен, чтобы кто-то всерьез захотел его купить. Но сейчас, в тишине раздевалки, ее слова звучат как предупреждение о сейсмической активности в зоне застройки.

Я выхожу в основной зал лаборатории. Здесь меня уже ждет Артур Вайс. Он стоит у пульта управления, старательно протирая очки микрофиброй - его излюбленный жест, когда он готовится произнести очередную ложь. Рядом с ним Эрик, он сутулится еще сильнее, чем обычно, и старательно избегает моего взгляда. Его пальцы нервно перебирают связку проводов, похожую на пучок перепутанных нервных окончаний какого-то гигантского существа.

- Лина, дорогая, сегодня у нас важный этап, - Вайс надевает очки, и его глаза за линзами кажутся неестественно большими, как у глубоководной рыбы. - Первая фаза глубокого погружения. Мы будем тестировать интерфейс "Сон-1". Северин лично будет наблюдать за процессом из аппаратной.

Я киваю, чувствуя, как внутри меня включается режим экономии ресурсов. Я не смотрю в сторону тонированного стекла аппаратной, за которым, я знаю, стоит он. Северин. Человек, который превратил мое прошлое в архив данных, а мое будущее - в эксперимент. Я чувствую его взгляд даже через стекло. Это не теплое внимание, это давление в несколь-

ко атмосфер, как на глубине десяти метров, когда барабанные перепонки начинают жалобно просить о пощаде.

- Ложитесь в капсулу, - командует Стефани, появляясь в дверях. Она выглядит безупречно: строгий костюм, ни одной лишней детали, лицо как отполированная поверхность мрамора. Она - идеальный интерфейс между Северином и реальностью.

Я подхожу к капсуле. Она напоминает футуристический саркофаг или высокотехнологичную колыбель. Внутренняя поверхность выстлана мягким материалом, который должен поглощать любые вибрации. Для меня же это просто очередная замкнутая структура, ограниченное пространство, где я должна буду встретиться с тем, что так долго пыталась замуровать в фундаменте своей памяти.

- Лина, - шепчет Эрик, когда я укладываюсь на ложементы. Он начинает крепить датчики к моим вискам, запястьям, щиколоткам. Каждый сенсор - это инородное тело, маленькое вторжение, нарушающее целостность моего физического Я. Я чувствую холодный гель, который он наносит на кожу. Гель пахнет спиртом и чем-то неувовимо медицинским, вызывая в памяти больничные коридоры из моего детства, когда мама, Елена, сидела в приемном покое и монотонно раскачивалась из стороны в сторону после исчезновения отца.

- Эрик, осторожнее с третьим датчиком, - негромко говорю я, следя за его реакцией.

Его рука на секунду замирает. Он бросает быстрый, испу-

ганный взгляд на Вайса, который в этот момент увлеченно обсуждает что-то со Стефани.

- Я... я проверил его, Лина. Все будет хорошо. Просто... постарайся не сопротивляться потоку, - его голос дрожит, и он быстро отходит к мониторам.

Не сопротивляться потоку. Легко сказать человеку, который всю жизнь строил дамбы. Я закрываю глаза и начинаю привычную процедуру: задерживаю дыхание, имитируя погружение под воду. Мои легкие расширяются, создавая внутреннее давление, которое противостоит внешнему миру. Это моя личная точка опоры. В воде нет лишних звуков, есть только ритмичный стук сердца и сопротивление среды.

- Начало калибровки, - раздается голос Вайса. - Лина, расслабьтесь. Мы просто снимаем фоновые показатели.

Я чувствую, как через датчики в мое тело начинает просачиваться слабый электрический ток. Это не больно, но крайне неприятно, словно тысячи микроскопических насекомых ползают под кожей, пытаюсь найти уязвимое место в моей броне. Мой внутренний рецензент тут же начинает оценивать ситуацию: "Нагрузка на центральную нервную систему в пределах нормы. Вторичные признаки стресса - учащенное сердцебиение. Требуется корректировка фасада".

- У нее пульс скачет, - слышу я приглушенный голос Стефани. - Северин недоволен. Он хочет чистого входа.

- Дайте ей минуту, - отвечает Вайс. - Лина - профессионал. Она знает, как стабилизировать структуру.

Они говорят обо мне так, словно я - строительный объект, который нужно сдать в эксплуатацию к определенному сроку. Это помогает. Когда тебя объективируют, легче сохранять дистанцию. Я вспоминаю сеансы у доктора Софии Грин. Она всегда сидела в своем кресле, зеркала мою позу, и спрашивала шепотом: "Лина, что вы чувствуете, когда стены начинают сжиматься?". Я отвечала ей архитектурными терминами: "Я чувствую нарушение эргономики пространства и дефицит инсоляции". Она никогда не получала от меня прямых ответов, потому что прямые ответы - это трещины в несущих конструкциях.

- Внимание, закрываем капсулу, - объявляет Вайс.

Тяжелая крышка из армированного поликарбоната начинает медленно опускаться. Я наблюдаю за этим процессом с отстраненным интересом исследователя. Вот она проходит точку излома света, вот звукоизоляционные уплотнители соприкасаются с основанием, и мир снаружи перестает существовать. Остается только гул вентиляции и ритмичное мигание светодиодов внутри капсулы. Я одна в этой технологической утробе.

- Лина, ты меня слышишь? - голос Северина звучит прямо у меня в голове через костную проводимость наушников. Его темп речи замедлен, каждое слово весомо, как гранитный блок. - Не пытайся анализировать процесс. Просто позволь своим снам стать данными. Ты ведь хочешь знать правду об отце? Она там, внизу, под слоями твоего рационально-

го бетона.

Его упоминание об отце бьет прямо в цель. Это запрещенный прием, подрыв фундамента. Я чувствую, как в горле встает ком, но тут же подавляю его. Отец. Человек, который оставил после себя только пустые комнаты и долговые расписки. Его исчезновение было самым масштабным разрушением в моей жизни, и я до сих пор разгребаю эти завалы.

- Я готова, Северин. Начинайте фазу погружения, - мой голос звучит ровно, почти механически.

- Начинаем подачу газовой смеси, - командует Вайс.

В капсулу начинает поступать едва уловимый аромат озона и полевых трав. Я знаю, что это синтетический коктейль, разработанный для стимуляции гипнагогических состояний. Мое тело начинает тяжелеть, словно я медленно погружаюсь в густой сироп. Кожа становится гиперчувствительной: я ощущаю каждый из ста датчиков как отдельный узел связи, через который моя личность выкачивается в серверную стойку лаборатории.

Мысли начинают путаться, терять свою четкую геометрическую форму. Я пытаюсь удержаться за образ чертежа нашего дома, но линии плывут, превращаясь в извилистые тени. Это фаза перехода. Я чувствую, как мое физическое Я растворяется, границы тела размываются, и я становлюсь просто набором импульсов на экране монитора Эрика.

Я вспоминаю Виктора Олдриджа. Он нашел меня за неделю до начала эксперимента. Его глаза бегали, а руки посто-

янно что-то записывали на старый диктофон. "Не ходи туда, Лина, - шептал он, оглядываясь по сторонам. - Они стирают границу. Ты перестанешь понимать, где твои мысли, а где их алгоритмы. Я до сих пор слышу голос Вайса в своих снах". Тогда я списала это на посттравматическое расстройство после неудачного участия в программе. Сейчас же, когда электрический шум в моей голове становится все громче, его слова кажутся мне самой логичной вещью в мире.

- Пульс падает, - голос Эрика звучит откуда-то издалека, словно через толщу воды. - Восемьдесят... семьдесят пять... шестьдесят...

- Это нормально, - отрезает Северин. - Она уходит в глубокую фазу. Следите за активностью миндалевидного тела. Там наши ответы.

Я хочу крикнуть, что мои ответы не принадлежат им, но язык не слушается. Мое тело теперь - это всего лишь биологический субстрат для их исследований. Я чувствую, как сознание проваливается в темную воронку, похожую на сливное отверстие в бассейне. Я снова та маленькая девочка, которая пытается доплыть до дна, чтобы коснуться плитки, пока легкие не начинают гореть от нехватки кислорода.

Внезапно темнота сменяется ярким, неестественным светом. Я стою посреди огромного зала, стены которого уходят в бесконечность. Это не архитектура, это лабиринт из моих собственных воспоминаний, перестроенный чьей-то властной рукой. Я узнаю мебель из нашего старого дома, но она

расставлена в странном, алогичном порядке. Диван висит под потолком, а обеденный стол врос в стену.

- Лина, ты здесь? - голос Северина звучит отовсюду и ниоткуда.

Я не отвечаю. Я начинаю идти по этому залу, чувствуя сопротивление воздуха. Здесь он плотный, как вода. Мои движения замедленны, каждый шаг требует усилий. Я вижу фигуру в конце коридора. Это мужчина, он стоит спиной ко мне и что-то пишет на стене. Отец? Мое сердце делает кувырок, нарушая все законы моей внутренней статики.

- Папа? - мой голос звучит глухо, как будто я говорю в подушку.

Фигура оборачивается, но вместо лица у нее - зеркальная поверхность, в которой я вижу саму себя, облепленную датчиками в капсуле. Это ловушка. Системная ошибка. Я пытаюсь отступить, но пол под ногами превращается в зыбучий песок.

- Стабилизируйте ее! - это уже голос Вайса, доносящийся из реальности. - У нее критический скачок активности в префронтальной коре. Она пытается выйти из сна!

- Нет, - голос Северина холодный и твердый, как сталь. - Увеличьте дозу седатива. Она должна пройти через это. Нам нужны данные о точке излома.

Я чувствую новый укол в предплечье - автоматическая система капсулы ввела препарат. Сопротивляться становится невозможно. Я погружаюсь еще глубже, туда, где нет слов, а

есть только первичные образы и страх.

Перед глазами всплывают кадры из прошлого, которые я годами прятала в архивных папках с пометкой "Удалить". Вот мама, Елена, плачет на кухне, сжимая в руках пустой конверт. Вот Маркус Элдер, вечный конкурент Северина, стоит в дверях нашей квартиры и говорит что-то о долгах и обязательствах. Его смех звучит как скрежет металла по стеклу. Все эти люди - части моей структуры, которые я пыталась игнорировать, строя свой безупречный фасад.

- Смотрите на показатели, - шепчет Эрик. - Это невероятно. Ее мозг выстраивает сложнейшие геометрические модели, чтобы блокировать доступ к травматическим воспоминаниям. Она строит крепость прямо во сне.

- Разрушьте ее крепость, - приказывает Северин. - Нам не нужен фасад. Нам нужен фундамент.

Я чувствую, как стены зала начинают вибрировать. На потолке появляются трещины, из которых сыплется не штукатурка, а цифры и программный код. Мой внутренний мир подвергается демонтажу. Это не сон, это санкционированный взлом моей личности.

Я пытаюсь вспомнить что-то реальное, что-то, что не принадлежит этой лаборатории. Кира. Ее татуировки, запах табака и дешевого кофе. Ее смех. "Лина, ты слишком серьезная, тебе нужно просто расслабиться и позволить миру течь сквозь тебя". Сейчас я бы отдала все, чтобы оказаться в ее захлавленной студии, а не в этой стерильной капсуле.

- Она теряет стабильность, - голос Вайса звучит встревоженно. - Артериальное давление падает. Артур, мы можем потерять актив.

- Северин, я настаиваю на прерывании сессии, - это говорит Стефани. Даже в ее ледяном голосе появились нотки беспокойства. Или это просто забота о сохранности дорогостоящего оборудования?

- Еще тридцать секунд, - отвечает Северин. Его голос звучит так близко, будто он стоит прямо над моей капсулой, склонившись над прозрачной крышкой. - Лина, не бойся. Это просто реконструкция. Мы заменим старые, гнилые балки на новые. Ты станешь сильнее.

Ложь. Он хочет не сделать меня сильнее, он хочет сделать меня прозрачной. Чтобы в моей структуре не осталось ни одного темного угла, где я могла бы спрятаться от его всевидящего ока. Я чувствую, как в моем мозгу происходит короткое замыкание. Вспышка боли за правым глазом - это сработал тот самый третий датчик, о котором предупреждал Эрик. Перегрузка.

Я вижу старого Абрама в его архиве. Он сидит среди гор старой бумаги, пахнувшей пылью и временем, и листает книгу моих детских снов. "Лина, - говорит он своим надтреснутым голосом, - ты строишь дома, потому что боишься, что у тебя нет своего места. Но помни: настоящий дом - это не стены. Это то, что остается, когда стены рушатся". Тогда я не поняла его слов, посчитав их старческим маразмом. Сейчас, ко-

гда моя внутренняя крепость рассыпается в прах под натиском алгоритмов Северина, я начинаю осознавать их смысл.

- Пульс сорок! - кричит Эрик. - Критическая отметка! Она уходит в гипоксию!

- Выводите ее! Сейчас же! - командует Вайс.

Я чувствую резкий толчок, как будто меня выдернули из воды на поверхность. Легкие судорожно втягивают воздух, который кажется слишком сухим и колючим. Я открываю глаза. Крышка капсулы уже поднята. Надо мной склонились Вайс и Эрик. Лицо Эрика бледное, по лбу катится пот. Вайс быстро снимает датчики, его руки действуют уверенно, но я вижу, как подергивается его веко.

- Все хорошо, Лина, вы вернулись, - говорит он, стараясь придать голосу наставническую мягкость. Но я вижу в его глазах только расчет. Для него я - выживший подопытный, ценный источник данных.

Я пытаюсь сесть, но мир начинает вращаться вокруг своей оси. Я хватаюсь за край капсулы, чувствуя холод металла. Мои мышцы дрожат от перенапряжения, как после многокилометрового заплыва против течения.

- Дайте ей воды, - приказывает Стефани, появляясь рядом. Она протягивает мне стакан, и я замечаю, что ее пальцы идеально неподвижны. Она - единственный стабильный элемент в этой комнате.

Я пью воду, чувствуя, как она стекает по пищеводу, возвращая мне ощущение физических границ. Мое тело снова

здесь, в Секторе А. Но где моя душа? Я чувствую себя опустошенной, как здание после капитального ремонта, из которого вывезли всю мебель и содрали старые обои.

- Где Северин? - спрашиваю я, вытирая губы тыльной стороной ладони.

- Он в аппаратной, анализирует данные, - отвечает Стефани. В ее тоне слышится легкая ревность. - Он очень доволен результатами. Вы превзошли все ожидания по глубине погружения.

Я смотрю на Эрика. Он стоит в стороне, собирая использованные электроды. На мгновение наши взгляды встречаются, и я вижу в его глазах немой вопрос: "Ты в порядке?". Я едва заметно киваю. Он спас меня, или, по крайней мере, предупредил. Теперь я знаю, что в этой игре есть правила, о которых мне не сообщили.

- Лина, вам нужно отдохнуть, - Вайс кладет руку мне на плечо. - Эрик проводит вас в вашу комнату. Завтра мы проведем дебрифинг и обсудим то, что вы видели.

Я встаю, опираясь на руку Эрика. Мои ноги кажутся ватными, но я заставляю себя стоять прямо. Моя внутренняя архитектура повреждена, но несущие стены еще держатся. Я иду по коридору лаборатории, чувствуя, как каждый шаг отдается эхом в моей пустой голове.

Мимо нас проходит Журналист Дэн Фогель в сопровождении охраны. Он выглядит взбудораженным, его блокнот испещрен какими-то записями. Заметив меня, он пытается

прорваться сквозь кордон.

- Лина! Лина, один вопрос! Это правда, что Северин использует технологию "Сон-1" для несанкционированного доступа к памяти? Есть сведения о побочных эффектах у участников программы!

- Мистер Фогель, покиньте территорию, - холодный голос Стефани пресекает любые попытки общения.

Я прохожу мимо, не глядя на него. Фогель - это просто внешний шум, помеха в системе. Меня сейчас волнует другое. В моем сознании, там, где раньше был чертеж моего идеального будущего, теперь зияет огромная дыра. И в этой дыре я видела зеркальное лицо своего отца.

Мы заходим в лифт. Эрик нажимает кнопку жилого модуля. Когда двери закрываются, он поворачивается ко мне и шепчет:

- Они изменили код во время сессии, Лина. Я не смог это остановить. Северин ввел дополнительный протокол "Архетип". Он искал что-то конкретное в твоём прошлом. Что-то, связанное с архивом твоего отца.

- Я знаю, Эрик. Я это чувствовала, - я прислоняюсь лбом к холодной металлической стене лифта. - Он не просто наблюдает за моими снами. Он их перестраивает.

- Будь осторожна, - Эрик касается моей руки. - Виктор Олдридж не был сумасшедшим. Он просто увидел то, что Северин хотел спрятать.

Лифт останавливается, и двери плавно разъезжаются. Я

выхожу в коридор жилого блока, чувствуя себя призраком в собственном доме. Впереди меня ждет ночь в комнате с видеокамерами и датчиками движения. Но теперь я знаю, что настоящая опасность ждет меня не снаружи, а внутри. Там, где Северин уже начал возводить свои конструкции на месте моих руин.

Я захожу в свой номер и не включаю свет. В темноте легче сохранять иллюзию контроля. Я подхожу к окну, из которого виден ночной город - скопление огней, напоминающее огромную микросхему. Где-то там живет Кира, где-то там мама Елена ждет моего звонка, чтобы снова пожаловаться на несправедливость жизни. А здесь, в сердце технологической империи Северина, я превращаюсь в чертеж, который он перерисовывает по своему вкусу.

Я ложусь на кровать, не снимая костюма. У меня нет сил даже на то, чтобы избавиться от этой второй кожи. Я закрываю глаза и чувствую, как пульс медленно выравнивается, входя в ритм с гулом вентиляции. Это была только первая фаза. Погружение продолжается, и я не уверена, что у меня хватит запаса воздуха, чтобы вернуться назад прежней Лией.

В тишине комнаты я слышу странный звук - едва уловимый шелест бумаги. Я приподнимаюсь и вижу на прикроватной тумбочке конверт, которого здесь не было раньше. Я вскрываю его дрожащими пальцами. Внутри - старая фотография. На ней я, маленькая, сижу на плечах у отца на фоне

строящегося моста.

ГЛАВА 4. ГЕОМЕТРИЯ ЧУЖОГО ПРИСУТСТВИЯ

На обороте знакомым почерком, от которого у меня до сих пор сводит мышцы предплечий, было выведено: Прочность конструкции проверяется не в штиль, а в резонанс. Папа всегда любил эти инженерные афоризмы, превращая нашу жизнь в бесконечный сопромат. Я провела подушечкой большого пальца по буквам. Бумага была сухой, чуть шершавой, пахла старой библиотекой и чем-то неуловимо металлическим, как будто ее долго держали в сейфе с медными монетами. Это был его почерк, без сомнений. Тот же наклон в тридцать градусов, то же характерное написание буквы -р-, напоминающее разомкнутый контур. Мозг тут же начал выстраивать логическую защиту: это подделка, Северин выкупил архивы, он нанял графолога, он калибрует мои реакции. Но тело не обманешь. Моя кожа помнила, как эта рука ложилась мне на затылок, когда я плакала из-за проигранных соревнований в двенадцать лет.

Я смяла конверт и сунула его под подушку. В комнате было слишком тихо, та стерильная тишина, которая бывает только в операционных или в глубоком вакууме. Вентиляция работала в режиме шепота, но я чувствовала ее вибрацию пятками. В этом здании каждый винтик был частью системы

Северина. Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Под глазами залегли тени, похожие на неудачные эскизы тушью. Костюм для сна, эта высокотехнологичная чешуя, плотно облегал тело, фиксируя малейшее сокращение мышц. Я была похожа на манекен, который готовят к краш-тесту.

Дверь бесшумно отъехала в сторону, и на пороге возникла Стефани. Она выглядела так, будто ее только что достали из морозильной камеры: ни одной лишней складки на сером костюме, волосы затянуты в узел с такой силой, что ее глаза казались неестественно распахнутыми. В руках она держала планшет. Ее присутствие всегда вызывало у меня зуд в районе лопаток, как будто она была живым воплощением функции Наблюдение.

- Лина, пора, - произнесла она своим ледяным тоном, в котором не было ни грамма сочувствия. - Доктор Вайс ждет. Ваши показатели кортизола зашкаливают. Вы нашли что-то, что вызвало стресс?

Она скользнула взглядом по тумбочке. Я заставила себя не смотреть на подушку, где лежал конверт. Моя внутренняя система безопасности сработала мгновенно: фасад спокойствия должен быть безупречен.

- Просто плохой сон, Стефани. Разве не для этого я здесь? Чтобы вы препарировали мои кошмары? - я усмехнулась, чувствуя, как губы стягивает сухость.

- Мы не препарлируем, мы оптимизируем, - поправила она,

разворачиваясь. - Идите за мной.

Мы шли по коридорам, которые напоминали внутренности огромного компьютера. Матовый пластик, скрытая подсветка, отсутствие прямых углов в стыках пола и стен. Северин ненавидел прямые углы, считая их архитектурной слабостью. Проходя мимо зоны отдыха, я заметила на экране телевизора лицо Дэна Фогеля. Журналист что-то увлеченно вещал, размахивая руками. Звук был выключен, но я знала этот его жест - он всегда так делает, когда чувствует жареное. Фогель копал под компанию Северина уже полгода, и его навязчивость начинала пугать даже меня. Он звонил мне трижды перед тем, как я подписала контракт, предлагал огромные деньги за инсайд. Я тогда просто заблокировала его номер. В моей системе ценностей предательство не входило в перечень допустимых нагрузок.

В лаборатории былолюдно для такого позднего часа. Артур Вайс чистил очки салфеткой из микрофибры - верный признак того, что старик нервничает. Рядом с ним суетился Эрик, техник с вечно встрепанными волосами и взглядом побитой собаки. Он украдкой посмотрел на меня и тут же отвел глаза, когда Стефани кашлянула. Эрик был моей единственной лазейкой в этом месте. Пару дней назад он шепнул мне в столовой, что мои данные уходят на сторонний сервер, который не принадлежит лаборатории.

- Лина, дорогая, - Вайс водрузил очки на переносицу. - Сегодня мы увеличим глубину погружения. Нам нужно до-

браться до нижних слоев, до того самого фундамента, где хранятся детские паттерны. Северин настаивает на полной синхронизации.

- Северин всегда на чем-то настаивает, - я легла на кушетку, чувствуя холод металла через ткань костюма. - А если фундамент окажется гнилым? Вы же знаете, что старые здания не всегда выдерживают реконструкцию.

- Мы укрепим несущие конструкции, - подал голос Северин.

Он стоял в тени, у панорамного окна. Его голос, низкий и размеренный, заполнил пространство, вытесняя из него воздух. Он подошел ближе, и я ощутила исходящий от него запах дорогого парфюма с нотками озона и кедра. Его взгляд был сканером, который проходил сквозь мою кожу, мышцы, кости, считывая информацию, которую я сама еще не осознала.

- Лина, сегодня вы не просто спите. Вы исследуете. Воспринимайте это как погружение в воду, где вы знаете каждую молекулу. Вы - пловчиха. Вы контролируете среду, а не она вас.

- В воде всегда есть течение, Северин. И иногда оно сильнее пловца, - ответила я, закрывая глаза.

Эрик начал крепить датчики к моим вискам. Его руки слегка дрожали. Я почувствовала, как один из электродов коснулся кожи за ухом - там, где у меня небольшой шрам от старой травмы. Тело отреагировало мгновенным выбросом

адреналина.

- Пульс сто десять, - констатировал Вайс. - Лина, дышите глубже. Вспомните упражнения Софии.

Доктор София Грин, мой психотерапевт, учила меня зеркалить собственное спокойствие. Представьте, что вы - монолит, говорила она. Но сейчас я чувствовала себя скорее как стеклянная колонна под гидравлическим прессом. В голове всплыл образ Маркуса Элдера, конкурента Северина, который встретил меня в лобби отеля неделю назад. Его агрессивное дружелюбие и запах табака тогда вызвали у меня тошноту. Лина, вы ставите не на ту лошадь, смеялся он. Северин сожрет вашу личность и даже не подавится.

Я сделала глубокий вдох, задерживая дыхание, как перед прыжком в бассейн. Это была моя старая привычка - имитировать погружение, чтобы отсечь внешний шум. Соппротивление воздуха стало ощутимым, почти осязаемым. Мир начал медленно тускнеть, звуки голосов Вайса и Эрика превратились в невнятное бульканье.

Я падаю. Но это не хаотичное падение, а контролируемый спуск по вертикальной шахте подсознания.

Я оказываюсь в старом бассейне. Это место из моего детства, но деформированное, раздутое до невероятных масштабов. Белая плитка на стенах покрыта мелкой сеткой трещин, напоминающей чертежи неизвестных городов. Потолок теряется в темноте, а сверху свисают ржавые цепи, на которых когда-то держались осветительные приборы. Запах

хлорки здесь настолько густой, что его можно резать ножом. Он щиплет глаза и вызывает фантомную боль в легких.

Я стою на бортике. Мое тело ощущает прохладу влажного бетона. Я смотрю вниз, в воду. Она не голубая, а какого-то странного стального оттенка, абсолютно неподвижная, как зеркало. В ней нет отражения потолка, только бесконечная глубина.

Я прыгаю. Вхождение в воду должно быть идеальным - без брызг, как вход ножа в масло. Но в этом сне вода ведет себя иначе. Она обволакивает меня слишком плотно, как густой сироп или клей. Каждый гребок требует колоссальных усилий. Мои мышцы, натренированные годами тренировок, стонут от неестественной нагрузки. Я пытаюсь плыть кролем, но руки вязнут в этой субстанции.

В этой системе есть баг, проносится мысль в голове. Кто-то посторонний занимает мой личный архив данных. Это пространство не должно быть таким тяжелым.

Я переворачиваюсь на спину, пытаюсь восстановить ритм дыхания. Вода выталкивает меня, но делает это неохотно. И тут я замечаю его. На самом дне, сквозь толщу этой вязкой стальной массы, виднеется мужской силуэт. Он не двигается. Он сидит в позе мыслителя на кафельном полу бассейна, и его очертания подозрительно четкие для такой глубины.

Я чувствую его взгляд на своей спине, хотя он сидит глубоко внизу. Это физическое ощущение, как будто по позвоночнику проводят ледяным кубиком. Взгляд исследователя,

который наблюдает за микробом под микроскопом.

- Кто ты? - пытаюсь крикнуть я, но из рта вылетают только крупные пузыри воздуха, которые застревают в воде, не желая подниматься к поверхности.

Фигура внизу начинает меняться. Она не всплывает, нет, она просто становится ближе, словно пространство между нами схлопывается. Я начинаю лихорадочно работать ногами, пытаюсь уплыть, но вода превращается в полимер. Она схватывает мои лодыжки, запястья, проникает в уши. Это уже не бассейн, это ловушка. Архитектура сна меняется: стены начинают сдвигаться, уменьшая зеркало воды. Плитка осыпается, обнажая под собой не кирпич, а сложные сплетения кабелей и светящихся волокон.

Я вижу лицо мужчины. Это не мой отец. И не Северин. Это кто-то, кого я видела раньше, но не могу вспомнить в этой вязкой реальности. Лицо кажется знакомым и в то же время абсолютно чужим, как маска, склеенная из разных фотографий. Его глаза - два черных провала, в которых нет отражения света.

В памяти всплывает голос старика Абрама, архивариуса, к которому я ходила перед экспериментом. Он пах старой бумагой и пылью веков. Лина, детка, сны - это не просто картинки, говорил он, перебирая пожелтевшие карточки моих детских ЭЭГ. Это заброшенные комнаты твоего дома. Будь осторожна, открывая двери, которые были заперты слишком долго. Иногда там поселяются сквоттеры.

Сквоттер в моей голове. Эта мысль вызывает приступ ярости. Это мой бассейн. Моя дистанция. Моя структура.

Я перестаю бороться с водой и замираю. Если вода - это клей, значит, я должна стать его частью. Я расслабляю мышцы, позволяя вязкой массе заполнить легкие. Это парадоксально, но как только я перестаю сопротивляться, давление ослабевает. Я начинаю медленно погружаться вниз, прямо к этой фигуре.

Мужчина поднимает голову. Его движения замедленны, как при воспроизведении на старой пленке. Он протягивает руку, и я вижу, что его пальцы заканчиваются тонкими иглами, похожими на датчики в лаборатории Вайса.

В этот момент тишину сна разрывает резкий, пронзительный звук. Это не крик и не шум воды. Это сирена. Она звучит так, будто кто-то вскрывает консервную банку моего черепа изнутри. Пространство бассейна начинает идти трещинами, как некачественный бетон под критической нагрузкой.

Я открываю глаза и резко сажусь на кушетке. Датчики на моих висках вибрируют, один из них с тихим щелчком отлетает и ударяется о пол. В лаборатории царит хаос. Красные лампы аварийного освещения заливают комнату тревожным светом.

- Что случилось? - голос хриплый, я едва узнаю его. В горле до сих пор стоит привкус хлорки и того странного полимера.

Вайс мечется у мониторов, его лицо блее мела. Эрик ли-

хорачдоно щелкает клавишами, его лоб покрывается крупными каплями пота.

- Критическая ошибка синхронизации, - выдыхает Эрик, не оборачиваясь. - Вторжение во внешний контур. Черт, я не могу это заблокировать!

Северин стоит у окна, скрестив руки на груди. Он единственный, кто сохраняет спокойствие, но я вижу, как напряжены его желваки. Он смотрит не на мониторы, а прямо на меня. В его взгляде нет страха, только холодный, расчетливый интерес, от которого мне становится тошно.

- Лина, что вы видели? - спрашивает он. Его голос звучит отчетливо даже сквозь вой сирены.

- Там был кто-то еще, - я пытаюсь спустить ноги с кушетки, но колени дрожат, и я едва не падаю. - В моем бассейне. Это был не глюк системы, Северин. Это был гость.

- Это невозможно, - отрезает Стефани, появляясь из ниоткуда с дефибриллятором в руках, как будто она собиралась меня оживать. - Система изолирована. Внешний доступ исключен.

- Расскажите это Эрику, - я киваю на техника, который едва не плачет над клавиатурой. - И моему подсознанию. Оно только что чуть не зацементировалось заживо.

Сирена внезапно обрывается. В наступившей тишине слышно только тяжелое дыхание Вайса и гудение серверов. Красный свет сменяется обычным белым, но он кажется мне слишком ярким, бьющим по глазам.

- Мы закончили на сегодня, - Северин делает шаг ко мне.
- Артур, снимите с нее все. Стефани, проводите Лину в ее комнату.

- Я хочу видеть логи, - я отталкиваю руку Вайса, который пытается отсоединить оставшиеся провода. - Я хочу знать, чью морду я видела на дне своего сна.

- Вы видели проекцию своих страхов, Лина, - Северин подходит вплотную. - Архитектура вашего разума еще нестабильна. Это побочный эффект глубокого погружения. Не ищите черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

- А если она там не одна? - я смотрю ему прямо в глаза. - Если вы запустили туда целый питомник?

Он ничего не отвечает, только едва заметно улыбается уголками губ. Эта улыбка пугает меня больше, чем фигура в бассейне. В ней есть знание, которым он не собирается делиться.

Стефани берет меня за локоть. Ее хватка железная, не оставляющая места для протеста. Мы выходим из лаборатории, и я чувствую, как на меня наваливается свинцовая усталость. Тело, лишённое адреналинового допинга, требует отдыха, но мозг продолжает лихорадочно обрабатывать информацию.

Проходя мимо поста охраны, я вижу Виктора Олдриджа. Он сидит на скамейке, ссутулившись, и что-то быстро шепчет в диктофон. Его движения дерганные, параноидальные.

Когда мы проходим мимо, он поднимает голову, и в его глазах я вижу тот же ужас, который испытала сама пару минут назад в вязкой воде бассейна.

- Не верь им, - шепчет он, когда Стефани на мгновение отвлекается на разговор по радиии. - Они меняют фундамент. Они перестраивают нас под свои нужды.

- Мистер Олдридж, вам здесь быть не положено, - ледяным тоном произносит Стефани, вставая между нами. - Охрана проводит вас к выходу.

Я оборачиваюсь, но Виктора уже уводят. Его слова резонируют с моими собственными ощущениями. Мой внутренний инженер кричит о том, что конструкция дала трещину.

В комнате я первым делом достаю из-под подушки смятый конверт. Фотография отца кажется мне теперь не утешением, а предупреждением. Прочность конструкции проверяется в резонанс. Кажется, Северин решил устроить мне этот резонанс по полной программе.

Я ложусь на кровать, чувствуя, как каждая мышца вибрирует от перенапряжения. Моя кожа до сих пор помнит прикосновение датчиков. Я закрываю глаза, но сна нет ни в одном глазу. Вместо него - бесконечный анализ произошедшего.

Кто был тем мужчиной в бассейне? Если это не проекция, значит, в системе действительно есть уязвимость. Или, что еще хуже, это намеренно оставленный бэкдор.

Я вспоминаю Елену, мою мать. Она всегда говорила, что

папа ушел, потому что не выдержал давления. Ты такая же, Лина, твердила она, когда я часами тренировалась в бассейне до кровавых мальчишков в глазах. Ты строишь стены, чтобы спрятаться от мира, но стены могут стать твоей тюрьмой.

Сейчас я чувствовала, как эти стены смыкаются. Лаборатория Северина, этот технологический рай, превращалась в паноптикум, где я была единственным экспонатом.

Я встаю и подхожу к окну. Ночной город за стеклом кажется нереальным, нарисованным на заднике театральных декораций. Где-то там Кира сейчас набивает очередному хипстеру татуировку, ругаясь на тупые иглы. Где-то там Дэн Фогель строчит свою разоблачительную статью, не подозревая, насколько глубока эта нора. А я здесь, в центре паутины, пытаюсь понять, кто на самом деле дергает за нити.

В тишине комнаты раздается негромкий сигнал моего смартфона. Я оставила его на столе, хотя Северин настоятельно рекомендовал минимизировать контакты с внешним миром во время фазы погружения.

На экране светится сообщение от неизвестного номера: В архиве Абрама есть запись 84-го года. Посмотри ее, пока они не стерли.

У меня перехватывает дыхание, но я тут же подавляю эту реакцию, заменяя ее механическим расчетом. 84-й год. Мне тогда было три года. Папа еще работал в проектном бюро. Что могло быть записано в снах ребенка, что имеет значение сейчас?

Я чувствую, как мышечная память возвращает меня в тот старый бассейн. Вода, клей, тишина. И взгляд, который не отпускает.

Я должна найти Абрама. Старик знает больше, чем говорит, и его загадки начинают обретать пугающую четкость чертежа. Если Северин хочет играть в архитектора моих снов, я должна изучить первоначальный план застройки.

Я подхожу к зеркалу и стираю остатки геля для датчиков с висков. Кожа там покраснела, как после ожога. Я смотрю на свое отражение и вижу в нем не только себя, но и ту тень на дне бассейна. Мы связаны, это очевидно. И эта связь не предусмотрена моим контрактом.

Я снова ложусь, на этот раз поверх одеяла. Мне нужно сохранить ясность ума. Завтра будет новый день, новые тесты, новые попытки Северина взломать мой фасад. Но теперь у меня есть зацепка. 84-й год. Запись в архиве.

Где-то в глубине здания гудит мощный сервер, обрабатывая терабайты моих страхов. Я чувствую это гудение всем телом, оно входит в резонанс с моим пульсом. Но теперь я не просто объект исследования. Я - инженер, который обнаружил критическую ошибку в проекте и намерен ее исправить, даже если для этого придется снести все здание до самого основания.

Я закрываю глаза, сознательно замедляя дыхание. В этот раз я не буду плыть. Я буду ждать. В любой системе, даже самой совершенной, есть точка излома. И я собираюсь найти

ее раньше, чем Северин найдет мою.

Мысли о Кире и ее беспечности кажутся теперь воспоминаниями из другой жизни, где проблемы ограничивались нехваткой денег на аренду или неудачным свиданием. Здесь, в технологической империи, ставки выросли до небес. Моя личность стала разменной монетой в игре, правил которой я до конца не понимала. Но одно я знала точно: вода в моем бассейне больше не будет клеем. Я сделаю ее сталью, о которую сломаются любые иглы-датчики.

Я чувствую, как сон снова подступает, но на этот раз он не кажется угрозой. Это инструмент. Мой собственный полигон, где я буду устанавливать правила. В конце концов, я профессионал в расчетах нагрузок, и я знаю, что любая несущая стена может стать опорой, если правильно распределить вес.

Северин думает, что он владеет архивом моих снов. Но он забывает одну простую истину: автор проекта всегда знает о нем чуть больше, чем тот, кто его купил. И я намерена доказать это на практике, шаг за шагом восстанавливая структуру своей реальности, которую они так старательно пытаются разрушить.

Я погружаюсь в темноту, но теперь в этой темноте я не одна. У меня есть цель, и эта цель - найти правду, скрытую за слоями кода и фальшивых воспоминаний. Сирена в моей голове замолкла, но эхо ее все еще дрожит в воздухе, напоминая о том, что время на исходе.

Завтра я найду Абрама. Завтра я узнаю, что случилось в 84-м. А пока я просто позволю себе раствориться в этой тишине, собирая силы для решающего броска. Ведь настоящий пловец знает: самое важное - это не старт, а финишное касание бортика, когда легкие горят от нехватки кислорода, но ты точно знаешь, что победил.

В коридоре слышались тихие шаги - это Стефани совершала свой ночной обход. Я замерла, имитируя глубокий сон. Она постояла у моей двери несколько секунд, вероятно, сверяясь с показателями на своем планшете, и пошла дальше. Ее шаги стихли, и я снова осталась наедине со своими мыслями и той странной фотографией, которая жгла мне руку даже сквозь ткань подушки.

Мир Северина был построен на контроле, но контроль - это самая хрупкая вещь в архитектуре человеческих отношений. Достаточно одной маленькой трещины, одной неучтенной переменной, чтобы вся конструкция рухнула. И я чувствовала, что этой переменной стану именно я. Моя жизнь всегда была борьбой с сопротивлением воды, и теперь я просто сменила среду. Принципы остались теми же. Сопротивляйся, и ты утонешь. Используй силу течения, и ты выберешься на берег.

Я сделала последний глубокий вдох и позволила сознанию соскользнуть в ту область, где нет ни датчиков, ни Вайса, ни Северина. Туда, где в глубине старого бассейна меня ждал ответ на вопрос, который я боялась задать себе все эти годы.

Сон пришел мгновенно, но на этот раз он был прозрачным и чистым, как дистиллированная вода. В нем не было ни звуков сирены, ни вязких полимеров. Только я и бесконечная голубая гладь, уходящая за горизонт, где небо встречается с водой в идеальной симметрии. И в этой симметрии я видела очертания моста - того самого, на фоне которого мы стояли с отцом на старой фотографии. Мост был цел, и его несущие конструкции казались незыблемыми, как сама вечность.

Я начала плыть к этому мосту, чувствуя, как сила возвращается в мои руки. Это был не просто сон, это была подготовка. Я знала, что когда я проснусь, мир уже не будет прежним, но я была к этому готова. Моя система была перезагружена, и в ней больше не было места для багов и непрошенных гостей. Я была хозяйкой своего пространства, и я намерена была защищать его до последнего гребка.

Тишина комнаты стала моим союзником, укрывая меня от внешнего мира и давая возможность сосредоточиться на главном. Я знала, что впереди меня ждет сложный путь, полный опасностей и открытий, которые могут изменить все мое представление о себе и о людях, которым я доверилась. Но страха больше не было. Была только решимость и холодный расчет инженера, который точно знает, что делать в критической ситуации.

Я заснула с этой мыслью, и мой сон был спокойным и глубоким, как океан в безветренную погоду. Я знала, что это лишь затишье перед бурей, но я была готова встретить ее во

всеоружии. Моя история только начиналась, и я была намерена написать ее сама, без чьих-либо подсказок и корректировок.

Проснувшись на следующее утро, я первым делом почувствовала непривычную легкость в теле. Свинцовая тяжесть исчезла, уступив место бодрости и ясности ума. Я села на кровати и посмотрела на тумбочку. Фотография лежала на прежнем месте, напоминая о событиях вчерашней ночи. Я взяла ее в руки и еще раз перечитала надпись. Теперь эти слова казались мне не просто афоризмом, а руководством к действию.

Я быстро оделась, стараясь не думать о том, что за мной постоянно наблюдают. Каждая камера, каждый датчик в этом здании были частью системы Северина, но теперь я знала, как обходить их внимание. Я научилась контролировать свои реакции, превращая свое тело в идеальный фасад, за которым скрывались мои истинные намерения.

Спустившись в столовую, я увидела Эрика. Он сидел за дальним столиком, уткнувшись в свой ноутбук. Я подошла к нему и поставила поднос с едой рядом.

- Привет, - тихо произнесла я, стараясь не привлекать лишнего внимания. - Как прошла ночь?

ГЛАВА 5. МАРКЕРЫ РЕАЛЬНОСТИ

Эрик вздрогнул так, будто я коснулась его оголенного провода, хотя я всего лишь опустила поднос на пластиковую поверхность стола. Его ноутбук, обклеенный стикерами с какими-то зашифрованными шутками для техников, едва не поехал по диагонали. Он быстро захлопнул крышку, но я успела заметить графики, пульсирующие неоновым фиолетовым цветом. Такие же я видела на мониторах в процедурной, когда Вайс думал, что я слишком занята попытками не задохнуться под тяжестью электродов.

- А, Лина. Привет. Ночь? Ночь была штатной. Ну, в смысле, лог-файлы чистые, без аномалий, - он затараторил, избегая моего взгляда и фокусируясь на своей тарелке с остывшей овсянкой.

Эрик всегда напоминал мне конструкцию, собранную из лишних деталей: слишком длинные руки, сутулые плечи, вечно растрепанные волосы, которые он дергал, когда нервничал. Он был классическим инсайдером, тем самым слабым звеном в идеальной архитектуре Северина, которое я намеревалась использовать. Я чувствовала, как во мне просыпается спортивный азарт, тот самый, что гнал меня по дорожке бассейна, когда до финиша оставалось десять метров,

а легкие уже горели от нехватки кислорода. В воде ты не можешь сомневаться, ты просто выполняешь заложенный алгоритм.

- Штатной? - я иронично приподняла бровь, ковыряя вилкой омлет, который по текстуре напоминал строительную пену. - Мне показалось, система подзависла на фазе быстрого сна. Было ощущение, что плотность среды увеличилась. Как будто я плыву в сиропе.

Эрик наконец поднял глаза. В них отразилось то самое любопытство, которое всегда борется в нем со страхом перед начальством. Он облизнул губы и придвинулся чуть ближе, понижая голос до едва различимого шепота.

- Это не система зависла, Лина. Это Северин ввел новые переменные. Он... он иногда меняет параметры фильтрации в реальном времени. Вайс злится, говорит, что это портит чистоту выборки, но кто пойдет против владельца? Северин ищет что-то конкретное. Какую-то точку опоры в твоём подсознании.

- Точку излома он ищет, Эрик. Несущую стену, которую можно снести, чтобы посмотреть, рухнет ли весь фасад, - я сказала это спокойнее, чем чувствовала.

Внутри меня все сжалось. Я знала эту тактику. Так мой отец проверял свои финансовые схемы - давил на самые слабые места, пока они не начинали трещать. А потом просто исчезал, оставляя после себя только пыль и пустоту. Северин действовал тоньше, он не разрушал, он перестраивал.

- Слушай, - Эрик внезапно протянул руку и быстро коснулся моего предплечья, тут же отдернув пальцы. - Будь осторожна с Вайсом. Он сегодня полчаса протирал очки, пока смотрел твою кардиограмму. Это плохой знак. Когда он так делает, значит, он что-то скрывает или готовит отчет для Северина, который тебе не понравится. И еще... тут крутился этот журналист, Дэн Фогель. Ошивался у входа, расспрашивал охрану про волонтеров.

- Фогель? Тот, который пишет о незаконных исследованиях? - я почувствовала, как по коже пробежал холодок, похожий на первый контакт с ледяной водой.

- Он самый. Настырный тип. Если он выйдет на тебя, Северин может свернуть проект или... или изолировать тебя еще сильнее.

Я кивнула, благодаря Эрика коротким жестом. Мне нужно было выбраться отсюда хотя бы на пару часов. Стены лаборатории начали давить на меня, как толща воды на глубине пяти метров. Мне жизненно необходим был глоток другого воздуха, грязного, городского, настоящего.

Выход из здания лаборатории всегда сопровождался процедурой, которая напоминала декомпрессию. Сначала Стефани, личный ассистент Северина, сверяла мой пропуск своим ледяным взглядом. Она стояла у стойки регистрации, прямая, как чертежная линейка, в своем сером костюме, который казался продолжением бетонных стен.

- Возвращайтесь к девятнадцати ноль-ноль, Лина, - произ-

несла она тоном, не терпящим возражений. - Северин ожидает отчет по утренним тестам. И не забудьте надеть пластырь на шею, если собираетесь в общественные места. Следы от датчиков выглядят неэстетично.

Я ничего не ответила, лишь поправила воротник куртки. Стефани была зеркалом Северина, лишенным собственных эмоций, или же она просто мастерски их прятала под слоем профессиональной деформации. Я видела, как она смотрит на меня, когда думает, что я не замечаю. В этом взгляде не было сочувствия, только холодный расчет и едва уловимая тень ревности, которую она подавляла с эффективностью шредера.

Город встретил меня шумом и запахами, которые после стерильности лаборатории казались агрессивными. Я шла по тротуару, автоматически анализируя фасады старых зданий. Трещины в кирпичной кладке, облупившаяся лепнина - все это были маркеры реальности, за которые я цеплялась. Мой телефон завибрировал в кармане. Мама.

- Лина, ты получила перевод? - ее голос звучал жалобно, с той самой интонацией, которая всегда заставляла меня чувствовать себя виноватой в том, что я выжила после исчезновения отца, а она - нет.

- Да, мам. Я отправила тебе еще утром. Этого должно хватить на лекарства и счета.

- Ох, детка, я не знаю, что бы я делала без тебя. Ты же знаешь, эти таблетки стоят целое состояние. И в квартире опять

течет кран, я вызывала сантехника, он содрал с меня три тысячи... А твой отец... мне сегодня снилось, что он вернулся. Он стоял в прихожей и молчал. Как думаешь, это знак?

- Это просто сон, мама. Сны - это просто мусор, который мозг выбрасывает за день. Не ищи в них систему там, где ее нет.

Я отключилась, не дожидаясь ее очередной порции воспоминаний о том, как они были счастливы до финансового краха. Мама жила в руинах прошлого, пытаясь склеить разбитую вазу, в то время как я пыталась построить новый фундамент на зыбучих песках экспериментов Северина.

Тату-салон Киры находился в полуподвальном помещении старого дома, где пахло индийскими благовониями, антисептиком и кожей. Когда я спустилась по крутой лестнице, колокольчик над дверью весело звякнул, разрезая гул татуировочной машинки.

Кира сидела на своем рабочем стуле, склонившись над плечом какого-то парня, чья спина была покрыта сложными геометрическими узорами. Ее синие волосы были собраны в небрежный пучок, а в губе поблескивало кольцо, которое она привычно подергивала зубами.

- Лина! - она не оторвалась от работы, но в ее голосе прозвучала искренняя радость. - Проходи, падай на диван. Я сейчас закончу с этим шедевром минимализма и уделю тебе время. Кофе в углу, но предупреждаю - он крепкий, как характер моей бабушки.

Я села на потертый кожаный диван, наблюдая за ее движениями. Кира мыслила хаосом, ее мир состоял из пятен краски, внезапных импульсов и громкого смеха. Для нее мои рассказы о лаборатории были чем-то вроде научно-фантастического хоррора, который она слушала с открытым ртом, но не до конца осознавала серьезность ситуации.

- Как твой эксперимент? - спросила она, когда клиент, расплатившись и получив инструкции по уходу, наконец ушел. - Все еще спишь за деньги? Слушай, это звучит как работа мечты, если не считать того, что твой босс похож на злодея из бондианы.

- Это не работа, Кира. Это исследование. И Северин... он не злодей. Он просто человек, который верит, что данные важнее чувств.

Кира подошла ко мне, вытирая руки бумажным полотенцем. Она внимательно посмотрела на мое лицо, и ее веселое выражение сменилось озабоченностью.

- Ты выглядишь так, будто тебя пропустили через центрифугу, подруга. У тебя под глазами тени такие, что в них можно спрятать контрабанду. И что это у тебя на шее?

Она бесцеремонно откинула мой воротник и присвистнула.

- Ничего себе. Лина, это что за отметина? Похоже на клеймо.

Я подошла к большому зеркалу в тяжелой раме, которое висело у стены. Сняв защитный пластырь, я увидела неболь-

шое красное пятно правильной круглой формы с точкой посередине - след от вакуумного датчика, который крепили к сонной артерии. На бледной коже это действительно выглядело жутковато, как инвентарный номер на детали механизма.

- Это просто раздражение от геля, - соврала я, хотя знала, что Кира мне не поверит. - Они меняют оборудование, пробуют новые частоты.

- Забирай деньги и беги из этого места, - Кира вдруг стала серьезной. Она крутила пирсинг в губе, и ее глаза сузились. - Я серьезно. Мне не нравится этот твой Северин. Я видела его фотку в журнале - у него глаза как у акулы. Он не смотрит на людей, он их оценивает как ресурс. Ты для него - просто уникальный биологический актив, Лина. Как только он выжмет из тебя все данные, он выбросит тебя на свалку, как использованный картридж.

- Мне нужны деньги, Кира. Ты знаешь про долги отца и про маму. Я не могу просто уйти. У меня есть обязательства, есть структура, которую я должна поддерживать.

- Структура? - Кира всплеснула руками. - Ты говоришь как гребанный архитектор, а не как живой человек! Твоя структура рухнет, если ты сойдешь с ума. Помнишь того парня, Виктора Олдриджа? Он заходил ко мне месяц назад, хотел перекрыть старую татуировку. Он тоже участвовал в каких-то тестах у Северина. Лина, он был в неадеквате. Оглядывался на каждую тень, записывал наш разговор на дикто-

фон и твердил, что его сны начали просачиваться в реальность. Он сказал, что Северин забирает у тебя способность отличать одно от другого.

Я замерла. Имя Виктора Олдриджа всплывало в архивах, к которым мне давал доступ Эрик, но там было указано, что он успешно завершил программу и получил полную выплату.

- Где он сейчас? - спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

- Понятия не имею. Ушел и не вернулся. Но он выглядел как человек, чей фундамент, говоря твоим языком, дал глубокую трещину.

Я села обратно на диван, чувствуя, как внутри нарастает вибрация. Это было похоже на то, как перед штормом вода в бассейне начинает мелко дрожать от работающих насосов. Я пыталась рационализировать слова Киры. Виктор мог быть психически неустойчивым еще до эксперимента. Его случай - это статистическая погрешность, а не правило. Северин не допустил бы системной ошибки такого масштаба.

- Кира, я контролирую ситуацию. Я пловчиха, забыла? Я умею задерживать дыхание дольше, чем кто-либо другой. Я просто нырнула глубже, чем планировала, но я всегда знаю, где поверхность.

- Главное, чтобы на поверхности тебя не ждал кто-то с багром, - проворчала Кира, принимаясь убирать свое рабочее место. - Ладно, давай я тебе хоть это пятно чем-нибудь зама-

жу или татуху временную бахну, чтобы не пугать прохожих.

Она начала рыться в своих ящиках, а я снова посмотрела в зеркало. Освещение в салоне было тусклым, неоновые вывески с улицы бросали на стекло длинные, дрожащие тени. И в этот момент я увидела его.

За моей спиной, в глубине коридора, ведущего в подсобку, стоял мужчина. Высокий, в темном пальто, с лицом, которое я узнала бы из тысячи. Это был тот самый силуэт из моего сна, тот, кто наблюдал за мной с берега, пока я боролась с течением. Его присутствие ощущалось физически - как внезапное падение атмосферного давления.

Я резко обернулась.

- Кто там? - мой голос прозвучал хрипло.

Кира замерла с флаконом антисептика в руке и посмотрела в сторону коридора.

- Где? Там никого нет, Лина. Только коробки с расходниками и старый манекен, на котором я тренируюсь. Ты чего?

Я сделала несколько шагов к коридору. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица, нарушая все мои установки на спокойствие. Там действительно никого не было. Только пустой коридор, заваленный коробками, и манекен, тускло отсвечивающий пластиком. Но я была готова поклясться, что видела движение. Видела, как он поправил воротник пальто - жест, который был настолько живым, что его невозможно было спутать с игрой теней.

- Мне кажется, мне пора, - сказала я, хватая сумку. - На-

верное, я действительно переутомилась.

- Еще бы, - Кира подошла и крепко обняла меня. - Лина, обещаю тебе, что если начнется какая-то дичь, ты придешь ко мне. Плевать на контракты и соглашения о неразглашении. Я тебя спрячу, честное слово. У меня есть подвал в другом районе, там даже Северин тебя не найдет.

Я вымученно улыбнулась и вышла на улицу. Воздух казался слишком плотным, почти осязаемым. Я шла по тротуару, стараясь не смотреть в отражения витрин. Мне нужно было вернуться в лабораторию, в свою стерильную камеру, где все было под контролем датчиков. Как ни странно, там я чувствовала себя в большей безопасности, чем здесь, в хаосе реальности, где границы начали размываться.

По дороге к метро я заметила Маркуса Элдера. Он выходил из дорогого ресторана, окутанный облаком запаха дорогого табака и парфюма, который стоил больше, чем мой годовой оклад. Элдер был главным конкурентом Северина, человеком, который превращал науку в агрессивный маркетинг. Он увидел меня и на мгновение задержал взгляд. Его улыбка была слишком широкой, слишком дружелюбной, чтобы быть искренней.

- О, мисс Лина, - он приподнял воображаемую шляпу. - Какая встреча. Как поживает наш общий друг Северин? Все еще пытается взломать код человеческой души?

- Добрый день, мистер Элдер. Я не обсуждаю работу вне лаборатории.

- Похвальная преданность. Но помните, - он подошел ближе, и я почувствовала исходящую от него угрозу, замаскированную под светскую беседу, - что иногда здание, которое кажется самым прочным, рушится первым из-за того, что архитектор забыл учесть усталость металла. Если вам когда-нибудь надоест роль подопытной мышки, мой номер у вас есть. Я ценю уникальные активы гораздо выше, чем Северин.

Я прошла мимо него, не оборачиваясь. Элдер был еще одной переменной, которую я не хотела вводить в уравнение. Его агрессивное дружелюбие раздражало меня не меньше, чем ледяная отстраненность Стефани.

В вагоне метро я закрыла глаза и начала считать дыхание, как делала это перед стартом на соревнованиях. Вдох на четыре счета, задержка на два, выдох на шесть. Я пыталась восстановить внутреннюю геометрию, выровнять несущие конструкции своей психики. Но перед глазами все равно стоял силуэт из зеркала.

Почему он появился здесь, в реальности? Это была системная ошибка моего восприятия или же эксперимент Северина зашел гораздо дальше, чем он мне говорил?

Когда я вернулась в лабораторию, в холле было необычно тихо. Доктор София Грин, штатный психотерапевт, стояла у окна, рассматривая что-то на улице. Она всегда говорила шепотом, и ее привычка зеркалить позы собеседника делала общение с ней утомительным.

- Лина, - она повернулась ко мне, в точности повторив

мой наклон головы. - Вы выглядите... встревоженной. Уровень кортизола в вашей утренней пробе был повышен. Расскажите мне, что вы видели сегодня? Не в лаборатории, а там, внутри себя.

- Я видела город, доктор Грин. Ничего необычного. Архитектура, люди, шум. Типичная энтропия.

- Энтропия - это тоже порядок, который мы просто не в силах постичь, - она подошла ближе, и ее шепот стал почти интимным. - Не бойтесь своих видений. Иногда то, что мы принимаем за галлюцинацию, является самым честным отражением действительности. Северин верит, что истина скрыта в глубине. Но иногда она плавает на поверхности, нужно только уметь смотреть.

Она мягко коснулась моей руки, и я почувствовала, как по телу прошла волна раздражения. Все они говорили загадками, все они пытались вскрыть мой фасад, не понимая, что за ним - только моя воля и желание довести дело до конца.

Я поднялась в свою комнату и села на кровать. На тумбочке лежала старая фотография отца. Я взяла ее в руки, вглядываясь в черты его лица. Он всегда говорил мне: Лина, если хочешь построить что-то стоящее, начни с фундамента. Но он сам забыл об этом правиле, когда его финансовая империя начала рушиться. Он просто сбежал, оставив нас разгребать завалы.

Я не буду такой. Я пройду через этот эксперимент, заберу деньги и построю свою жизнь заново, по собственным чер-

тежам.

Раздался тихий стук в дверь. Это был старик Абрам, архивариус. Он пах старой бумагой и пылью времен, когда наука еще не была такой технологичной. В руках он держал толстую папку.

- Лина, деточка, я нашел кое-что в старых архивах, - он говорил медленно, словно каждое слово весило по килограмму. - Записи твоих снов, когда ты была еще ребенком. Твой отец приносил тебя в клинику, когда Северин только начал свои исследования. Ты ведь не знала об этом?

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Удар, который я не успела заблокировать.

- Что? Мой отец приносил меня сюда? Этого не может быть. Северин сказал, что нашел меня по объявлению месяца назад.

- Северин много чего говорит, - Абрам грустно улыбнулся, обнажая пожелтевшие зубы. - Он коллекционер. И ты была его первым экспонатом, задолго до того, как стала волонтером. Твой отец продал ему твои сны, чтобы покрыть часть своих первых долгов. Посмотри на эти графики. Они почти идентичны тем, что они снимают сейчас. Ты не просто участник, Лина. Ты - возвращение к истокам.

Он положил папку на стол и так же тихо вышел, оставив меня одну в комнате, которая внезапно стала казаться клеткой. Я смотрела на старые листы бумаги, на которых детским почерком были записаны мои кошмары двадцатилетней дав-

ности. Те же образы, те же символы, то же ощущение воды, смыкающейся над головой.

Северин лгал мне с самого начала. Я была не просто архитектором своей жизни, я была частью его проекта с самого детства. Моя структура была заложена им, мои стены были построены по его плану.

Я подошла к окну и посмотрела на ночной город. Где-то там, среди огней, бродил Виктор Олдридж, потерявший связь с реальностью. Где-то там Кира смывала краску со своих инструментов, а мама ждала моего звонка. Но здесь, в этом здании, я была центром паутины, которую Северин плел десятилетиями.

Я почувствовала, как внутри меня что-то меняется. Это не был страх, это была ярость - холодная, расчетливая, как сталь. Если он хотел увидеть мою настоящую структуру, он ее увидит. Но не ту, которую он запрограммировал, а ту, которую я выстроила вопреки всему.

Я снова надела пластырь на шею, скрывая клеймо. Мое тело снова стало моим фасадом, моей крепостью. Я села за стол и открыла папку Абрама. Мне нужно было изучить врага на его же территории, понять логику его действий, чтобы найти системную ошибку в его собственном плане.

Через час за мной пришла Стефани.

- Время вечерней сессии, Лина. Северин уже в операторской. Он говорит, что сегодня мы попробуем увеличить глубину погружения. Вы готовы?

- Я всегда готова, Стефани, - ответила я, вставая. - Скажи ему, что сегодня я не буду сопротивляться течению. Посмотрим, куда оно меня вынесет.

Я шла по длинному коридору, чувствуя сопротивление воздуха, как сопротивление воды. Каждый мой шаг был выверен, каждое движение наполнено мышечной памятью спортсменки. Я знала, что за мной наблюдают десятки камер, что каждый мой вздох фиксируется датчиками. Но теперь я знала нечто большее. Я знала, что я не просто подопытная. Я - ключ, который Северин сам вложил в мою руку, не осознавая, что я могу не только открыть дверь, но и сломать замок.

В процедурной пахло озоном и холодным металлом. Вайс суетился у мониторов, протирая очки своим неизменным платочком. Он даже не посмотрел на меня, когда я легла на кушетку. Его руки дрожали, когда он крепил датчики к моим вискам.

- Все будет хорошо, Лина, - пробормотал он. - Просто дышите ровно. Мы просто... корректируем настройки.

Я закрыла глаза, не дожидаясь, пока по венам побежит препарат, погружающий меня в сон. Я уже была там, в своей внутренней архитектуре, обходя несущие стены и проверяя точки излома. Я знала, что сегодня Северин будет ждать меня там, в моем подсознании, готовый нанести очередной удар. Но на этот раз я была не одна. Со мной были мои воспоминания, мои старые сны и ярость, которая стала моим новым фундаментом.

Погружение началось. Я почувствовала, как мир вокруг растворяется, уступая место вязкой, темной воде. Но на этот раз я не пыталась выплыть на поверхность. Я гребла глубже, туда, где свет ламп лаборатории превращался в тусклые искры, туда, где скрывалась истина, которую Северин так тщательно оберегал.

Я чувствовала, как электроды на моей коже становятся частью моей нервной системы, передавая данные в операторскую. Пусть смотрит. Пусть анализирует. Он увидит только то, что я позволю ему увидеть. Моя крепость стояла прочно, и никакая осада не могла ее разрушить, пока я сама не решу открыть ворота.

В этом сне не было берега. Была только бесконечная толща воды, пульсирующая в ритме моего сердца. И где-то впереди, в самой глубине, я увидела свет. Это был не выход, это был центр лабиринта, то самое место, где все началось двадцать лет назад. И я была намерена дойти до него, чего бы мне это ни стоило.

Я чувствовала присутствие Северина. Он был здесь, невидимый, но осязаемый, как давление на барабанные перепонки. Он наблюдал за каждым моим движением, записывая мои реакции. Но он не знал одного: я больше не боялась утонуть. Я научилась дышать под водой, превращая свою слабость в свою главную силу.

Сон становился все плотнее, образы - четче. Я видела залы старой библиотеки, где Абрам листал свои фолианты, видела

лицо Киры, искаженное тревогой, и слышала голос матери, зовущей меня из темноты. Все это были лишь фрагменты, детали одной большой конструкции, которую мне предстояло собрать.

Я двигалась вперед, чувствуя, как реальность и сон окончательно переплетаются, образуя новую, пугающую и в то же время прекрасную структуру. Это был мой мир, моя территория, и здесь правила устанавливала я. Северин мог быть владельцем лаборатории, но здесь, в глубине моей души, он был лишь гостем, которого я могла в любой момент попросить уйти.

Я закрыла глаза во сне, концентрируясь на ощущении собственного тела. Я чувствовала каждый датчик, каждую иглу, каждый импульс тока. Это была симфония боли и осознания, которая вела меня вперед. Я знала, что этот путь будет долгим и опасным, но я была готова к нему. Моя архитектура была завершена, мой план был готов, и теперь оставалось только привести его в исполнение.

Тень мужчины в пальто снова мелькнула на периферии зрения. На этот раз он не прятался. Он стоял и ждал меня, указывая путь к самому сердцу тайны. И я последовала за ним, зная, что это единственный способ вернуть себе контроль над собственной жизнью. Впереди была неизвестность, но она больше не пугала меня. Она была лишь очередной нагрузкой на мою конструкцию, которую я была обязана выдержать.

Я чувствовала, как глубина принимает меня, обволакивая теплом и тишиной. Лаборатория, Вайс, Стефани - все это осталось где-то далеко, на поверхности, в мире, который перестал быть для меня единственно важным. Здесь, в этом океане подсознания, я была свободна. И эта свобода была дороже любых денег и любых гарантий безопасности. Я плыла вперед, навстречу своему прошлому, которое должно было стать моим будущим.

ГЛАВА 6.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТУПИК

Соппротивление среды - это первое, что я фиксирую, когда сознание начинает выплывать из вязкого киселя сна. Воздух в кабинете доктора Софии Грин кажется слишком плотным, почти осязаемым, как вода в бассейне перед грозой, когда атмосферное давление падает, и каждый гребок дается с удвоенным усилием. Я сижу в глубоком кресле, обивка которого на ощупь напоминает наждачную бумагу мелкой фракции, и пытаюсь сориентироваться в пространстве. Моя кожа все еще хранит фантомные ощущения датчиков, которые Артур Вайс крепил к моим вискам сегодня утром. Эти точки на теле зудят, словно там остались микроскопические проколы, через которые утекает моя конфиденциальность.

София сидит напротив. Она идеальный образец симметрии. Ее поза - зеркальное отражение моей: та же легкая сутулость, правая нога закинута на левую, ладони покоятся на подлокотниках. Это дешевый психологический трюк, создание раппорта, но на Софии он выглядит как тщательно выверенный архитектурный проект. Она молчит уже три минуты. В мире профессиональной психотерапии тишина - это инструмент, молоток, которым они простукивают несущие стены твоей психики в поисках пустот.

- Ты выглядишь так, будто только что вышла из глубокого погружения, Лина, - наконец произносит она.

Ее голос тихий, обволакивающий, лишенный резких углов. Она говорит шепотом, заставляя меня наклоняться вперед, нарушая мою личную дистанцию. Я чувствую, как мои лопатки напрягаются. Мышечная память пловчихи подсказывает: сейчас будет рывок.

- Технически, так оно и есть, - отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально сухо. - Лабораторный цикл завершен. Северин требует отчетов, Вайс требует стабильных показателей, а мое тело требует простого отсутствия внешних раздражителей.

Я намеренно использую слово "раздражители", классифицируя ее саму как один из факторов нагрузки. София делает едва заметное движение головой. Ее серьги-кольца качнулись с математической точностью.

- Северин, - повторяет она, как будто пробует это имя на вкус. - Мы много говорили о нем в прошлый раз. Но сегодня я хотела бы вернуться к другой фигуре. К той, чье отсутствие создает в твоей структуре самый большой прогиб. Давай поговорим о твоём отце.

Я чувствую, как внутри срабатывает автоматический заборный клапан. Сердце делает лишний толчок, но я подавляю его, замедляя дыхание. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть. Погружение.

- Отец - это закрытый проект, София. Объект выведен из

эксплуатации десять лет назад. Анализировать там нечего, документация утеряна, фундамент размыт долгами и судебными исками.

- Красивая метафора, - София слегка наклоняет голову вбок, в точности повторяя мой жест. - Но здания не исчезают бесследно, даже если их сносят. Остается котлован. Остается измененный ландшафт. Ты до сих пор пытаешься заполнить этот котлован чужими ожиданиями. Северин дает тебе деньги, которые твой отец задолжал миру. Ты считаешь, что это честная сделка?

- Это логическая операция, - я поправляю манжет блузки. - Есть дефицит бюджета, есть источник дохода. Моя мать, Елена, до сих пор живет в квартире, которую банк не отобрал только чудом. Она звонит мне трижды в неделю, и каждый раз ее голос звучит так, будто она тонет, а я - единственный спасательный круг, который она при этом пытается прокусить. Ей нужны лекарства, ей нужны счета за отопление, ей нужно чувство безопасности, которое отец демонтировал вместе со своим исчезновением. Северин просто подрядчик, который предоставляет ресурсы.

София делает пометку в своем блокноте. Я пытаюсь прочитать написанное, но ее почерк - это набор нечитаемых кривых, напоминающих ЭЭГ пациента в коме.

- Ты описываешь свои чувства к матери как гидравлическую систему под давлением, - замечает София. - А отца - как строительную ошибку. Но в твоих снах, судя по тому,

что ты рассказывала ранее, всегда есть кто-то, кто наблюдает. Кто-то, кто стоит за пределами твоей видимости. Это не Северин. И это не Вайс.

Я вспоминаю сегодняшний сон. Тень мужчины в пальто. Его силуэт был четким, но лицо постоянно расплывалось, как отражение в ряби воды. Я чувствовала его присутствие не глазами, а кожей. Так пловец чувствует приближение другого человека в бассейне по изменению давления волн, даже не оборачиваясь.

- Мои сны - это побочный продукт нейростимуляции, - я стараюсь звучать убедительно, прежде всего для самой себя. - Вайс вводит препараты, которые усиливают фазу быстрого сна. Это как перегрузка сервера: оперативная память начинает выдавать случайные образы из старых архивов. Там нет мистики. Только битые пиксели памяти.

- Битые пиксели не вызывают такой тахикардии, какую я вижу у тебя сейчас, - шепчет София. - Расскажи мне о бассейне.

Я замираю. Мои пальцы впиваются в подлокотники кресла. Откуда она знает про бассейн? В предыдущих сессиях я описывала только общие контуры: пустые комнаты, холодные коридоры, ощущение преследования. Я точно помню, что не упоминала воду.

- О каком бассейне? - спрашиваю я, и мой голос звучит на полтона выше, чем нужно. Системный сбой. Уязвимость обнаружена.

София молчит, продолжая зеркалить мою напряженную позу. Ее взгляд прикован к моим глазам. В этом взгляде нет сочувствия, только холодный исследовательский интерес, такой же, как у Северина, когда он смотрит на графики моей мозговой активности.

- Ты ведь пловчиха, Лина. Твое тело помнит воду лучше, чем твой мозг. Ты сама сказала, что чувствуешь сопротивление воздуха. В твоём подсознании вода - это единственное безопасное место, где ты можешь контролировать все три измерения. Поэтому ты всегда возвращаешься туда. Но почему во сне мужчина стоял именно в центре бассейна?

Холод проходит по позвоночнику, как будто мне за шиворот плеснули ледяной воды из стартового колодца. Я не говорила ей об этом. Я не говорила об этом даже самой себе вслух. Этот образ - мужчина, стоящий на поверхности воды в самом центре олимпийского бассейна, - возник в моей голове всего несколько часов назад, в тот момент, когда я проснулась в лаборатории под надзором Вайса и его суетливого помощника Эрика. Эрик тогда еще пролил кофе на пульт, и я помню запах жженных зерен, смешанный с запахом озона.

- Я не упоминала центр бассейна, София, - чеканю я каждое слово. - Откуда у вас эта информация?

София не моргает. Она медленно перелистывает страницу блокнота.

- Возможно, ты забыла. Или, возможно, это логический

вывод. Центр - это точка максимального удаления от бортов. Место, где ты наиболее уязвима, потому что тебе не за что ухватиться. Твой отец оставил тебя именно там. Посреди океана долгов и неопределенности, не дав даже спасательного жилета.

Я чувствую, как гнев начинает пульсировать в висках. Это не профессиональная догадка. Это утечка данных. Артур Вайс. Этот старый лис чистит свои очки каждый раз, когда я задаю ему прямые вопросы о результатах тестов. Он сливает информацию Северину, это понятно - Северин платит ему зарплату. Но София? Она должна быть моим "безопасным пространством". Хотя в мире, где Северин скупил половину города, понятие безопасности - это просто маркетинговый ход.

Вчера, когда я заходила в тату-салон к Кире, она предупреждала меня. Кира сидела на своем высоком табурете, ее пальцы, испачканные в чернилах, беспрестанно теребили кольцо в носу. "Лина, ты вписываешься в херню", - сказала она тогда, перекрывая гул тату-машинки. "Твой Северин похож на человека, который коллекционирует не сны, а души. Ты для него - редкий экземпляр, бабочка, пришпиленная к пробковой доске". Я тогда только отмахнулась, сказав, что контролирую ситуацию.

Теперь, сидя в кабинете Софии, я понимаю, что булавка уже прошла сквозь мои крылья.

- Вы общаетесь с Вайсом? - спрашиваю я напрямую. - Или,

может быть, со Стефани? Она выглядит как человек, который любит собирать досье на всех, кто приближается к ее боссу.

Стефани, ассистентка Северина, всегда смотрит на меня так, будто я - грязное пятно на идеально отполированном полу офиса. Ее ледяной тон и безупречная выправка вызывают у меня желание намеренно сутулиться, просто чтобы разрушить ее эстетическую гармонию.

- Моя работа - помогать тебе интегрировать твой опыт, Лина, а не обсуждать мои контакты, - София мягко уходит от ответа, снова эта психотерапевтическая гибкость, похожая на поведение ртути. - Давай вернемся к мужчине. Если это не твой отец, то кто бы это мог быть? Кто еще обладает властью стоять там, где ты тонешь?

Я закрываю глаза и на мгновение снова оказываюсь там. Голубой кафель, запах хлорки, свет, падающий через высокие окна. И он. Высокий, в темном пальто, которое не намокает. Его присутствие ощущается как гравитационная аномалия.

- Это может быть Северин, - произношу я, и это признание дается мне с трудом. - Он захватил мое пространство реальности. Логично, что он начал экспансию в мои сны. Он хочет знать все. Он верит, что истина существует только тогда, когда человек спит. Он называет это "чистыми данными".

- А ты? Ты веришь в чистоту этих данных? - София подается вперед, ее зеркальная поза разрушается, она нарушает

симметрию, и это пугает меня больше всего.

- Я верю в структуры, - мой внутренний критик начинает зачитывать список аргументов. - Я верю в то, что если здание рушится, у этого есть конкретная причина: усталость металла, ошибка в расчетах, некачественный бетон. Мои сны - это просто визуализация моих внутренних расчетов. Я пытаюсь вычислить, в какой момент моя жизнь пошла не по чертежу.

Я вспоминаю Виктора Олдриджа. Тот парень, который подкараулил меня у выхода из лаборатории на прошлой неделе. У него были такие глубокие темные круги под глазами, что казалось, будто его лицо проваливается внутрь. Он шептал что-то о том, что Северин крадет не только сны, но и время. "Он заставит тебя жить там, Лина. Ты перестанешь понимать, где верх, а где низ". Тогда я приняла его за параноика, за очередную жертву системной ошибки. Теперь его дерганные движения и привычка постоянно оглядываться кажутся мне вполне рациональной реакцией на окружающую среду.

- Твой отец тоже верил в структуры, - тихо говорит София. - До того, как они его раздавили. Ты боишься повторить его путь, поэтому создаешь вокруг себя экзоскелет из логики и архитектурных терминов. Но экзоскелет не защищает от внутреннего кровотечения.

- У меня нет кровотечения, София. У меня есть график платежей и необходимость сохранять работоспособность.

Я встаю. Мое тело требует движения. Я чувствую, как

мышцы ног напряжены, готовые к толчку от бортика. В этом кабинете слишком мало кислорода. Мне нужно выйти на улицу, ощутить кожей настоящий ветер, а не этот кондиционированный суррогат.

- Мы еще не закончили, - София не встает, она продолжает сидеть, снова принимая свою симметричную позу. - Твое время еще не вышло.

- Мое время принадлежит мне, - бросаю я, направляясь к двери. - Северин купил мои ночи, но мои дни пока еще находятся в моей собственности.

Выходя из кабинета, я едва не сталкиваюсь с Маркусом Элдером. Конкурент Северина стоит в коридоре, прислонившись к стене, и курит, несмотря на запрещающие знаки. От него пахнет дорогим табаком и какой-то агрессивной уверенностью. Его смех, слишком громкий для этого стерильного пространства, разносится по коридору.

- О, наша маленькая рыбка выплыла из аквариума, - он ослабляется, обнажая слишком белые зубы. - Как сессия, Лина? София уже нашла в твоей голове потайную дверь, которую Северин забыл запереть?

Я прохожу мимо, не удостоив его ответом. Элдер - это еще одна переменная в уравнении, которую я пока не могу интегрировать. Он пытается перекупить меня уже месяц, предлагая суммы, от которых у моей матери случился бы инфаркт от счастья. Для него я - биологический актив, уникальный инструмент, который он хочет отобрать у соперника.

На улице город обрушивается на меня шумом и суетой. Я иду по тротуару, ощущая каждый шаг как механическое действие. Мое тело - это сложная машина, которой я управляю с возрастающим трудом. Где-то в толпе я замечаю Дэна Фогеля. Журналист с вечно помятым видом и блокнотом, в который он записывает свои подозрения о деятельности компании Северина. Он не подходит близко, он просто следует за мной, как тень, как еще один свидетель моего медленного разрушения.

Я захожу в небольшое кафе, чтобы просто посидеть в тишине. За соседним столиком какой-то старик, похожий на нашего лабораторного архивариуса Абрама, медленно перелистывает газету. Абрам - единственный в компании Северина, кто не вызывает у меня отторжения. От него пахнет старой бумагой и пылью веков. Однажды он показал мне записи снов, сделанные еще в моем детстве, когда отец только начинал свои первые эксперименты с нейроинтерфейсами. Я тогда не придавала этому значения, но сейчас эти воспоминания всплывают на поверхность, как утопленники.

Отец тоже изучал меня. Я была его первым объектом. Его маленькой рыбкой в большом аквариуме.

Мои мысли прерывает вибрация телефона. Сообщение от Эрика: "Лина, я нашел то, что ты просила. Файлы с пометкой 'Проект Омега'. Там есть данные по твоему отцу. Но мне нужно, чтобы ты пришла в лабораторию после закрытия. Стефани сегодня уезжает в филиал, контроля будет мень-

ше".

Я чувствую, как внутри что-то щелкает. Это точка излома. Несущая стена моего спокойствия дает трещину, которую уже не скрыть за фасадом иронии. Информация об отце в архивах Северина - это не просто совпадение. Это часть общего плана, генерального чертежа, в котором мне отведена роль не архитектора, а строительного материала.

Я вспоминаю вопрос Софии о центре бассейна. Если она знает такие подробности, значит, она видит мои сны так же четко, как и я. Или, что еще хуже, она их проектирует вместе с Вайсом. Весь этот психоанализ - просто способ калибровки системы, проверка того, насколько глубоко я заглотила наживку.

Я заказываю двойной эспresso. Горечь кофе помогает сфокусироваться. Мой план, который я обдумывала всю последнюю неделю, начинает обретать жесткий каркас. Если они хотят играть в мои сны, им придется играть по моим правилам. Я больше не буду пассивным объектом наблюдения. Я стану системной ошибкой, которую они не смогут проигнорировать.

Мои пальцы непроизвольно начинают выстукивать ритм по столу. Это ритм моего дыхания во время заплыва на длинную дистанцию. Главное - не поддаваться панике, когда легкие начинают гореть от нехватки кислорода. Нужно просто продолжать движение, доверять мышечной памяти и знать, что в конце дистанции всегда есть бортик, от которого мож-

но оттолкнуться.

Перед глазами снова встает лицо матери. Ее жалобный тон, ее вечные упреки в том, что я стала "такой же холодной, как он". Она не понимает, что холод - это единственный способ сохранить структуру в мире, который постоянно пытается тебя расплавить. Мой отец не был холодным. Он был мечтателем, и именно это его погубило. Он верил, что может построить мост между реальностью и воображением, но не учел сопротивление материалов.

Я достаю из сумки блокнот и начинаю быстро чертить схему лаборатории. Я знаю, где находятся слепые зоны камер, спасибо Эрику и его неосторожным рассказам о системе безопасности. Я знаю график обходов охраны. Я даже знаю, в какой момент Вайс уходит пить свой травяной чай, оставляя терминал без присмотра на критические пять минут.

Мой интеллектуальный тупик, в который меня пыталась загнать София, на самом деле оказался дверью. Просто нужно было перестать толкать ее от себя и попробовать потянуть на себя.

Я смотрю в окно кафе. Город живет своей жизнью, тысячи людей движутся по своим маршрутам, даже не подозревая, что их реальность - это всего лишь тонкая пленка над бездной подсознания. Северин хочет проткнуть эту пленку. Он хочет стать богом в мире снов, где нет законов физики, но есть законы его воли. И я - его главный инструмент для этой лоботомии реальности.

Но инструмент может сломаться в руках мастера. Или, что еще интереснее, он может начать действовать самостоятельно.

Я чувствую странный прилив энергии. Это не радость и не страх, это чистое, дистиллированное возбуждение исследователя, который обнаружил критическую уязвимость в системе безопасности противника. Мой отец исчез, не оставив записок, но он оставил мне свои гены и свою одержимость структурами. И теперь я использую это наследство, чтобы вернуть себе право на собственное имя.

Вечер опускается на город, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Я выхожу из кафе и направляюсь в сторону лаборатории. Каждый мой шаг теперь - это расчет. Каждое движение - это часть большого маневра. Я чувствую, как воздух сопротивляется мне, но теперь это сопротивление доставляет мне удовольствие. Это значит, что я существую. Это значит, что я все еще нахожусь в плотной среде реальности, а не в эфемерном мире Северина.

Мимо проносится черный автомобиль с тонированными стеклами. Я знаю, что это Стефани или кто-то из ее людей. Они следят за мной, они ведут протокол каждого моего действия. Пусть ведут. Пусть заполняют свои таблицы и графики. Они видят только фасад. Они не знают, что внутри здания уже заложена взрывчатка, и таймер начал свой отсчет.

Я прохожу мимо старого парка, где мы когда-то гуляли с отцом. Тогда деревья казались мне огромными колонна-

ми, поддерживающими небосвод. Теперь я вижу в них лишь биологические структуры, подверженные гниению и распаду. Все в этом мире имеет свой срок годности. И время Северина тоже подходит к концу, хотя он об этом еще не догадывается.

У входа в лабораторию меня ждет Эрик. Он выглядит еще более сутулым, чем обычно, его глаза бегают, а пальцы нервно теребят край растянутого свитера.

- Лина, ты пришла, - его голос дрожит. - Я... я не уверен, что это хорошая идея. Если Северин узнает...

- Северин узнает только то, что мы позволим ему узнать, Эрик, - я кладу руку ему на плечо. Мои пальцы ощущают его дрожь, как вибрацию неисправного механизма. - Простопусти меня. Мне нужно увидеть эти файлы. Мне нужно понять, где заканчивается его ложь и начинается моя правда.

Эрик кивает и прикладывает карту к сканеру. Замок щелкает, открывая путь в стерильный мир белого пластика и мигающих индикаторов. Я вхожу внутрь, чувствуя, как за моей спиной закрывается ловушка. Но на этот раз я сама зашла в нее, и у меня в кармане есть ключ, о котором никто не знает.

В коридорах лаборатории царит полумрак. Свет дежурных ламп отражается от глянцевого пола, создавая иллюзию бесконечной водной глади. Я иду по этому коридору, и мои шаги не издают ни звука. Я плыву. Я нахожусь в своей стихии. И где-то там, в глубине серверных шкафов и зашифрованных дисков, меня ждет ответ на вопрос, который я боя-

лась задать себе все эти годы.

Кто я на самом деле в этом проекте? Архитектор или жертва? Или, может быть, я - само здание, которое решило перестроиться, не дожидаясь одобрения заказчика?

Мы подходим к кабинету Вайса. Эрик быстро вводит пароль, и дверь плавно отъезжает в сторону. Внутри пахнет озоном и дорогим парфюмом Северина. Он был здесь совсем недавно. Я чувствую его присутствие как статическое электричество в воздухе.

- Быстрее, - шепчет Эрик, усаживаясь за терминал. - У нас есть около двадцати минут, пока охрана не начнет новый обход.

Я наклоняюсь над его плечом, глядя, как на экране мелькают строки кода и папки с непонятными названиями. Мое сердце бьется ровно. Я полностью контролирую свои показатели. Я - идеально отлаженная система, готовая к финальной загрузке.

- Вот оно, - Эрик открывает файл с пометкой "Омега. Исходный код".

На экране появляется фотография моего отца. Он выглядит моложе, чем я его помню. На нем тот же темный плащ, который я видела в своих снах. И он смотрит прямо в камеру, как будто знает, что через много лет я буду стоять здесь и смотреть на него.

- Лина, посмотри на дату, - голос Эрика становится совсем тихим.

Я смотрю. Файл был создан за неделю до его официально-го исчезновения. И последним, кто вносил в него изменения, был Северин. Но не тот Северин, которого я знаю сейчас, а его отец, старый основатель корпорации.

Это не просто долги. Это наследственная охота. Моя семья была частью этого эксперимента еще до моего рождения. Мое появление на свет, мое увлечение плаванием, моя учеба на архитектурном - все это могло быть частью долгосрочно-го проекта, тщательно выверенным чертежом, по которому строили мою жизнь.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног, но я не позволяю себе упасть. Я хватаюсь за край стола, ощущая холод металла. Это реальность. Это бортик бассейна. И я должна от него оттолкнуться.

- Скопируй все на этот диск, - я протягиваю Эрику небольшое устройство, которое мне дала Кира. Она сказала, что оно может обойти любую защиту, если вставить его напрямую в порт.

Эрик колеблется секунду, но потом делает то, что я прошу. Полоса загрузки медленно ползет вправо. Каждая секунда кажется вечностью. В коридоре слышны шаги. Охрана? Или кто-то другой?

Я задерживаю дыхание. Мое тело переходит в режим максимальной экономии энергии. Я чувствую, как датчики в лаборатории реагируют на мое присутствие, как они пытаются считать мои эмоции, но находят только холодную пустоту.

Я научилась обманывать систему. Я научилась быть невидимой внутри собственного сна.

Загрузка завершена. Эрик выдерживает диск и протягивает его мне. Его руки дрожат так сильно, что он едва не роняет его.

- Уходи, Лина. Быстро. Я постараюсь стереть логи доступа, но Вайс не дурак, он заметит вмешательство.

Я киваю и прячу диск в карман. Теперь у меня есть оружие. Теперь у меня есть план. И этот план не предусматривает моего возвращения в кресло пациента Софии Грин или на кушетку в лаборатории Вайса.

Выходя из кабинета, я в последний раз смотрю на экран, где все еще светится лицо моего отца. Он больше не кажется мне призраком или предателем. Он - мой предшественник, который оставил мне карту минного поля. И я пройду по этому полю до конца.

На обратном пути я снова вижу тень в конце коридора. Но на этот раз я не пугаюсь. Я знаю, кто это. Это мое собственное отражение в зеркале, которое Северин выстроил вокруг меня. И пришло время разбить это зеркало.

Я выхожу из здания лаборатории, ощущая на лице прохладный ночной воздух. Город кажется мне теперь огромной строительной площадкой, где я - единственный человек, у которого есть настоящий проект. Все остальное - лишь временные конструкции, подлежащие сносу.

Я иду к своей машине, чувствуя приятную тяжесть дис-

ка в кармане. Завтра будет новый день, новые тесты, новые попытки Северина заглянуть в мою голову. Но он не найдет там того, что ищет. Он найдет там только интеллектуальный тупик, который я построила специально для него.

Мои мысли возвращаются к Софии. Интересно, что она напишет в своем блокноте завтра, когда я приду на сессию и буду вести себя так, будто ничего не произошло? Она будет искать трещины в моем фундаменте, не подозревая, что я уже заполнила их бетоном своей новой правды.

Я завожу двигатель и включаю радио. Тихая музыка заполняет салон, создавая атмосферу спокойствия и сосредоточенности. Я готова к следующему этапу. Я готова к погружению на глубину, где еще никто не бывал. И на этот раз я возьму с собой фонарь.

Дорога передо мной стелется ровной лентой. Я еду домой, к матери, которая будет снова жаловаться на жизнь и требовать внимания. Но теперь ее голос не будет вызывать у меня чувства вины. Теперь я знаю, что ее депрессия - это тоже часть чертежа, способ удержать меня на месте. Но я больше не на месте. Я в движении.

Позади остаются огни лаборатории, огни города, огни моей старой жизни. Впереди - только неизвестность, которую я сама спроектировала. И эта неизвестность прекрасна в своей логичности и завершенности. Я чувствую, как мышцы расслабляются, как дыхание становится глубоким и спокойным. Я победила в этом раунде. Я нашла выход из интеллектуаль-

ного тупика, превратив его в стартовую площадку для своего решающего прыжка.

Я знаю, что завтра Северин вызовет меня к себе. Он будет смотреть на меня своими холодными глазами, пытаясь уловить малейшее изменение в моем поведении. Он будет говорить о "чистых данных" и "абсолютной истине". А я буду сидеть напротив него, зеркаля его позу, и улыбаться своей внутренней правде, которую он никогда не сможет оцифровать.

Мы оба игроки в этой системе, но теперь правила определяю я. Потому что я - архитектор своей реальности, а он - всего лишь заказчик, чей бюджет внезапно подошел к концу. И это осознание дает мне больше силы, чем любая нейростимуляция Вайса.

Я паркую машину у своего дома и смотрю на окна нашей квартиры. Мать еще не спит, горит свет в гостиной. Она ждет меня, ждет моих денег, ждет моих оправданий. Но сегодня я не дам ей ничего из этого. Сегодня я просто лягу спать, и мой сон будет по-настоящему моим. Без датчиков, без наблюдателей, без мужчины в пальто. Потому что я сама стала этим мужчиной. Я сама стала той силой, которая стоит в центре бассейна и не тонет.

Поднимаясь по лестнице, я чувствую, как усталость наваливается на меня, но это приятная усталость после долгой и успешной тренировки. Я знаю, что завтрашний день потребует от меня еще больше сил, но я готова. Моя конструкция

выдержит любую нагрузку. Мой фундамент теперь прочен как никогда.

ГЛАВА 7. ВТОРАЯ ФАЗА ИНТРУЗИИ

Утро началось с того, что я заново училась дышать. Моя грудная клетка работала как старый, плохо смазанный насос. Воздух в квартире казался слишком плотным, почти осязаемым, как вода в бассейне перед грозой, когда атмосферное давление падает и кажется, что ты плывешь не в жидкости, а в жидком свинце. Я лежала на спине, изучая трещину на потолке. Для кого-то это была просто неровность штукатурки, для меня - деформационный шов, указывающий на то, что несущая стена здания дает усадку. В моей голове все имело свою конструктивную причину.

Мать уже гремела посудой на кухне. Этот звук был моим личным триггером, сигналом о том, что фасад спокойствия пора наводить заново. Елена обладала удивительным талантом превращать простое приготовление завтрака в акт великомученичества. Каждый стук ложки о край чашки звучал как обвинительный приговор моему отсутствию дома, моей работе, моему молчанию.

Лина, ты встала - спросила она, когда я вошла в кухню.

Ее голос был тусклым, лишенным обертонов, как звук треснувшего колокола. Она сидела у окна, кутаясь в поношенный кардиган, который когда-то купил ей отец. Это бы-

ла ее броня, ее способ удерживать прошлое, которое давно превратилось в труху.

Да, мам. Доброе утро - я подошла к чайнику, чувствуя, как мышцы спины непроизвольно напрягаются. Привычка пловчихи: всегда быть готовой к прыжку, даже если перед тобой всего лишь плита и заспанная женщина.

Опять уходишь в свою лабораторию - она не смотрела на меня, ее взгляд был прикован к пустому двору. Там, за окном, реальность казалась выцветшей фотографией. Мне снова звонили из банка. Они говорят, что те бумаги, которые оставил твой отец... там какие-то нестыковки.

Я замерла с кружкой в руке. Математическая модель моего спокойствия дала сбой. Мы обсуждали это сотни раз. Отец исчез, оставив после себя архитектурный план катастрофы, а не наследство. Его уход был идеальным сносом здания: ни одной целой стены, только пыль и обломки, которые мы разгребали последние десять лет.

Я разберусь с этим, мама. Просто не бери трубку с незнакомых номеров - я сделала глоток обжигающего чая, пытаюсь подавить раздражение. Интеллектуализация - лучший способ не сойти с ума. Я просто представляю, что ее жалобы - это фоновый шум, статистическая погрешность в системе.

Тебе легко говорить - она наконец повернулась ко мне, и я увидела в ее глазах ту самую бездну, которой так боялась. Ты вся в него. Такая же холодная, вся в своих чертежах. А я здесь одна. В этих стенах, которые пахнут его одеколоном,

хотя его нет уже вечность.

Я не стала говорить ей, что стены пахнут не одеколоном, а сыростью и безнадегой. Это было бы слишком жестоко, а моя структура не подразумевала излишней жестокости без необходимости. Я просто допила чай, чувствуя, как датчики моей внутренней системы мониторинга сигнализируют о критическом уровне стресса.

Дорога до лаборатории заняла сорок минут. Город за окном такси выглядел как недостроенный макет. Я смотрела на прохожих и видела не людей, а векторы движения, нагрузки на тротуары, сопротивление материалов. У входа в здание Сомнус-Тек я столкнулась с Виктором Олдриджем. Он выглядел еще хуже, чем на прошлой неделе. Его пальцы дрожали, когда он пытался зажечь сигарету, а взгляд метался по фасаду здания, словно он искал там скрытую угрозу.

Лина, постой - он схватил меня за локоть. Его хватка была судорожной, пальцы впились в мою кожу через ткань пальто. Моя мышечная память тут же отреагировала: я сделала короткий шаг в сторону, освобождаясь. В бассейне нас учили уходить от захватов утопающих. Утопающий всегда тянет тебя на дно, это физика, ничего личного.

Виктор, мне нужно на смену - сухо ответила я.

Ты не понимаешь - он зашептал, оглядываясь по сторонам. Его зрачки были расширены, как у человека, долго находившегося в темноте. Они меняют код. Северин... он не просто наблюдает. Он входит внутрь. Я видел его сегодня

ночью. В своем сне. Он стоял на моей кухне и пересчитывал ножи. Ты понимаешь? Он пересчитывал мои ножи!

Виктор, это просто эффект наложения - я попыталась включить голос рассудка, хотя внутри что-то неприятно екнуло. Твоя психика просто использует его образ как архетип контролера. Это стандартная реакция на глубокое погружение.

Нет, это не архетип - Виктор вытащил из кармана памятный диктофон. Я все записываю. Каждый шорох. Он говорит со мной. Он сказал, что моя реальность - это плохо спроектированный сарай. Лина, уходи оттуда, пока твои стены еще стоят.

В этот момент двери лаборатории открылись, и на крыльцо вышла Стефани. Ассистентка Северина выглядела как оживший манекен: идеальная осанка, ледяной тон, ни одной лишней складки на костюме. Она посмотрела на Виктора с таким выражением, будто перед ней была куча строительного мусора.

Мистер Олдридж, ваше присутствие здесь нарушает условия контракта - произнесла она, и ее голос разрезал воздух, как скальпель. Охрана уже вызвана. Лина, Артур Вайс ждет вас в третьем блоке.

Виктор отпрянул, бросив на меня последний, полный отчаяния взгляд, и растворился в толпе прохожих. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Стефани даже не взглянула на меня, она просто придержала дверь,

ожидая, когда я войду.

Внутри лаборатории пахло озоном и стерильностью. Это был запах контроля. В коридоре я встретила Маркуса Элдера. Он шел в окружении своих помощников, громко смеясь над какой-то шуткой. Увидев меня, он остановился, и в его взгляде появилось то самое хищное любопытство, которое я так ненавидела.

О, наша главная надежда - Маркус подошел ближе, обдав меня запахом дорогого табака и самоуверенности. Как успехи, Лина? Говорят, Северин ставит на вас все свои фишки. Если вдруг решите сменить команду, мой оффер все еще в силе. Я плачу вдвое больше и не заставляю своих сотрудников видеть кошмары в обязательном порядке.

Я ценю ваше предложение, мистер Элдер, но я предпочитаю доводить проекты до финала - я ответила максимально вежливо, сохраняя дистанцию. В моей системе координат Маркус был динамической нагрузкой, переменной, которую стоило учитывать, но не более.

Финал может быть разным - он усмехнулся, поправляя галстук. Иногда здание рухнет еще до того, как перережут ленточку. Берегите себя.

Он прошел мимо, оставив после себя шлейф беспокойства. Я направилась в раздевалку, где меня уже ждал Эрик. Наш техник сидел на скамье, уткнувшись в планшет. Он был сутулым, его вечное избегание зрительного контакта обычно меня раздражало, но сегодня его присутствие казалось почти

уютным. Эрик был частью системы, которую я понимала.

Лина, привет - он быстро поднял глаза и тут же снова опустил их. Я проверил твои датчики. Были небольшие шумы в теменной зоне, я откалибровал систему. Но... там есть кое-что странное.

Что именно - я начала переодеваться в облегающий костюм для погружения. Ткань ощущалась как вторая кожа, подчеркивая каждый изгиб моего тела, каждое сокращение мышц.

Логи доступа - Эрик заговорил тише, его пальцы быстро бегали по экрану. Северин заходил в систему в три часа ночи. Именно тогда, когда у тебя была фаза быстрого сна. Он не просто смотрел графики. Он открывал аудиовизуальный поток.

Он имеет на это право, Эрик. Он владелец компании - я старалась, чтобы мой голос звучал ровно, хотя в груди возникло ощущение вакуума.

Да, но он делал это со своего личного терминала, а не через сервер лаборатории - Эрик наконец посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала страх. Лина, он копается в твоих архивах. В тех, что были заархивированы еще пять лет назад. Зачем ему твои детские сны?

Я не успела ответить. Дверь открылась, и вошел Артур Вайс. Главный нейрофизиолог выглядел как обычно: безупречно белый халат, очки в тонкой оправе, которые он тут же принялся протирать шелковым платком. Это был его

жест, когда он собирался солгать или скрыть что-то важное.

Эрик, свободны - бросил Вайс, не глядя на техника. Лина, нам пора начинать вторую фазу. Северин настаивает на более глубоком внедрении стимулов.

Вторая фаза - я натянула рукава костюма. Мы планировали ее только через неделю. Мои показатели еще не стабилизировались после вчерашнего.

Ваши показатели идеальны - Вайс надел очки и посмотрел на меня сквозь линзы, которые делали его глаза огромными и холодными. Вы - самая устойчивая структура, которую мы когда-либо тестировали. Не разочаровывайте нас. Точка излома еще далеко.

Я легла в капсулу. Она была похожа на саркофаг из будущего, наполненный датчиками и проводами. Эрик начал закреплять электроды на моей голове. Его руки слегка подрагивали. Я закрыла глаза, стараясь сосредоточиться на дыхании. Вдох - четыре счета, задержка - два, выдох - шесть. Ритм пловчихи на длинной дистанции. Вода скоро сомкнется над головой, и мне нужно будет экономить кислород.

Вход в систему был резким. Обычно это плавное погружение, переход от серого к цветному, но в этот раз меня буквально вышвырнуло из реальности. Я почувствовала, как датчики на коже стали частью моей нервной системы, передавая сигналы о температуре и влажности виртуального пространства.

Я стояла в коридоре. Но это был не стерильный коридор

Сомнус-Тек. Это был коридор моей детской квартиры на Полярной улице. Тот самый, где обои в цветочек отклеивались у самого пола, а на стене висела кривая репродукция Шишкина. Запах... этот запах старой пыли, жареного лука и маминых духов я не чувствовала десять лет. Мой мозг услужливо реконструировал каждую деталь, используя мои воспоминания как строительный материал.

Это была идеальная ловушка. Архитектура моего прошлого, восстановленная с пугающей точностью. Я прошла в гостиную, стараясь не касаться стен. Мне казалось, что если я дотронусь до них, они окажутся сделанными из картона и вся конструкция рухнет.

В кресле моего отца сидел мужчина. Он был в темном пальто, которое казалось слишком тяжелым для этой комнаты. В руках он держал книгу в простом кожаном переплете без названия. Северин.

Он не поднял глаз, когда я вошла. Его присутствие здесь было актом агрессии, вторжением на территорию, которую я считала своей крепостью.

Ты строишь слишком тонкие стены, Лина - произнес он, перелистывая страницу. Его голос звучал так, будто он был здесь всегда, частью этой мебели, этой пыли.

Это не я строю. Это ваша система извлекает данные - я остановилась в центре комнаты, чувствуя себя так, словно я стою на середине бассейна, а дно внезапно исчезло. Зачем мы здесь? Это не похоже на стандартный протокол тестиро-

вания.

Протоколы пишутся для тех, кто боится утонуть - Северин наконец поднял на меня взгляд. Его глаза были такого же цвета, как вода в открытом океане на большой глубине - почти черные, поглощающие свет. Ты думаешь, что твоя защита - это логика. Что если ты классифицируешь свои чувства, они перестанут иметь над тобой власть. Но посмотри на этот дом. Он разваливается, потому что фундамент заложен на лжи.

Мой отец не лгал - я сделала шаг вперед, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Он просто... исчез.

Исчезновение - это тоже форма лжи - Северин закрыл книгу и положил ее на колено. Он оставил тебя в недостроенном здании. И теперь ты тратишь всю свою жизнь на то, чтобы подпирать падающие потолки. Ты боишься, что если перестанешь контролировать каждый кирпич своей жизни, ты тоже исчезнешь. Станешь призраком, как он.

Откуда вы это знаете? Вы не имеете права лезть в мои личные архивы - мой голос сорвался, и я ненавидела себя за эту минутную слабость. В системе обнаружилась критическая уязвимость, и он бил точно в нее.

Я имею право на все, что находится внутри этой капсулы - Северин медленно встал. Он был выше, чем казался в реальности. Его фигура перекрывала свет из окна, погружая комнату в полумрак. Ты сама впустила меня. Ты хотела, чтобы кто-то увидел твою настоящую структуру. Чтобы кто-то

проверил ее на прочность.

Он подошел ко мне вплотную. Я чувствовала его дыхание - оно было холодным, со вкусом мяты и железа. Моя кожа, ставшая гиперчувствительной из-за датчиков, ощущала его присутствие как электромагнитное поле. Каждая мышца моего тела была напряжена, готова к атаке или бегству, но я не могла пошевелиться.

Твой отец не просто ушел - прошептал Северин, и его слова отозвались во мне физической болью. Он оставил тебе ключ. Но ты так боишься того, что он откроет, что предпочла забыть о его существовании.

Он указал на старый дубовый стол, за которым отец когда-то чертил свои планы. Там, на полированной поверхности, лежала связка ключей. На старом кожаном ремешке, с характерной царапиной на кольце. Это были те самые ключи, которые я потеряла десять лет назад, в день его исчезновения. Я помнила их вес, их звон, их холод.

Этого не может быть. Этого предмета нет в моих воспоминаниях о той ночи - я покачала головой, пятясь назад. Вы добавили их. Это симуляция.

Разве? - Северин усмехнулся. Его улыбка была лишена тепла, это была просто техническая гримаса. Попробуй на ощупь. Твое тело знает правду, даже если твой разум пытается ее отфильтровать.

Я протянула руку к столу. Пальцы коснулись металла. Ключи были холодными. Реальными. Я почувствовала их

текстуру, зазубрины на бородках, тяжесть связки. В этот момент мир вокруг меня начал вибрировать. Стены квартиры пошли рябью, как отражение в воде, в которую бросили камень.

Лина, возвращайся - голос Артура Вайса прозвучал где-то издалека, искаженный помехами. Показатели зашкаливают! Эрик, отключай стимуляцию!

Я схватила ключи и сжала их в кулаке так сильно, что металл впился в ладонь. Северин смотрел на меня с нескрываемым интересом, словно я была уникальным биологическим образцом, который только что продемонстрировал неожиданную реакцию.

Мы только начали, Лина - сказал он, и его образ начал растворяться в белом шуме. Вторая фаза завершена успешно.

Я открыла глаза в капсуле. Свет ламп ударил по зрачкам, вызывая острую боль. Я жадно глотала воздух, чувствуя, как легкие расправляются, освобождаясь от гнета виртуальной глубины. Артур Вайс стоял надо мной, его лицо было бледным, он судорожно протирал очки.

Что это было? - выдохнула я, пытаюсь сесть. Тело казалось чужим, неповоротливым.

Системный сбой. Стимуляция вызвала каскадный резонанс в подкорке - Вайс не смотрел мне в глаза. Мы потеряли контроль над сценарием на тридцать секунд.

Северин был там. Он говорил со мной - я посмотрела на свои руки. Они были пусты. Ключей не было. Конечно, их

не могло быть. Это был сон.

Северин находился в своем кабинете все это время - отрезал Вайс. Лина, вы переутомились. Эрик проводит вас в комнату отдыха.

Эрик подошел ко мне, он выглядел напуганным. Он помог мне выбраться из капсулы, его рука поддерживала меня за локоть.

Лина, я видел... на мониторе... там был не только код - прошептал он, когда мы вышли в коридор. Там была визуализация предмета, которого нет в библиотеке. Откуда взялись эти ключи?

Я не знаю, Эрик. Я ничего не знаю - я прислонилась к холодной стене коридора. Моя внутренняя архитектура была нарушена. В несущей стене моего разума появилась трещина, и я не знала, как ее заделать.

В комнате отдыха меня ждала доктор София Грин. Наш штатный психотерапевт сидела в глубоком кресле, зеркаля мою позу, как только я опустилась на диван. Она всегда говорила шепотом, и это заставляло собеседника невольно прислушиваться, снижая уровень защиты.

Лина, расскажите о своих ощущениях - София наклонила голову набок. Что вы почувствовали, когда увидели ключи?

Я почувствовала... нарушение логики - я старалась говорить сухими фактами. Этого предмета не должно было быть в сцене. Это системная ошибка.

А если это не ошибка? - София чуть подалась вперед. Ес-

ли это возвращение вытесненного? Ваше тело помнит то, что разум стер ради безопасности. Северин просто помогает вам убрать эти фильтры.

Он не помогает. Он разрушает меня - я закрыла лицо руками. Я чувствовала себя как здание перед контролируемым сносом. Заряды уже заложены, осталось только нажать на кнопку.

Разрушение - это первый этап реконструкции - мягко заметила София. Вы так боитесь стать призраком, Лина, что превратили себя в бетонный бункер. Но в бункерах не живут. Там только прячутся.

Я не стала отвечать. На выходе из лаборатории меня перехватил Дэн Фогель. Журналист выглядел помятым, от него пахло дешевым кофе и азартом охотника.

Лина! Всего один вопрос - он преградил мне путь. Как вы прокомментируете слухи о том, что Сомнус-Тек использует незаконные методы нейростимуляции? Говорят, участники эксперимента перестают отличать реальность от сна. Это правда?

Без комментариев - я попыталась пройти мимо, но он был настойчив.

А что насчет Виктора Олдриджа? Он утверждает, что Северин украл его личность. Вы не боитесь, что станете следующей?

Я просто оттолкнула его и вышла на улицу. Холодный воздух немного привел меня в чувство. Я пошла к архиву, кото-

рый находился в старом здании на окраине города. Мне нужно было увидеть записи. Не цифровые копии, а оригиналы.

Старик Абрам, наш архивариус, встретил меня в облаке пыли и запахе старой бумаги. Он двигался медленно, его суставы скрипели, как несмазанные петли.

А, дочка архитектора - проскрипел он, ведя меня между бесконечных стеллажей. Ищешь ответы в прошлом? Помни: прошлое - это зыбучий песок. Чем сильнее ты в нем копаешься, тем глубже засасывает.

Мне нужны записи снов моего отца. Те, что он делал перед исчезновением - я старалась, чтобы мой голос не дрожал.

Абрам остановился у стального сейфа. Он долго возился с замком, бормоча что-то себе под нос. Наконец тяжелая дверь открылась. Он вытащил тонкую папку и положил ее на стол.

Он тоже искал этот ключ, Лина. Весь его проект был посвящен тому, чтобы найти дверь, которую нельзя взломать. Но он забыл, что любая дверь ведет в обе стороны.

Я открыла папку. Там были графики, похожие на те, что я видела сегодня на мониторах Вайса. Но среди них я нашла листок бумаги с наброском. Это был чертеж ключа. Того самого ключа с царапиной на кольце. И подпись рукой отца: Второй этап интрузии начался. Он уже здесь.

Мои пальцы похолодели. Значит, Северин не просто использовал мои воспоминания. Он продолжал проект отца. Или отец был частью его эксперимента?

Я вышла из архива, когда уже стемнело. Город казался

мне чужим, словно я все еще была внутри капсулы. Я засунула руки в карманы пальто и внезапно замерла.

В правом кармане лежало что-то твердое и холодное.

Я медленно вытащила руку. На моей ладони, поблескивая в свете уличных фонарей, лежала связка ключей. Те самые ключи. С царапиной на кольце.

Моя мышечная память тут же отозвалась: я помнила их вес. Но этого не могло быть. Это было физически невозможно. Я не могла вынести предмет из виртуального пространства в реальное. Это была системная ошибка мироздания, критический сбой в матрице моей реальности.

Я стояла посреди тротуара, и прохожие обходили меня, как неподвижное препятствие. В моей голове крутились архитектурные метафоры: несущие стены, точки излома, фасадное спокойствие. Но ни одна из них не могла объяснить то, что я держала в руке.

Я посмотрела на здание лаборатории, которое возвышалось над городом как монолитная башня из стекла и стали. Северин был там. Он ждал, когда я пойму. Когда я признаю, что крепость, которую я строила всю жизнь, на самом деле была построена на его территории.

Я сжала ключи в кулаке так сильно, что края металла врезались в кожу. Боль была настоящей. Резкой, отрезвляющей. Я чувствовала сопротивление воздуха, которое стало почти невыносимым, словно я пыталась бежать под водой. Мое дыхание стало коротким и прерывистым.

Нужно было идти домой. К матери, которая будет ждать моих денег и моих оправданий. К Софии Грин, которая будет зеркалить мои позы и говорить шепотом о разрушении. К Кире, которая сделает мне новую татуировку, пытаясь закрепить меня в реальности с помощью чернил и боли.

Но я знала, что теперь все изменилось. Вторая фаза интрузии не просто началась. Она завершилась полным захватом плацдарма. И теперь мне предстояло выяснить, какая из двух реальностей является настоящей, а какая - всего лишь хорошо спроектированным макетом, который Северин решил снести.

Я медленно пошла к своей машине, чувствуя, как каждый шаг отдается в позвоночнике. Я была пловчихой, которая внезапно поняла, что бассейн не имеет берегов. Но у меня все еще была моя структура. Моя воля к анализу. Моя способность рационализировать даже самый глубокий ужас.

Я завела мотор и посмотрела на ключи, лежащие на пассажирском сиденье. Они выглядели обыденно, почти скучно. Но я знала, что за этой простотой скрывается чертеж катастрофы, которую мой отец начал десять лет назад, а Северин решил закончить моими руками. И это осознание давало мне странное, извращенное чувство силы. Я больше не была просто объектом наблюдения. Я стала частью кода. А код всегда можно переписать, если знать, где находится точка доступа.

Завтра я вернусь в лабораторию. Я лягу в капсулу. И в этот

раз я не буду строить стены. Я позволю им рухнуть, чтобы увидеть, что скрывается за фасадом, который Северин так тщательно выстраивал вокруг меня. Потому что единственный способ победить в игре, где правила меняются на ходу - это самой стать правилом.

Дорога домой казалась бесконечной, но я ехала уверенно, вписываясь в повороты с геометрической точностью. Мой фундамент мог дать трещину, но каркас все еще держал нагрузку. И пока он держал, я была жива. По крайней мере, в этой версии реальности, которую я все еще называла своей.

Поднимаясь по лестнице к квартире, я уже не чувствовала усталости. Я чувствовала азарт. Тот самый азарт, который испытывает архитектор, когда видит, как его безумная идея обретает плоть в бетоне и стали. Северин хотел увидеть мою настоящую структуру? Что ж, он ее увидит. Но боюсь, результат его не обрадует. Потому что внутри самого прочного здания всегда скрывается пустота, способная поглотить любого, кто решит зайти слишком далеко.

Я вставила свой обычный ключ в замок и повернула его. Дома было тихо. Мать, должно быть, уже спала. Я прошла в свою комнату, не зажигая света, и положила найденную связку на стол. В темноте они казались просто тенями, но я знала, что они там. Мой личный артефакт из мира, которого не существует. Или из мира, который гораздо реальнее этого.

Завтрашний день требовал от меня безупречности. И я была готова ее предоставить. Моя конструкция выдержит.

Мой расчет был верен. И это было единственное, что имело значение в мире, где даже сны имеют вес и объем.

Я легла в постель, чувствуя, как мышцы постепенно расслабляются, возвращаясь в состояние покоя перед новым заплывом. В голове проплывали образы: коридоры на Полярной, холодные глаза Северина, дрожащие руки Виктора. Все это были лишь фрагменты одной большой схемы, которую мне предстояло расшифровать. И я знала, что справлюсь. Потому что я была архитектором. А архитектор всегда знает, где находится главная опора здания, даже если оно охвачено пламенем.

Сон пришел быстро, на этот раз без капсул и датчиков. Это был глубокий, тяжелый сон, похожий на погружение на самое дно океана, где давление настолько велико, что оно становится частью тебя, твоей новой кожей, твоей новой реальностью. И в этой реальности я уже не боялась тонких стен. Потому что я сама стала той силой, которая их разрушает.

ГЛАВА 8. ОШИБКА В КОДЕ

Пробуждение не было выходом на поверхность. Обычно, когда я просыпаюсь, я чувствую, как тело постепенно восстанавливает свои границы, как заполняются пустоты в мышечном корсете, как сознание инспектирует каждую опору моей внутренней конструкции. Но сегодня все было иначе. Я выплыла из глубокого, вязкого сна, похожего на ночное погружение в открытой воде, когда не понимаешь, где верх, а где низ, и только холодная плотность среды напоминает о том, что ты все еще существуешь. Моя квартира на рассвете выглядела как чертеж, выполненный в негативе: серые стены, бледные прямоугольники окон, острые углы мебели, которые казались слишком хрупкими для того, чтобы удерживать на себе тяжесть реальности.

Я села на кровати, чувствуя привычное напряжение в плечах - профессиональная деформация пловчихи, привыкшей бороться с сопротивлением воды даже во сне. Мои суставы щелкнули, словно детали старого механизма, требующего смазки. Я заставила себя встать и подойти к окну. Город внизу только начинал шевелиться, его ритм был неровным, прерывистым, как пульс пациента под анестезией. Я подумала о Северине. Его присутствие в моей жизни стало похоже на скрытую несущую конструкцию: его не видно за фасадной отделкой будней, но именно на нем теперь держится вся

нагрузка. И это бесило меня больше, чем неопределенность моего финансового положения.

В системе обнаружена критическая уязвимость - так бы я описала свое состояние, если бы была программой. Но я была человеком, а значит, должна была просто выпить кофе и идти в лабораторию. Мой внутренний рецензент, тот самый занудный голос, который когда-то заставлял меня перечерчивать планы этажей по десять раз, сейчас требовал обосновать каждое мое движение. Зачем ты идешь туда так рано, Лина? Чтобы убедиться, что твой фундамент не дал трещину? Или чтобы снова увидеть, как Северин препарирует твою душу с помощью графиков и таблиц?

Я быстро оделась, выбирая одежду по принципу максимальной функциональности. Серый свитшот, узкие джинсы. Мое тело чувствовало ткань как раздражающий фактор, как лишнее трение. В бассейне все проще - там только ты и вода, идеальная гидродинамика. Здесь же, в мире твердых тел, каждое движение требовало неоправданно больших энергозатрат.

Когда я подошла к зданию лаборатории, солнце едва зацепилось за край крыши, превращая стекло и бетон в нечто эфемерное. На входе меня встретил охранник, чьего имени я никогда не помнила, хотя видела его здесь каждое утро. Он кивнул, не отрываясь от монитора. Внутри было тихо, той особенной тишиной, которая бывает только в операционных или серверных - тишиной, заряженной электричеством

и ожиданием сбоя.

Я не планировала заходить в технический отсек. Мой маршрут лежал к раздевалкам, но какой-то посторонний звук заставил меня свернуть в сторону терминалов. Это был шорох, быстрый и суетливый, совершенно не соответствующий размеренному ритму работы систем охлаждения. Я замерла, задержав дыхание, как перед прыжком с тумбы. Моя кожа, ставшая после начала эксперимента гиперчувствительной, уловила движение воздуха. Кто-то был там, в секторе логов.

Я сделала шаг, стараясь переносить вес с пятки на носок, минимизируя звуковой след. В проеме двери я увидела Эрика. Он сидел перед главным терминалом, его плечи были сутулыми, а лицо подсвечивалось мертвенно-голубым светом экрана. Его пальцы летали по клавиатуре с такой скоростью, будто он пытался обогнать саму систему.

- Эрик? - мой голос прозвучал суше, чем я планировала.

Он подпрыгнул, едва не свалившись со стула. Его руки дернулись, ударив по столу, и он тут же попытался закрыть собой экран. Его лицо, обычно бледное и невыразительное, сейчас пошло красными пятнами. Он смотрел на меня так, будто я была призраком моего отца, вернувшимся потребовать долги.

- Лина! Ты... ты почему так рано? - его речь была рваной, слова натывались друг на друга, создавая лингвистический затор.

- Могу задать тебе тот же вопрос, - я подошла ближе, игнорируя его попытки преградить мне путь. - Что ты делаешь в моих логах, Эрик? Это данные последней фазы. К ним нет доступа у техников твоего уровня.

- Я... я просто проверял целостность пакетов, - он начал заикаться, его глаза бегали по комнате, избегая зрительного контакта. - Была... была системная ошибка. Критическая ошибка в коде. Я пытался восстановить структуру.

Я посмотрела на монитор через его плечо. Я не была программистом, но за годы учебы на архитектурном научилась считывать логику любых чертежей, в том числе и цифровых. Строки кода бежали вверх, и я увидела команду удаления.

- Ты не восстанавливаешь, Эрик. Ты стираешь. Ты удаляешь мои показатели за последние шесть часов. Зачем?

Эрик замер. Его дыхание стало тяжелым, он пах дешевым энергетиком и застарелым потом страха. Он обернулся и посмотрел на дверь, потом на меня. В его взгляде было что-то такое, что заставило мой внутренний счетчик опасности щелкнуть.

- Лина, послушай, - он перешел на быстрый шепот, наклоняясь ко мне. - Я пытаюсь тебя спасти. Ты не понимаешь, что здесь происходит. Ты думаешь, это просто эксперимент по изучению снов? Ты для них не человек, ты - биологический актив с уникальными характеристиками.

- Я знаю правила игры, Эрик. Я подписала контракт. У меня нет выбора, если я хочу закрыть счета матери.

- К черту счета! - он почти вскрикнул, но тут же осекся. - Артур Вайс... он не тот, кем кажется. Он контролирует твои показатели не для Северина. То есть, для Северина тоже, но он сливает данные кому-то третьему. Я видел зашифрованные пакеты, уходящие на внешний сервер.

- Кому? Маркусу Элдеру? - я вспомнила самоуверенное лицо конкурента Северина, которое видела на конференции месяц назад. Элдер смотрел на меня тогда как на редкий экземпляр бетона, проверяя на прочность своим взглядом.

- Может быть. Я не знаю точно. Но Вайс... он меняет твои параметры в реальном времени. Он подкручивает чувствительность датчиков так, чтобы твоя нервная система работала на пределе износа. Если я не сотру эти логи, Северин увидит аномалию, но он может не успеть вмешаться. Или он сам в деле. Лина, твоя психика - это здание, в котором кто-то методично подпиливает несущие балки.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сместилось. Моя концепция безопасности, и так довольно шаткая, начала осыпаться мелкой крошкой. Лояльность техников такая же неустойчивая, как песок под фундаментом. Кому верить? Эрику, который тайно влюблен в меня и, возможно, просто проецирует свои фантазии о спасении? Или Вайсу, который всегда так профессионально чистит очки, когда говорит о моих успехах?

- Почему ты помогаешь мне? - спросила я, глядя ему прямо в глаза.

Эрик отвел взгляд. Его пальцы нервно теребили край клавиатуры.

- Потому что я видел, что случилось с Виктором Олдриджем. Он тоже думал, что контролирует ситуацию. А теперь он не может отличить, завтракает он или видит сон об этом. Я не хочу, чтобы ты стала... такой же пустой оболочкой.

- Ты рискуешь местом, Эрик.

- Я уже рискую жизнью, Лина. Если Стефани узнает, что я здесь был... - он не закончил фразу, но я и так поняла. Стефани, личный ассистент Северина, была похожа на идеально отлаженный механизм, лишенный человеческих погрешностей. Она видела всё и всех.

- Уходи, - сказала я тихо. - Я ничего не видела. Но если ты ошибаешься, и это твои действия приведут к сбою системы... я сама тебя найду.

Эрик кивнул, быстро закрыл окна терминала и, не оборачиваясь, выскользнул из отсека. Я осталась одна в холодном свете ламп. Мое тело все еще помнило сопротивление воды, но сейчас мне казалось, что я тону в густом тумане лжи. Артур Вайс - ложный наставник. Северин - человек, который ищет истину в моих снах, но, возможно, сам является архитектором моего разрушения.

Я вышла в коридор, чувствуя, как каждый шаг отдается в позвоночнике. Мне нужно было увидеть Вайса. Мне нужно было посмотреть, как он будет протирать свои очки, отвечая на мои вопросы о стабильности системы.

По пути к кабинету нейрофизиолога я встретила Киру. Она была здесь редким гостем, обычно мы виделись в ее та-ту-салоне, где пахло антисептиком и краской, а не стерильным отчаянием. Кира выглядела здесь инородным телом: ее яркие волосы, обилие пирсинга и хаотичный поток речи разрезали тишину лаборатории, как бензопила - масло.

- Лина! Боже, ты выглядишь так, будто тебя пропустили через бетономешалку, - она схватила меня за локоть, и я по-морщилась от неожиданного физического контакта. Ее пальцы в кольцах были холодными.

- Привет, Кира. Что ты здесь делаешь?

- Твоя мать, Елена, оборвала мне телефон. Она говорит, что ты не отвечаешь на звонки, и она боится, что тебя похи-тили инопланетяне или, что хуже, ты снова начала трениро-ваться до изнеможения. Лина, серьезно, ты когда последний раз ела? У тебя щеки ввалились так, что можно использовать их как лекало для чертежей.

- Я в порядке, Кира. Просто много работы. Эксперимент входит в активную фазу.

- К черту твой эксперимент! - Кира заговорила громче, и я шикнула на нее, оглядываясь по сторонам. - Ты же знаешь, я не верю во всю эту научную чушь Северина. Это похоже на секту, только вместо молитв у вас энцефалограммы. Ты вся в долгах, я понимаю, но это... это не выход. Ты превращаешься в тень.

- Мне нужны деньги, Кира. Ты знаешь, сколько стоят счета

из клиники для матери. И долги отца сами себя не закроют.

- Твой отец исчез, Лина! Он оставил тебя разгребать этот мусор, а ты строишь из себя атланта, который держит небо. Но небо слишком тяжелое. Посмотри на себя. Ты даже не моргаешь, когда я говорю. Ты как будто... не здесь.

Я мягко отстранилась. Кира была моим эмоциональным якорем в реальности, но сейчас ее реальность казалась мне слишком шумной, слишком неорганизованной. В моем мире все должно было иметь структуру, даже если эта структура была на грани обрушения.

- Мне пора, Кира. Передай маме, что я позвоню вечером. И спасибо, что зашла.

- Лина, подожди! - она потянулась к своему пирсингу в губе, привычный жест, когда она нервничала. - Я видела того парня, Виктора. Он приходил ко мне в салон. Хотел набить какую-то схему на всю спину. Он нес бред о том, что Северин крадет время. Будь осторожна, ладно?

Я кивнула, хотя внутри меня все сжалось. Виктор Олдридж. Еще одно предупреждение. Сколько их должно быть, чтобы я признала: моя система безопасности взломана?

Я продолжила свой путь по длинному коридору, который казался бесконечным из-за зеркальных панелей на стенах. Мое отражение множилось, создавая иллюзию целой толпы Лин, идущих на заклятие науке. Впереди показалась фигура Артура Вайса. Он стоял у окна, изучая какие-то распечатки. Увидев меня, он улыбнулся своей профессиональной, чуть

отстраненной улыбкой.

- Доброе утро, Лина. Вы сегодня ранняя птица. Готовы к утренней сессии?

Я остановилась в двух метрах от него, соблюдая дистанцию, как при осмотре объекта с повышенной опасностью.

- Доктор Вайс, я хотела спросить о стабильности передачи данных. Эрик упомянул, что ночью были сбои.

Вайс медленно снял очки. Достал из кармана шелковую салфетку и начал методично круговыми движениями протирать линзы. Мое сердце не ухнуло вниз, оно просто изменило ритм, переходя на режим повышенного энергопотребления.

- Эрик? Наш техник? Он иногда склонен к драматизации, Лина. Были незначительные колебания напряжения, ничего такого, что могло бы повлиять на чистоту вашего профиля. Почему вас это беспокоит? Вы почувствовали дискомфорт во время сна?

- Я почувствовала, что моя структура становится... менее предсказуемой.

- Это естественный процесс, - он надел очки и посмотрел на меня сквозь них. Его глаза за линзами казались огромными и холодными, как у глубоководной рыбы. - Мы разрушаем старые нейронные связи, чтобы построить новые. Это как реконструкция здания без выселения жильцов. Всегда есть риск обрушения перекрытий, но мы контролируем нагрузки. Поверьте мне.

- Я пытаюсь, доктор.

- Вот и отлично. Идите в палату, Стефани подготовит датчики. Северин будет позже, он хочет лично проконтролировать фазу быстрого сна.

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя на своей спине его взгляд. Вайс лгал. Я видела это в том, как он слишком тщательно вытирал пятнышко на стекле, которого там не было. Мой ложный наставник играл в свою игру, и я была в ней лишь материалом, сопротивлением которого можно было пренебречь.

У входа в лабораторный отсек я столкнулась со Стефани. Она стояла, прислонившись к косяку, и в ее позе было столько скрытой агрессии, что воздух вокруг нее казался наэлектризованным. Ее идеальная выправка и отсутствие макияжа делали ее похожей на андроида последней модели.

- Ты опоздала на три минуты, - сказала она ледяным тоном. - Северин не любит, когда график сдвигается.

- Я разговаривала с доктором Вайсом, - ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, как звук работающего кондиционера.

Стефани окинула меня взглядом, полным нескрываемого презрения. Я знала, что она ревнует. Не к Северину как к мужчине - хотя и это, возможно, присутствовало - а к моему статусу уникального объекта. Для нее я была помехой в идеально отлаженной системе, которую она выстраивала вокруг своего босса.

- Не думай, что ты особенная, Лина, - она подошла бли-

же, и я почувствовала запах ее парфюма - что-то холодное, металлическое, с нотками озона. - Ты просто набор данных. Как только Северин получит то, что ему нужно, тебя спишут. Как списали Виктора. Как спишут любого, кто возомнит себя незаменимым.

- Почему ты мне это говоришь, Стефани? Боишься, что я задержусь здесь дольше, чем планировалось?

Она усмехнулась, и это было страшнее, чем ее гнев.

- Я говорю это потому, что мне надоело смотреть на твои попытки сохранить лицо. У тебя нет лица. У тебя есть только энцефалограмма. Иди внутрь. Северин ждет отчет.

Я прошла мимо нее, чувствуя кожей ее ненависть. Это было физическое ощущение, как если бы я плыла в воде, полной жалящих медуз. Мое тело неосознанно сжалось, я затылком чувствовала каждый ее вдох.

Внутри отсека было прохладно. Я легла на кушетку, позволяя Стефани крепить датчики к моим вискам, запястьям и лодыжкам. Каждый датчик ощущался мной не как инородный предмет, а как продолжение моей собственной нервной системы. Я чувствовала их ток, слабое покалывание, которое связывало меня с огромным массивом серверов в подвале здания. Я была частью этой архитектуры. Я была ее точкой излома.

Северин вошел, когда я уже была наполовину погружена в полусонное состояние, вызванное препаратами. Его шаги были тяжелыми и размеренными. Он не смотрел на меня, он

смотрел на мониторы.

- Показатели в норме? - спросил он, обращаясь к Стефани.

- Есть небольшое отклонение в дельта-ритмах, но Вайс говорит, это допустимо, - ответила она, ее голос мгновенно стал функциональным и лишенным эмоций.

Северин подошел к кушетке. Он долго молчал, глядя на меня. Я закрыла глаза, но все равно чувствовала его присутствие. Он был как массивная стена, которая закрывала собой весь горизонт.

- Лина, - его голос был тихим, с теми самыми длинными паузами, которые заставляли меня чувствовать себя неуверенно. - Сегодня мы пойдем глубже. Не пытайся анализировать то, что увидишь. Просто фиксируй. Твоя логика - это твой враг в этом погружении.

- Моя логика - это единственное, что не дает мне рухнуть, Северин, - прошептала я, чувствуя, как веки тяжелеют.

- Иногда, чтобы здание устояло, нужно позволить ему немного покачаться, - ответил он. - Доверься расчету. Моему расчету.

Я хотела ответить, что его расчет может не учитывать человеческий фактор, ошибку в коде, которую пытался исправить Эрик, или амбиции Вайса, но слова застряли в горле. Сознание начало медленно соскальзывать в темноту, туда, где не было чертежей и структурных нагрузок, где были только образы, лишенные веса и объема.

Мне снился отец. Он стоял в пустой комнате нашего ста-

рого дома, того самого, который забрали за долги. Он держал в руках проектную документацию, но когда он разворачивал листы, они оказывались чистыми.

- Лина, - говорил он, и его голос звучал как шорох песка.
- Ты ищешь опору там, где ее нет. Весь этот мир - это просто плохая чертежная работа. Ошибка в расчетах.

Я пыталась подойти к нему, но пол под моими ногами становился жидким, превращаясь в воду бассейна. Я начинала тонуть, но не боролась, а просто задерживала дыхание, имитируя погружение, к которому привыкла за годы тренировок. Давление нарастало, оно сжимало мою грудную клетку, становясь моей новой кожей.

Внезапно в мой сон ворвался чужой голос. Это был не голос отца. Это был голос Северина, но он звучал так, будто он был внутри моей головы, в самой ее сердцевине.

- Лог восемь-ноль-четыре. Фиксация аномалии. Она видит пустоту. Увеличьте подачу стимулятора.

Я почувствовала резкий укол в районе шеи, и сон мгновенно изменился. Пустая комната взорвалась тысячами осколков, превращаясь в сложную геометрическую конструкцию, которая постоянно перестраивалась. Я видела связи, тонкие светящиеся нити, которые тянулись от меня к каждому предмету в этом пространстве. И одна из нитей была черной. Она тянулась куда-то вверх, за пределы моего видения, и я знала, что на другом конце - тот самый третий игрок, о котором предупреждал Эрик.

Я попыталась ухватиться за эту нить, чтобы вытянуть правду на поверхность, но в этот момент реальность грубо вытолкнула меня обратно.

Я открыла глаза и резко села. Датчики натянулись, один из них с треском отклеился от виска. В палате было темно, только мониторы продолжали мигать своим тревожным светом. Северина не было. Стефани тоже. Рядом с кушеткой стоял доктор София Грин, мой психотерапевт. Она смотрела на меня своим привычным, зеркальным взглядом, сложив руки на коленях.

- Лина, вы дышите слишком часто, - прошептала она. - Сделайте глубокий вдох. Вернитесь в свое тело. Оно здесь, оно в безопасности.

- Где они? - я попыталась встать, но голова закружилась, и я снова опустилась на подушки.

- Северин и доктор Вайс обсуждают результаты в кабинете. У вас был... интенсивный эпизод. Ваша мышечная память сработала слишком активно, вы пытались плыть во сне.

- София, вы видели логи? - я схватила ее за руку. - Там была черная нить. В системе ошибка. Кто-то еще наблюдает за мной.

София мягко высвободила руку. Ее поза в точности повторяла мою - плечи опущены, голова чуть наклонена.

- Лина, вы знаете, что во время глубокой фазы сна мозг может интерпретировать технические помехи как визуальные образы. Черная нить - это лишь метафора вашего стра-

ха потери контроля. Ваш отец исчез, не оставив следов, и теперь вы ищете скрытые связи везде, даже там, где их нет.

- Это не метафора! - я почти кричала. - Эрик видел передачу данных на внешний сервер. Вайс лжет. Северин... я не знаю, что делает Северин, но он позволяет им это.

София вздохнула. Этот звук был похож на шелест старой бумаги в архиве Абрама.

- Мы обсудим это на нашей следующей сессии. Сейчас вам нужно отдохнуть. Ваша нервная система перегружена. Вы чувствуете сопротивление воздуха как воду, верно? Это признак того, что границы вашего Я размываются. Вам нужно восстановить фасад, Лина. Иначе здание рухнет.

Она встала и вышла, оставив меня одну. Я чувствовала себя так, будто из меня вынули все несущие стены, оставив только временные подпорки. Я встала, на этот раз медленнее, и начала отклеивать оставшиеся датчики. Моя кожа под ними была воспаленной и красной. Я чувствовала их как клейма, как метки собственности.

Я вышла из палаты и направилась к выходу. Лаборатория была погружена в полумрак. Проходя мимо кабинета Северина, я слышала голоса. Дверь была неплотно прикрыта.

- ...слишком большой риск, - это был голос Вайса. - Если Элдер узнает о коэффициенте синхронизации, он перебьет нашу ставку. Мы не можем допустить, чтобы она сорвалась.

- Она не сорвется, - голос Северина был холодным и твердым, как гранит. - Лина - архитектор. Она сама строит свою

клетку, кирпич за кирпичом. Нам нужно только следить за тем, чтобы раствор не застыл слишком быстро.

- А если она поймет? Что тогда?

- Она уже понимает. Но ее потребность в структуре сильнее, чем ее страх перед правдой. Она предпочтет быть частью моего эксперимента, чем призраком своего отца.

Я замерла, прижавшись к стене. Мое дыхание остановилось. Я имитировала погружение, но на этот раз я была на такой глубине, где свет не проникает. Мой расчет был верен: я действительно была лишь материалом. Но Северин ошибался в одном. Архитектор всегда знает, где находится главная опора здания. И если это здание становится тюрьмой, архитектор знает, какой именно кирпич нужно вынуть, чтобы все превратилось в пыль.

Я тихо отошла от двери и направилась к лифту. В холле я увидела Стефани. Она разговаривала по телефону, ее тон был резким и властным. Заметив меня, она быстро закончила разговор и одарила меня своим фирменным ледяным взглядом.

- Уходишь? - спросила она.

- Мой лимит на сегодня исчерпан, - ответила я, проходя мимо.

- Завтра в восемь. Не опаздывай. Северин готовит новый протокол.

Я не ответила. Я вышла на улицу, и ночной воздух ударил мне в лицо, как холодная вода в бассейне. Город шумел,

жил своей хаотичной жизнью, и в этом хаосе я вдруг почувствовала странное облегчение. Моя внутренняя тюрьма дала трещину, и сквозь нее начал пробиваться свет реальности, пусть даже эта реальность была пугающей и враждебной.

Я шла по улице, чувствуя, как мои мышцы постепенно расслабляются. Я знала, что должна сделать. Мне нужно было найти Эрика. Мне нужно было узнать, куда именно уходят мои данные. Если Вайс и Северин ведут свою игру, я должна была создать свою собственную систему координат, в которой я не буду просто набором данных.

Мой телефон завибрировал в кармане. Снова мать. Елена. Я не ответила. Сейчас я не могла нести на себе еще и ее груз. Мне нужно было сохранить энергию для собственного заплыва.

Я зашла в небольшое кафе, которое работало круглосуточно. Там пахло дешевым кофе и старой выпечкой. За одним из столиков я увидела Дэна Фогеля, того самого журналиста, который охотился за Северином уже несколько месяцев.

ГЛАВА 9. ЛИЦО ПОД МАСКОЙ ДАННЫХ

Дэн Фогель выглядел так, будто его только что вытащили из-под гидравлического пресса и забыли расправить. Перед ним на столе высилась баррикада из пустых кофейных чашек, по краям которых остались засохшие коричневые кольца - своего рода годовые кольца его бессонницы. Я села напротив, чувствуя, как пластиковое сиденье стула впивается в бедра. В кафе было шумно, запах пережаренных зерен смешивался с ароматом мокрой одежды посетителей, создавая плотную, почти осязаемую атмосферу. Я ощущала это сопротивление воздуха кожей, словно вошла в бассейн, где воду забыли поменять еще с прошлого месяца. Мои легкие, привыкшие к четкому ритму вдохов и выдохов под нагрузкой, работали вполсилы, экономя ресурс.

- Вы опоздали на семь минут, Лина, - произнес Дэн, не поднимая глаз. Его голос звучал как скрип несмазанных петель в старом подвале. - Для человека, чье время теперь стоит дороже, чем весь этот квартал, это непозволительная роскошь.

Я не стала извиняться. В моей внутренней системе координат извинение - это признание конструктивного дефекта, а я не планировала показывать ему свои трещины. Я просто

смотрела, как он нервно теребит край салфетки. Его пальцы были желтыми от никотина, а под ногтями забились серая пыль - вечный спутник тех, кто копается в чужих архивах.

- У вас есть что-то конкретное, Дэн, или вы пригласили меня, чтобы я оценила степень вашего саморазрушения? - я старалась говорить ровно, но внутри нарастало напряжение. Это было похоже на то, как несущая стена начинает вибрировать под воздействием резонанса.

- Северин не тот, за кого себя выдает, - Дэн наконец поднял взгляд. Его глаза были красными, прошитыми тонкими капиллярами, как карта незнакомого города. - Вы думаете, что участвуете в медицинском эксперименте? В поиске лекарства от деменции или способа структурировать память? Очнитесь. "Люцид" - это не клиника. Это карьер. И они добывают там не руду, а вас. Ваше подсознание - это необработанный ресурс, который они собираются приватизировать.

В кармане завибрировал телефон. Я знала, кто это, даже не глядя на экран. Елена. Моя мать обладала поразительным талантом звонить именно в те моменты, когда моя психологическая устойчивость стремилась к нулю. Она была моим главным источником вины, постоянным напоминанием о том, что фундамент нашей семьи был заложен на зыбучих песках. Я сбросила вызов. Сейчас я не могла позволить себе слушать о ее долгах или о том, как сильно я похожа на отца в своей холодности.

- Карьер? - я иронично приподняла бровь, хотя слова

Фогеля вызвали внутри неприятный холодок, похожий на сквозняк в пустом цеху. - Вы слишком драматизируете, Дэн. Это всего лишь данные. Электрические импульсы, переведенные в двоичный код. Моя личность остается со мной.

- Ваша личность - это фасад, Лина, - Дэн подался вперед, и я почувствовала запах дешевого табака и мяты. - Они лезут в фундамент. Вы знаете, что случилось с Виктором Олдриджем? Он был в первой группе. Теперь он записывает каждый свой шаг на диктофон, потому что не уверен, проснулся он или все еще находится в симуляции. Он звонил мне вчера. Он плакал, Лина. Мужчина тридцати пяти лет рыдал, потому что не мог вспомнить, какого цвета глаза у его дочери в реальности, а не в том цифровом аду, который ему подсунули.

Я вспомнила Виктора. Я видела его мельком в коридорах лаборатории - дерганный, с вечно оглядывающимися глазами. Он казался мне плохо спроектированным зданием, которое вот-вот рухнет под собственным весом. Я тогда списала это на индивидуальную непереносимость препаратов. Теперь же его образ всплыл в памяти как предупреждающий знак "Опасная зона".

- Мне нужно идти, - сказала я, вставая. Мои движения были резкими, спортивное прошлое давало о себе знать: тело требовало действия, когда мозг заходил в тупик. - У меня назначена встреча с Вайсом.

- Будьте осторожны, - бросил Дэн мне вдогонку. - Вайс

- это просто интерфейс. Настоящий системный администратор сидит выше.

Выйдя из кафе, я столкнулась с Кирой. Она стояла у входа, прислонившись к стене и сосредоточенно ковыряя пирсинг в нижней губе. Ее ярко-синие волосы были единственным цветным пятном в этом сером утре. На ней была безразмерная толстовка, из-под рукавов которой выглядывали татуировки - хаотичное сплетение линий, которые она называла своей картой жизни.

- Лина, ты выглядишь как чертеж, который пытались стереть ластиком, - Кира окинула меня критическим взглядом.
- Ты вообще спишь? Или ты теперь только в лаборатории "отключаешься"?

- Привет, Кира. У меня все под контролем, - я попыталась улыбнуться, но мышцы лица ощущались одеревеневшими, как после долгого заплыва в холодной воде.

- Ага, конечно. Контроль - это твое второе имя, после "Стойкости", - Кира фыркнула. - Слушай, я серьезно. Ты связалась в какую-то муть. Те твои долги... я могла бы занять у ребят из студии. Не обязательно продавать свои мозги на запчасти этим корпоративным упырям.

- Это не запчасти, это наука, - отрезала я. - И мне не нужны подачки. Я сама выстрою эту систему.

- Системы ломаются, Лина. Люди - нет, если они не пытаются стать бетонными блоками. Ладно, беги. Но если почувствуешь, что тонешь - просто дай знать. Я вытащу, даже если

ты будешь сопротивляться.

Я кивнула и пошла в сторону высотки "Люцид". Слова Кирры остались за спиной, но они добавили веса моему внутреннему грузу. У входа в здание я увидела черный лимузин, из которого выходил Маркус Элдер. Он громко смеялся, обсуждая что-то с ассистентом, и от него за несколько метров разило дорогим табаком и успехом, который строится на костях конкурентов. Маркус был главным соперником Северина, и его присутствие здесь означало, что ставки в игре за мое подсознание поднялись еще выше. Он мазнул по мне взглядом - хищным, оценивающим, словно я была не человеком, а уникальным биологическим активом, который он не прочь заполучить в свой портфель.

В вестибюле было пусто и стерильно. Я приложила пропуск к считывателю, и тихий писк системы отозвался в моих костях. Артур Вайс уже ждал меня у лифтов. Он тщательно протирал очки шелковым платком - его характерный жест, когда он собирался сообщить что-то неприятное или солгать. Его лицо было маской профессиональной отстраненности, за которой скрывался расчетливый ум.

- Лина, дорогая, вы вовремя, - Вайс водрузил очки на переносицу. - Сегодня у нас небольшое изменение в графике. Отчет будет принимать лично владелец.

- Лично? - я почувствовала, как в груди что-то сместилось. Точка излома была близко. - Почему такая честь? Мои показатели вышли за рамки нормы?

- Напротив, они идеальны, - Вайс нажал кнопку верхнего этажа. - Настолько идеальны, что требуют особого внимания. Идемте.

Мы вошли в лифт. Двери закрылись с мягким шелестом, отсекая нас от остального мира. Лифт начал стремительный подъем. Я почувствовала, как давление в ушах меняется, как при погружении на глубину. Это было знакомое ощущение - мир сужался до объема моих легких и сопротивления среды. Вайс молчал, разглядывая свое отражение в зеркальной панели. Я видела, как он слегка поправил галстук. Он нервничал. Это было странно. Человек, который годами препарирует человеческую психику, нервничал перед встречей с собственным боссом.

На пятнадцатом этаже двери открылись, и мы оказались в зоне, где даже воздух казался другим - более сухим и очищенным. Нас встретил Эрик, техник лаборатории. Он выглядел еще более сутулым, чем обычно, и его взгляд бегал по сторонам, избегая контакта с моими глазами.

- Доктор Вайс, все готово, - пробормотал он своей быстрой, невнятной речью. - Данные за последние три сессии загружены на терминал.

- Хорошо, Эрик. Свободен, - холодно бросил Вайс.

Эрик на мгновение задержался, проходя мимо меня. Его рука на секунду коснулась моего локтя - почти невесомое прикосновение.

- Будь осторожна, - шепнул он так тихо, что я скорее про-

читала это по губам, чем слышала. - Они изменили протоколы доступа. Твои сны... они теперь в общем облаке.

Я не успела ничего спросить. Вайс уже вел меня дальше по коридору, мимо стеклянных стен, за которыми виднелись серверные стойки с мигающими огнями. Это были внутренности чудовища, его цифровая память, в которой теперь хранились куски моей жизни.

Мы остановились перед массивной дверью из темного дерева. Она выглядела анахронизмом в этом царстве стекла и металла, словно вход в святилище. Вайс постучал.

- Войдите, - раздался голос, от которого у меня по коже пошли мурашки.

Этот голос я слышала в своих снах последние три ночи. Медленный, функциональный, лишенный лишних эмоций, он создавал ощущение безграничного пространства и времени. Я зашла в кабинет и замерла.

Помещение было огромным, с панорамными окнами от пола до потолка, за которыми раскинулся город, похожий на макет из серого картона. У окна, спиной к нам, стоял мужчина. На нем был идеально подогнанный темно-серый костюм. Он не шевелился, глядя на город, и в этой неподвижности чувствовалась колоссальная, сжатая сила.

- Артур, оставь нас, - произнес он, не оборачиваясь.

Вайс кивнул, бросил на меня быстрый, почти извиняющийся взгляд и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Я осталась одна с человеком, который преследовал меня в моем

собственном подсознании.

- Вы можете подойти ближе, Лина, - сказал он. - Я не кушаюсь. По крайней мере, в реальности.

Он медленно повернулся. Это был он. Северин. Его лицо было именно таким, каким я его запомнила в туманных пейзажах своих сновидений: четкие скулы, глубоко посаженные глаза, в которых не отражалось ничего, кроме холодного расчета, и тонкая линия губ, застывшая в едва уловимой циничной усмешке. Моя внутренняя система выдала критическую ошибку. Рационализация дала сбой. Я искала системную ошибку, объяснение тому, как человек, которого я никогда не видела в жизни, мог стать центральной фигурой моих самых интимных переживаний во сне.

- Как? - мой голос прозвучал суше, чем я ожидала. Я сделала два шага вперед, чувствуя, как мышцы ног напряжены, готовые к рывку, словно я стою на стартовой тумбе перед заплывом всей моей жизни. - Как вы попали в мои сны?

Северин сделал длинную паузу, рассматривая меня так, словно я была сложным архитектурным чертежом, в котором он искал уязвимое место.

- В системе "Люцид" нет понятия "попасть", Лина. Есть понятие "синхронизация". Вы - уникальный объект. Ваша способность к осознанным сновидениям и структурному мышлению создает идеальную среду для тестирования наших новых алгоритмов. Я просто... настроил частоту.

- Вы взломали мое сознание, - я почувствовала, как внут-

ри закипает ярость, холодная и острая, как осколок льда. - Вы использовали меня как подопытную крысу, даже не спросив разрешения.

- Вы подписали контракт, - Северин подошел к столу и нажал кнопку на терминале. В воздухе развернулась голограмма - графики моей мозговой активности, структуры моих снов, переведенные в сложные геометрические формы. - В пункте 4.2 мелким шрифтом указано, что компания имеет право на использование любых данных, полученных в ходе эксперимента, для улучшения интерфейса "мозг-компьютер". Я и есть этот интерфейс.

Он говорил короткими предложениями, каждое из которых ложилось как кирпич в стену, отгораживающую меня от моей свободы. Его манера речи была гипнотической, он заставлял меня заполнять паузы своим страхом, своей неуверенностью. Но я не собиралась давать ему это удовлетворение.

- Это не интерфейс, это вторжение, - я сложила руки на груди, пытаясь сохранить фасадное спокойствие. - Мои сны - это моя частная территория. Моя крепость.

- Ваша крепость построена на песке, Лина, - Северин подошел ближе. Теперь я чувствовала его запах - аромат холодного озона и дорогой кожи. - Вы ищете своего отца в этих снах. Вы строите комнаты, в которых он мог бы спрятаться. Вы пытаетесь восстановить архив, который был стерт еще до вашего рождения. Вы думаете, что я не вижу этого?

Я задержала дыхание. Моя привычная защита - замереть, имитируя погружение, - сработала автоматически. Откуда он знал? Эти мысли были заперты в самом глубоком подвале моей психики, за дверями, которые я сама боялась открывать.

- Ваш отец был слабым человеком, - продолжал Северин, его голос звучал почти ласково, что пугало больше, чем крик. - Он оставил вам только долги и страх стать таким же призраком. Но здесь, в "Люциде", вы можете стать чем-то большим. Вы можете стать структурой, которая не рухнет.

- И какой ценой? - я посмотрела ему прямо в глаза. - Стать вашей собственностью?

- Вы уже ею стали, - он сделал еще один шаг, сокращая дистанцию до предела. - Сегодня утром я подписал документы о выкупе всех прав на ваше подсознание до конца года. Все, что вы увидите, почувствуете или подумаете во время сессий и после них, принадлежит компании. То есть мне.

В кабинете воцарилась тишина, такая плотная, что я слышала гул серверов за стеной. Это было похоже на то, как если бы несущая стена моей жизни просто испарилась, оставив меня одну под обломками. Моя мышечная память подсказывала мне бежать, плыть прочь от этого места, но я понимала, что берега больше нет. Северин изменил ландшафт, и теперь я стояла посреди его территории.

В этот момент дверь кабинета приоткрылась, и вошла Стефани, личный ассистент Северина. Она была воплоще-

нием корпоративного совершенства: идеальная выправка, ледяной тон, полное отсутствие косметики на бледном лице. Она бросила на меня быстрый взгляд, в котором я прочитала нескрываемую ревность, тщательно замаскированную под профессионализм.

- Господин Северин, доктор София Грин ожидает вас для консультации по протоколу "Зеркало", - сообщила она.

- Пусть подождет, Стефани, - не оборачиваясь, ответил Северин. - Мы с Линой еще не закончили обсуждение ее новой роли.

Стефани кивнула и вышла, закрыв дверь так тихо, что звук был похож на щелчок затвора.

- Что за протокол "Зеркало"? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Это наше будущее, Лина. Способность отражать и сохранять личность даже после физического износа носителя. Но для этого нам нужен идеальный исходный код. Ваша нейронная сеть - самая чистая из всех, что я видел. Вы не замусорены дешевыми эмоциями и мистикой. Вы мыслите структурами. Это делает вас бесценной.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были холодными, как датчики в лаборатории. Я не отстранилась, хотя каждая клетка моего тела кричала о нарушении границ. Я изучала его, как он изучал меня. Это была игра сил, в которой я пока проигрывала по очкам, но партия еще не была закончена.

- Вы думаете, что можете купить то, что не контролируете, - сказала я, глядя ему в глаза. - Вы видите мои сны, но вы не понимаете их смысла. Для вас это данные, для меня - архитектура моей боли. И я не позволю вам снести эти стены.

Северин усмехнулся. Эта усмешка была похожа на трещину в полированном мраморе.

- Мы еще посмотрим, Лина. Ваша следующая сессия начнется через два часа. Вайс подготовит оборудование. И на этот раз я буду там, внутри, вместе с вами. Не как наблюдатель, а как часть системы.

Он отошел к окну, давая понять, что аудиенция окончена. Я вышла из кабинета, чувствуя, как пол под ногами слегка вибрирует. В коридоре я снова увидела Вайса. Он стоял у окна, чистя очки.

- Ну как? - спросил он, не глядя на меня. - Вы поняли масштаб задачи?

- Я поняла, что вы все - соучастники преступления, Артур, - ответила я, проходя мимо.

Мне нужно было найти выход. Не из здания - из этой ситуации. Я вспомнила о Викторе Олдридже. О его диктофоне. О его слезах. Если Северин выкупил мое подсознание, значит, он боится потерять контроль над ним.

Я спустилась на жилой этаж, где находились комнаты участников эксперимента. Там, в тени коридора, я увидела старого Абрама, архивариуса. Он пах старой бумагой и пылью веков, что казалось невозможным в этом высокотехно-

логичном аду. Он медленно перебирал какие-то папки, его руки дрожали.

- Девочка, - проскрипел он, когда я поравнялась с ним. - Ты ищешь то, что уже потеряно. В архивах есть записи твоих детских снов. Твой отец приносил их сюда, когда ты была совсем маленькой.

Я замерла. Мой отец? Здесь?

- Он работал на них? - спросила я, чувствуя, как в горле встает ком.

- Он пытался их переиграть, - Абрам поднял на меня свои мутные глаза. - Но система всегда выигрывает, если ты не готов стать ее частью. Посмотри записи, Лина. Там есть ответ на вопрос, почему ты здесь на самом деле.

Он протянул мне старую, пожелтевшую дискету. В мире облачных хранилищ и квантовых вычислений она выглядела как ископаемое.

- Спасибо, Абрам, - я спрятала дискету в карман.

Я шла по стерильному коридору, и в моей голове складывался новый чертеж. Северин думал, что он владеет моей территорией, но он не знал об одном: я пловчиха. Я умею задерживать дыхание дольше, чем любой из них. Я умею ориентироваться в мутной воде, когда видимость нулевая. И если он хочет войти в мой сон, он должен быть готов к тому, что на глубине давление может раздавить даже самую совершенную конструкцию.

Мой телефон снова завибрировал. На этот раз это было

сообщение от доктора Софии Грин: "Лина, нам нужно обсудить ваши последние показатели. Есть риск дезинтеграции эго. Пожалуйста, зайдите перед сессией".

Я удалила сообщение. София была зеркалом, она просто повторяла мои позы и слова, пытаясь убедить меня в моей нормальности. Но я больше не хотела быть нормальной. Я хотела быть функциональной. Я хотела разрушить этот карьер, в котором они собирались добывать мою душу.

Я зашла в свою комнату и легла на кровать. Потолок казался бесконечно далеким. Я закрыла глаза и начала медленно, ритмично дышать, готовясь к погружению. Я чувствовала, как датчики на моем теле, скрытые под кожей, начинают оживать, связываясь с центральным сервером. Я была частью системы, ее уникальной уязвимостью.

Через два часа я должна была снова встретиться с Северином в мире, где нет законов физики, но есть законы боли. И на этот раз я не буду строить стены. Я построю лабиринт, из которого он не найдет выхода.

Мысли постепенно путались, реальность начала размываться, превращаясь в вязкий поток образов. Я видела лицо отца, его исчезающий силуэт в дверях пустой комнаты. Я видела глаза Северина, холодные и манящие. Я видела Киру, которая махала мне рукой с другого берега.

Я знала, что этот заплыв будет последним. Либо я выплыву на поверхность с истиной в руках, либо останусь там, в цифровой бездне, став еще одним призраком в архиве Абра-

ма. Но страха не было. Было только чистое, дистиллированное осознание своей цели.

Система начала обратный отсчет. Я почувствовала знакомый укол в предплечье - автоматическая подача препарата. Воздух стал плотным, как вода. Я сделала последний глубокий вдох и закрыла глаза, позволяя тьме поглотить меня. В этой тьме я уже видела очертания его лица. Он ждал меня там, на пороге моего собственного ада, не подозревая, что я принесла с собой ключи от всех дверей, которые он считал запертыми.

Мое тело расслабилось, мышцы потеряли вес, и я начала падать вверх, в сияющую пустоту подсознания, где данные становились плотью, а мысли - реальностью. Я была готова. Я была структурой, способной выдержать любую нагрузку. И теперь я собиралась проверить на прочность самого Северина.

Город за окном продолжал жить своей хаотичной жизнью, миллионы людей спешили по своим делам, не подозревая, что здесь, на пятнадцатом этаже стального монстра, начинается битва за право называться человеком. Я чувствовала каждый импульс, каждый бит информации, проходящий через меня. Я была живым чертежом, который обрел волю. И этот чертеж больше не подчинялся своему создателю.

Погружение было глубоким и стремительным. Я чувствовала, как сознание расслаивается, отделяясь от физической оболочки. В этот момент я была больше, чем просто Лина,

бывшая пловчиха и несостоявшийся архитектор. Я была самой сутью сопротивления. И когда первый слой сна накрыл меня своей прохладной волной, я увидела Северина. Он стоял на берегу океана из черных цифр, и в его руке была маска, в точности повторяющая мое лицо.

Он протянул ее мне, и в этот момент я поняла, что игра только начинается. Мой сон больше не принадлежал мне, но и его власть над ним была лишь иллюзией, которую я собиралась развеять с первым лучом осознания. Мы стояли друг против друга в пространстве, где время не имело значения, и впереди была долгая, бесконечная ночь, полная открытий и боли, которую нельзя было измерить никакими датчиками.

Я сделала шаг вперед, чувствуя под ногами зыбкую почву сновидения. Северин молчал, его фигура казалась высеченной из темного камня на фоне мерцающего неба. В этом мире он не был владельцем корпорации, он был лишь еще одной проекцией, еще одним элементом в моей сложной системе. И я собиралась выяснить, что скрывается за его маской цинизма и контроля, даже если для этого мне придется разрушить фундамент собственного разума.

Связь с реальностью истончалась, превращаясь в едва заметную нить. Я знала, что где-то там, наверху, Вайс следит за моими показателями, а Эрик судорожно пытается скрыть следы своего вмешательства. Но здесь и сейчас существовали только мы двое - я и человек, который решил, что может купить мою душу за долги моего отца.

Океан цифр у наших ног начал волноваться, поднимая высокие гребни, на вершинах которых вспыхивали обрывки моих воспоминаний. Я видела лицо матери, искаженное горем, слышала смех Маркуса Элдера, чувствовала запах татуировочной краски в студии Киры. Все это было частью меня, всеми теми связями, которые Северин считал мусором.

- Ты готова, Лина? - спросил он, и его голос отозвался эхом во всем пространстве моего сна.

- Я всегда готова к заплыву, Северин, - ответила я, чувствуя, как внутри меня восстанавливается идеальная структура. - Вопрос в том, умеешь ли ты плавать в воде, которую не можешь контролировать.

ГЛАВА 10. ЦЕНА ОБЪЕКТИВАЦИИ

Воздух в лаборатории всегда казался мне слишком плотным, будто я пытаюсь плыть в патоке, где каждое движение требует предварительного расчета сопротивления среды. Когда датчики отлепили от моих висков, кожа отозвалась резким, точечным жжением - так бывает, когда срываешь старый пластырь с заживающей ссадины. Я сидела на кушетке, чувствуя, как мышцы спины затекли, превратившись в монолитную бетонную плиту, которую забыли армировать должным образом.

- Лина, показатели в норме, но пульс в фазе быстрого сна зашкаливал, - Эрик возился со своими проводами, стараясь не смотреть мне в глаза. Он всегда сутулился так, будто ожидал удара сверху, и эта его привычка вжимать голову в плечи вызывала у меня фантомное желание выпрямить ему позвоночник, как выравнивают покосившуюся сваю. - Ты опять сопротивлялась погружению. Это создает избыточное давление на систему.

- Я не сопротивляюсь, Эрик. Я просто анализирую структуру потока, - ответила я, ощущая, как во рту пересохло. Мой голос звучал чужим, как запись на старой пленке.

Я встала, и пол под ногами на мгновение качнулся. Гидро-

статическое равновесие было нарушено. Мне нужно было заново откалибровать вестибулярный аппарат под земную гравитацию после того, как я полтора часа дрейфовала в цифровом океане, созданном по заказу Северина. Через стекло операторской я видела Артура Вайса. Он медленно протирал очки краем своего безупречно белого халата - его фирменный жест, когда он только что совершил небольшое предательство или собирался совершить крупное. Он кивнул мне, но взгляд его оставался приклеенным к мониторам, где мои сны превращались в графики и столбцы цифр. Ложный наставник, который продает мои нейронные связи оптом и в розницу.

- Северин ждет тебя в своем кабинете, - бросил Артур, не оборачиваясь. - Он хочет обсудить следующий этап.

Я вышла в коридор, где пахло стерильностью и дорогим парфюмом Стефани. Она стояла у входа в лифт, прямая, как чертежная линейка, и такая же холодная. На ее лице не было ни грамма косметики, но кожа выглядела так, будто ее ежедневно полировали лазером.

- Он не в духе, Лина, - произнесла она ледяным тоном, который идеально сочетался с ее серой юбкой-карандашом. - Постарайся обойтись без своих архитектурных аллегорий. Ему нужны результаты, а не лекции о сопромате.

- Мы все чего-то хотим, Стефани. Я, например, хочу, чтобы в этом здании наконец-то починили вентиляцию в жилом блоке, - я прошла мимо нее, чувствуя кожей ее ревнивое раз-

дражение. Это было почти осязаемо, как статическое электричество перед грозой.

Кабинет Северина располагался на последнем этаже, там, где панорамные окна позволяли видеть город как макет, на котором можно безнаказанно передвигать фигурки. Когда я вошла, он стоял у окна, заложив руки за спину. Его фигура перерезала свет, создавая в пространстве комнаты зону высокого напряжения.

- Садись, Лина, - сказал он, не оборачиваясь. Его голос был медленным, обволакивающим, как холодная вода на глубине десяти метров. Он всегда делал эти паузы, заставляя тебя чувствовать, как время утекает сквозь пальцы, пока ты ждешь продолжения.

Я опустилась в кресло, которое было слишком мягким для моей спины. Моя мышечная память требовала твердой опоры, жесткого бортика бассейна, от которого можно оттолкнуться.

- Мы проанализировали данные последнего сеанса, - Северин наконец повернулся. Он подошел к столу и сел напротив, глядя на меня так, будто я была не человеком, а интересным багом в его операционной системе. - Твой мозг выстраивает невероятные барьеры. Ты превращаешь свои сны в лабиринты с несущими стенами из логики. Это красиво, но это замедляет процесс.

- Я не могу просто отключить критическое мышление, Северин. Моя психика имеет свою архитектуру. Если я уберу

опоры, все рухнет, - я старалась говорить спокойно, но чувствовала, как под кожей пульсирует датчик, который они забыли или намеренно оставили для контроля моих реакций в реальном времени.

- Мне нужно, чтобы ты опустилась глубже, - он подался вперед, и я почувствовала запах его парфюма - смесь кожи и чего-то металлического. - Нам нужен третий слой. Тот, где хранятся не только образы, но и первопричины. Мы готовы удвоить твой гонорар за этот цикл.

Двойной гонорар. Цифра вспыхнула в моей голове как аварийный сигнал на панели управления. Это означало, что я смогу закрыть долги отца до конца месяца. Мать перестанет звонить по ночам, захлебываясь слезами и жалуясь на коллекторов, которые теперь называли себя юридическими консультантами. Елена жила в мире, где прошлое было единственной валютой, и эта валюта постоянно обесценивалась.

- Глубокое погружение - это риск системной ошибки, - я попыталась интеллектуализировать свой страх, разложить его на составляющие, как проектную документацию. - Психика может не выдержать такой нагрузки. Виктор Олдридж предупреждал меня об этом.

Северин слегка прищурился. Имя Виктора подействовало на него как микротрещина в фундаменте.

- Олдридж был бракованным материалом. Его эмоциональный фон изначально был нестабилен. Он не пловец, Лина. Он - утопленник, который пытается затянуть за собой

остальных.

Я вспомнила встречу с Виктором в том прокуренном кафе на окраине. Его руки дрожали, когда он сжимал диктофон, на который записывал каждое свое слово, боясь, что реальность сотрется, как неудачный дубль. Он выглядел как здание после землетрясения - внешне целое, но внутри все перекрытия перекошены.

- Он сказал, что ты ищешь не истину, а способ управлять ею, - тихо произнесла я.

- Я ищу объективность, - Северин откинулся на спинку кресла. - Слова - это манипуляция. Даже сейчас ты используешь их, чтобы выстроить фасад. Но во сне ты настоящая. Твоя реакция на раздражители там - это единственная правда, которую невозможно подделать. Я хочу купить эту правду, Лина. И цена, которую я предлагаю, покроет все твои структурные дефициты.

В этот момент зазвонил мой телефон. Я знала, кто это, даже не глядя на экран. Елена. Мать всегда выбирала самые неподходящие моменты, будто обладала встроенным радаром на мои попытки обрести равновесие.

- Извини, мне нужно ответить, - я достала телефон.

- Ответь здесь, - Северин жестом разрешил мне не выходить. Это была ловушка, демонстрация его власти над моим личным пространством.

- Лина, они снова приходили, - голос матери в трубке был тонким и ломким, как сухой лед. - Сказали, что если мы не

внесем платеж до пятницы, они опишут квартиру. Лина, я не могу потерять эти стены. Здесь все, что осталось от твоего отца. Его чертежи, его запах...

Я закрыла глаза, имитируя погружение под воду. Задержать дыхание на тридцать секунд. Давление в ушах должно стабилизироваться.

- Мама, я все решу. Успокойся. Просто не открывай дверь никому, кроме Кире. Она зайдет вечером.

- Кира? Эта девочка с татуировками? - Елена всхлинула. - Лина, как ты можешь с ней общаться? Она же живет в хаосе.

- Хаос иногда честнее порядка, мама. Я переведу деньги завтра.

Я отключила вызов. В кабинете повисла тишина, тяжелая, как слой ила на дне. Северин наблюдал за мной, и в его взгляде не было сочувствия - только расчет. Он оценивал мою уязвимость как коэффициент полезного действия.

- Твоя мать - классический пример зацикленной системы, - холодно заметил он. - Она живет в режиме ожидания катастрофы, которую сама же и провоцирует. Ты пытаешься спасти объект, который уже давно признан аварийным.

- Это мой объект, Северин. И я отвечаю за его сохранность, - я почувствовала, как внутри меня что-то щелкнуло. Точка излома пройдена. - Хорошо. Третий слой. Но я хочу видеть протоколы безопасности. И я хочу, чтобы Эрик лично контролировал выход. Вайс слишком лоялен к твоим ам-

бициям.

Северин едва заметно улыбнулся. Это была не улыбка человека, а скорее блик на полированной стали.

- Эрик - хороший техник, но он слишком эмоционально вовлечен. Ты же знаешь, что он тайно копирует файлы твоих сеансов? Думает, что я об этом не догадываюсь.

Эта информация ударила меня под дых. Мой единственный союзник в этой лаборатории был так же прозрачен для Северина, как и я. Я чувствовала себя как здание, у которого по очереди выбивают несущие колонны.

- Зачем ты мне это говоришь? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- Чтобы ты поняла: здесь нет секретов. Есть только данные и их интерпретация. Маркус Элдер предлагал тебе встречу, не так ли? Он хочет перекупить тебя, думая, что ты - биологический актив. Но Маркус не понимает сути. Он коллекционер, а я - исследователь.

Я вспомнила громкий смех Элдера и его навязчивое дружелюбие, которое пахло дорогим табаком и дешевой властью. Он поджидал меня у выхода из спортзала на прошлой неделе, предлагая золотые горы за переход в его компанию. Для него я была просто редким контентом для его серверов. Северин же видел во мне структуру, которую хотел разобрать и собрать заново, но уже по своим чертежам.

- Ты боишься, что я уйду к нему? - ирония была моим последним щитом.

- Я знаю, что ты не уйдешь. Тебе нужна не роскошь, Лина. Тебе нужна определенность. И только я могу дать тебе возможность понять, что именно случилось с твоим отцом.

Воздух в комнате внезапно закончился. Я сделала вдох, но легкие отказались расширяться. Мой отец исчез десять лет назад, оставив после себя только пустые комнаты и горы неоплаченных счетов. Его исчезновение было идеальным архитектурным коллапсом - мгновенным и необъяснимым.

- У тебя нет информации об отце, - отрезала я. - Ты просто используешь это как рычаг.

- У меня есть записи из архива Абрама, - Северин встал и подошел к сейфу, встроенному в стену. - Старик хранит много интересного. Оказывается, твой отец тоже был участником ранних экспериментов по картированию снов. Только тогда технологии были... кустарными.

Он достал небольшую папку, пожелтевшую от времени. Запах старой бумаги на мгновение вытеснил стерильность кабинета. Я видела такие папки в подвале у Абрама, когда тот показывал мне старые записи, похожие на предсказания безумного пророка. Старик всегда говорил загадками, утверждая, что сны - это черновики реальности, которые мы забываем отредактировать.

- Отец никогда не говорил об этом, - я смотрела на папку, чувствуя, как внутри нарастает вибрация, похожая на ту, что возникает в конструкциях моста перед обрушением.

- Он не хотел, чтобы ты знала о своей предрасположенно-

сти. Но именно поэтому ты здесь. Ты - продолжение его проекта. Только на этот раз мы доведем его до конца.

В кабинет без стука вошел Дэн Фогель. Журналист выглядел помятым, его пиджак явно нуждался в чистке, а в глазах горел тот самый нездоровый азарт, который бывает у людей, почуявших запах крови.

- О, я не помешал? - Дэн окинул меня цепким взглядом, задерживаясь на моих руках, которые я непроизвольно сжала в кулаки. - Лина, дорогая, ты все еще здесь? Я слышал, компания Северина планирует что-то грандиозное. Новые горизонты подсознания? Или просто очередная попытка взломать человеческую душу?

- Дэн, ты как всегда вовремя со своими неуместными вопросами, - Северин даже не обернулся к нему. - Стефани проводит тебя в зал для прессы. У нас сегодня нет запланированных интервью.

- Мне не нужны интервью, Северин. Мне нужны факты. Например, почему твой бывший подопытный Олдридж пытается выброситься из окна каждый раз, когда видит синий свет? - Фогель подошел ближе ко мне. - Лина, ты уверена, что хочешь быть следующей в его списке?

- Я сама принимаю решения, Дэн, - я встала, чувствуя потребность в движении. - Моя психика достаточно устойчива, чтобы выдержать твои нападки.

- Устойчивость - это иллюзия, - Дэн усмехнулся, и в его улыбке было что-то жалкое. - Спроси доктора Софию Грин.

Она ведь лечит тебя от этой устойчивости? Она говорит шепотом, не так ли? Зеркалит твои позы, чтобы ты почувствовала себя в безопасности. Но на самом деле она просто записывает, как быстро ты разрушаешься.

Я вспомнила Софию. Ее кабинет с мягким светом и запахом лаванды. Она всегда сидела точно так же, как я, повторяя мои жесты. Я ходила к ней, чтобы убедиться в своей нормальности, но каждый раз выходила оттуда с ощущением, что моя нормальность - это просто хорошо наложенный грим.

- Выйди, Дэн, - в голосе Северина прорезался металл. - Мы закончили.

Когда журналист, все еще ухмыляясь, покинул кабинет в сопровождении ледяной Стефани, Северин снова повернулся ко мне. Он выглядел спокойным, но я видела, как он сжал край стола. Его пальцы побелели от напряжения.

- Фогель - паразит. Он питается чужими страхами, - сказал он. - Не позволяй ему внести помехи в твою систему.

- Моя система и так перегружена, Северин. Ты предлагаешь мне нырнуть на глубину, где давление расплющит любой каркас. Что если я не вернусь? Что если я стану как Виктор?

- Ты - не Виктор. У тебя есть то, чего не было у него. У тебя есть структура. Ты мыслишь как архитектор, а значит, ты можешь выстроить мост обратно даже из самого глубокого кошмара.

Он подошел к столу и положил на него связку старых, по-

темневших от времени ключей на простом металлическом кольце. Я замерла. Мой пульс, и без того частый, пропустил удар, создавая ощущение пустоты в грудной клетке.

Это были те самые ключи. Я видела их в своем последнем сне, в той комнате без окон, где стены пахли старой бумагой и отцовским табаком. Я видела их во всех деталях: зазубрина на самом большом ключе, гравировка в виде буквы Л на другом. Эти ключи не могли существовать в реальности. Они были частью моей подсознательной архитектуры, моим внутренним кодом доступа.

- Откуда они у тебя? - мой голос сорвался, превратившись в едва слышный шепот.

- Абрам нашел их в вещах твоего отца, которые он оставил в архиве перед исчезновением, - Северин внимательно следил за моей реакцией. - Видишь, Лина? Твои сны - это не просто фантазии. Это извлечение данных, которые уже заложены в твоём коде. Эти ключи открывают дверь, которую твой отец запер десять лет назад. Ты хочешь узнать, что за ней?

Я протянула руку, но не решилась коснуться холодного металла. Ключи казались мне чем-то инородным в этом стерильном кабинете, будто они были артефактом из другого измерения. Если я возьму их, я признаю, что грань между реальностью и экспериментом окончательно стерта. Моя защитная система, выстраиваемая годами, дала критическую трещину.

- Ты манипулируешь мной, - я попыталась вернуть себе фасадное спокойствие, но голос дрожал. - Ты подложил их мне в сон через нейроинтерфейс, а теперь выдаешь за реальность.

- Ты сама знаешь, что это не так, - Северин сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного минимума. - Нейроинтерфейс не может создать такие детализированные воспоминания. Ты сама вытащила их из глубины. Я просто возвращаю тебе то, что принадлежит тебе по праву.

Я чувствовала сопротивление воздуха, будто он превратился в плотную водную массу. Мне хотелось сделать резкий разворот, как в конце дорожки бассейна, и уплыть прочь от этого человека, от этих ключей, от своей собственной памяти. Но я стояла на месте, прикованная взглядом к металлу на столе.

- Если я соглашусь на погружение... если я пойду на третий слой... - я замолчала, пытаюсь осознать масштаб сделки.

- Ты получишь ответы. И ты получишь свободу от долгов. Твоя мать будет в безопасности. Ты сможешь выстроить свою жизнь заново, на твердом фундаменте, а не на песке, который оставил твой отец.

Северин протянул руку и накрыл ключи ладонью. Этот жест был собственническим и одновременно обещающим. Он предлагал мне сделку, от которой невозможно отказаться, не разрушив при этом остатки своего мира.

Я вспомнила Киру. Вчера она набивала кому-то сложный

геометрический узор, и ее руки были по локоть в чернилах. Она смеялась, рассказывая о каком-то очередном провале в личной жизни, и этот хаос казался мне тогда таким настоящим, таким живым. Кира всегда говорила, что я слишком стараюсь все контролировать, что я похожа на чертеж, в котором забыли нарисовать людей.

- Хорошо, - выдохнула я, чувствуя, как внутри меня обрушивается последняя стена. - Я сделаю это. Но при одном условии.

- Каком? - Северин даже не удивился моему согласию. Он знал результат еще до начала разговора.

- Я хочу, чтобы Абрам присутствовал при погружении. Он единственный, кто знал моего отца. Я не доверяю твоим приборам, Северин. Я доверяю памяти старика.

Северин на мгновение задумался. Его лицо снова стало непроницаемым, как фасад здания в стиле брутализма.

- Абрам стар. Ему будет трудно находиться в лаборатории столько времени.

- Это мое условие. Или я уйду к Маркусу Элдеру прямо сейчас. У него, может, и нет ключей, но у него есть деньги, которые решат мои проблемы ничуть не хуже твоих.

Я блефовала. Элдер был мне отвратителен, но в этой игре мне нужно было хоть какое-то преимущество, хоть какая-то точка опоры, не подконтрольная Северину.

- Договорились, - Северин убрал руку с ключей. - Завтра в девять утра. Стефани подготовит контракт. Иди домой, Ли-

на. Тебе нужно выспаться. Настоящим сном, без датчиков.

Я взяла ключи со стола. Они были тяжелыми и холодными. Настоящими. Когда я выходила из кабинета, я столкнулась со Стефани. Она смотрела на меня с такой нескрываемой ненавистью, что я невольно задержала дыхание. Для нее я была не объектом исследования, а угрозой ее идеально выстроенному миру рядом с Северином.

- Ты совершаешь ошибку, - прошептала она, когда я проходила мимо. - Ты думаешь, что ты особенная, но ты просто еще одна переменная в его уравнении. И когда результат будет получен, тебя просто сократят.

- В архитектуре есть такое понятие, Стефани, - я остановилась и посмотрела ей прямо в глаза. - Избыточная прочность. Ты никогда не знаешь, на что способна конструкция, пока не нагрузишь ее до предела. Посмотрим, кто из нас сломается первым.

Я спустилась на лифте в холл. У выхода меня ждал Эрик. Он выглядел еще более дерганным, чем обычно.

- Лина, постой! - он догнал меня на парковке. - Я видел, как Северин давал тебе папку. Не верь ему. Те данные... они не из архива.

- О чем ты, Эрик? - я сжала ключи в кармане куртки.

- Он сам их создал. Я видел, как он работал с графическим редактором нейронных связей вчера вечером. Он моделирует твое прошлое, чтобы ты выдала нужную ему реакцию. Те ключи...

- Ключи у меня в руке, Эрик. Они материальны, - я показала ему край кольца.

Эрик замер, его рот приоткрылся. Он явно не ожидал увидеть физический объект.

- Но... этого не может быть. Я видел файлы...

- Может быть, ты видел только то, что он хотел тебе показать, - я отвернулась и пошла к своей машине.

Вечерний город встречал меня огнями и шумом. Я ехала по улицам, чувствуя, как внутри меня идет непрерывный процесс перерасчета нагрузок. Северин, Вайс, Стефани, Эрик, моя мать, Кира, Виктор, Маркус, Дэн Фогель, Абрам - все они были частью огромной структуры, в центре которой стояла я. И завтра эта структура должна была пройти испытание на пределе своих возможностей.

Я заехала в тату-салон к Кире. Мне нужно было почувствовать что-то реальное, что-то, что не связано с цифрами и нейронами. Запах антисептика и краски подействовал на меня успокаивающе.

- Опять ты со своим лицом мученицы науки, - Кира отложила машинку и стянула перчатки. - Посмотри на себя, Лина. Ты же прозрачная стала. Тебя скоро ветром сдует.

- Мне нужно погрузиться еще глубже, Кира. Завтра.

- Ты с ума сошла? - подруга подошла ко мне и взяла за плечи. Ее пальцы в татуировках были теплыми и крепкими. - Этот твой Северин... он же тебя выпьет и не заметит. Пойдем ко мне, я сделаю тебе чай, и мы просто посмотрим ка-

кой-нибудь тупой сериал. Тебе нужно заземлиться.

- Я не могу. У меня есть ключи, Кира. Настоящие ключи от прошлого.

Я достала их и положила на стойку. Кира посмотрела на них с недоверием.

- И что они открывают?

- Дверь, которую я боялась открывать десять лет.

- Слушай, архитектор, - Кира серьезно посмотрела на меня. - Иногда двери запирают не для того, чтобы кто-то не вошел, а для того, чтобы что-то не вышло. Ты уверена, что хочешь встретиться с тем, что там сидит?

- У меня нет выбора. Моя несущая стена рушится. Если я не найду способ ее укрепить, я превращусь в призрак, как отец.

Я уехала от Киры поздно вечером. Дома я долго сидела в темноте, перебирая ключи. Завтра я нырну на глубину, где нет света, где давление способно превратить уголь в алмаз или в пыль. Я чувствовала, как мое тело готовится к этому заплыву - мышцы были в тонусе, дыхание стало ровным и глубоким.

Я знала, что Северин будет наблюдать. Он будет анализировать каждое мое движение, каждую вспышку страха или боли. Он хочет объективности, но он забывает об одном - на такой глубине объективность перестает существовать. Там есть только ты и бездна, которая начинает смотреть на тебя в ответ.

Перед тем как лечь в кровать, я проверила телефон. Сообщение от Абрама: "Помни, Лина, чертеж - это еще не здание. Иногда, чтобы построить что-то новое, нужно позволить старому сгореть дотла".

Я закрыла глаза, и темнота перед моими веками начала структурироваться, превращаясь в знакомые очертания лаборатории. Но на этот раз я не чувствовала страха. Я чувствовала холодное любопытство исследователя, который собирается вскрыть свой собственный череп, чтобы посмотреть, как там все устроено. Завтра я узнаю цену своей объективности. Завтра я пойму, кто я на самом деле - архитектор своей жизни или просто сервер, на котором хранятся чужие тайны.

Сон пришел мгновенно, как погружение в ледяную воду после долгого бега. Я чувствовала, как реальность медленно отступает, оставляя меня наедине с предчувствием великого и страшного открытия, которое ждало меня за той самой дверью, ключ

ГЛАВА 11. ПРОЕКЦИЯ ВРАГА

Ключ, о котором писал Абрам, казался мне скорее математической абстракцией, чем реальным предметом. Я чувствовала, как металлическое кольцо сенсора на моем указательном пальце слегка сдавливает фалангу, сообщая системе о моем пульсе. Семьдесят два удара в минуту. Идеально ровная частота для того, кто собирается добровольно шагнуть в контролируемую шизофрению. Эрик возился с проводами у изголовья капсулы, его плечи были привычно сутулы, а пальцы подрагивали, когда он наносил холодный гель на мои виски. Он старался не смотреть мне в глаза, и в этой его неловкости я читала невысказанное предупреждение.

- Лина, я обновил протокол передачи данных, - пробормотал он, уткнувшись в планшет. - Скорость отклика теперь выше. Если... если тебе покажется, что архитектура сна становится слишком плотной, просто дай сигнал через вегетативный триггер. Я вытащу тебя за секунду.

- Плотность - это мой профиль, Эрик, - ответила я, ощущая, как гель начинает подсыхать, стягивая кожу. - Ты же знаешь, я не боюсь тяжелых конструкций. Я боюсь только тех зданий, у которых нет фундамента.

В дверях лаборатории появился Артур Вайс. Он не спеша протер очки подолом своего безупречно белого халата, и этот жест, ставший для меня маркером его лживости, заста-

вил мои мышцы непроизвольно напрячься. Вайс был ложным наставником, фигурой, которая должна была внушать доверие, но вместо этого вызывала лишь желание проверить все расчеты дважды. За его спиной, словно тень, застыла Стефани. Ассистентка Северина сегодня выглядела еще более отстраненной, чем обычно. Ни капли макияжа на бледном лице, волосы затянуты в тугий узел - она была похожа на идеально отлаженный механизм, лишенный человеческих слабостей. Ее ледяной взгляд скользнул по мне, и я почувствовала укол ревности, который она так тщательно скрывала под маской профессионализма.

- Мы готовы начать, - произнес Вайс, водружая очки на переносицу. - Северин уже ждет в своей части контура. Лина, помни: сегодня мы не просто наблюдаем. Сегодня ты - архитектор. Строй так, чтобы мы могли замерить сопротивление материала.

Я кивнула, закрывая глаза. Перед этим я вспомнила утренний звонок матери. Елена плакала в трубку, жалуясь на протекающий кран и одиночество, которое разъедало ее жизнь с тех пор, как отец исчез. Ее голос, тонкий и ломкий, как старый пергамент, до сих пор звучал у меня в ушах. Она требовала денег, но больше всего она требовала моего внимания, пытаясь превратить меня в опору для своей рушащейся реальности. Я пообещала ей все, лишь бы она замолчала. А потом, уже в лифте центра, я столкнулась с Маркусом Элдером. Конкурент Северина пах дорогим табаком и

агрессивным успехом. Он рассмеялся слишком громко, когда я попыталась пройти мимо, и предложил мне контракт, сумма в котором имела слишком много нулей.

- Северин выжмет тебя и выбросит, детка, - сказал он тогда, обдавая меня запахом коньяка и амбиций. - У него нет сердца, только алгоритмы. Переходи ко мне, пока твои мозги еще не превратились в кисель из нейронов.

Я проигнорировала его, как игнорируют помехи в радиоэфире. Сейчас, лежа в капсуле, я чувствовала, как сознание начинает отслаиваться от тела. Это было похоже на погружение в бассейн: сначала сопротивление воздуха, потом резкий температурный скачок, и вот уже вода обволакивает тебя, лишая веса. Я - бывшая пловчиха, я знаю, как важно правильно дышать, когда над тобой смыкается толща.

Темнота за веками начала структурироваться. Я не позволяла образам возникать хаотично. Я начала с фундамента. В моем воображении, усиленном нейроинтерфейсом, начали расти бетонные сваи. Я вбивала их в пустоту подсознания с яростью человека, который хочет построить нечто неразрушимое. Арматурные прутья переплетались, создавая сложный скелет будущего лабиринта. Я использовала категории чертежей, рассчитывая нагрузку на каждую несущую стену. Мой лабиринт не был садом с живой изгородью. Это был бруталистский кошмар из серого бетона, ржавой стали и острых углов.

Я шла по коридору, который сама только что создала. Под

ногами ощущалась шершавая поверхность цемента. Воздух здесь был тяжелым, насыщенным пылью и запахом озона, как перед грозой. Это была моя территория. Моя система. Здесь я была богом в каске и с уровнем в руках.

- Ты слишком полагаешься на геометрию, Лина, - раздался голос Северина.

Он не пришел из-за угла. Он просто возник там, где мгновение назад была сплошная стена. Я замерла, чувствуя, как внутри срабатывает датчик опасности. Северин выглядел так же, как в реальности, но его присутствие здесь ощущалось иначе. Он был как системная ошибка, которую невозможно исправить, потому что она и есть часть кода. Его голос звучал ровно, с теми самыми длинными паузами, которые заставляли меня нервничать.

- Геометрия не лжет, Северин, - ответила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. - В отличие от людей. Этот лабиринт построен по законам логики. Ты не сможешь выйти отсюда, пока я не позволю.

Он сделал шаг ко мне. Я мысленно возвела между нами еще одну стену - полуметровую плиту из армированного бетона. Я видела, как она опускается с потолка, со скрежетом вставая в пазы. Но Северин даже не замедлил шаг. Он прошел сквозь бетон, словно это была театральная декорация из картона. Его тело не исказилось, не мерцало. Он просто игнорировал физику моего сна.

- Твоя логическая защита - это всего лишь фасад, - про-

изнес он, остановившись в паре метров. - Ты строишь стены, чтобы спрятаться от того, что уже находится внутри тебя. Ты думаешь, что если ты превратишь свои страхи в архитектурный проект, они перестанут быть страхами?

Я почувствовала, как в груди нарастает холод. Это не был страх в обычном понимании. Это была техническая неисправность моей психики. Я заложила в этот проект все свои знания о сопротивлении материалов, но Северин был вне материалов.

Внезапно пространство вокруг нас начало меняться. В конце коридора я увидела фигуру. Это был Виктор Олдридж, бывший участник эксперимента, который нашел меня неделю назад. Его дерганные движения и параноидальный шепот тогда едва не вывели меня из равновесия. Здесь, в моем сне, он выглядел как оживший манекен. Он что-то записывал на свой воображаемый диктофон, оглядываясь по сторонам.

- Лина, он меняет ландшафт! - закричал Виктор, и его голос эхом отразился от бетонных стен. - Не верь чертежам!

Я попыталась сосредоточиться, чтобы стереть проекцию Виктора, но мой контроль начал ускользать. Это было похоже на то, как если бы я пыталась удержать воду в сите. Я видела, как по стенам моего лабиринта поползли трещины. Не из-за внешнего давления, а из-за внутренней усталости металла, которую я не учла.

- Смотри, - тихо сказал Северин.

Я обернулась и увидела доктора Софию Грин. Мой пси-

хотерапевт сидела в своем привычном кресле прямо посреди моего бетонного коридора. Она зеркально повторила мою позу - скрещенные на груди руки, напряженная шея.

- Лина, почему вы выбрали именно бетон? - прошептала она. - Вы пытаетесь зацементировать память о своем отце? Вы боитесь, что если стены будут прозрачными, все увидят пустоту, которую он оставил?

Я стиснула зубы. Моя мышечная память пловчихи подсказала мне затаить дыхание. Я имитировала погружение, пытаясь вернуть контроль через физиологию. Один, два, три... На счет десять давление в ушах должно было стабилизироваться. Но вместо этого я почувствовала, как стены моего лабиринта начинают плавиться. Бетон стекал серыми каплями, обнажая скелет из арматуры, который больше не мог ничего нести.

- Твой отец не оставил записок не потому, что хотел тебя наказать, - Северин подошел ближе. - А потому, что слова были для него слишком тяжелыми. Он был как ты. Он тоже пытался строить, пока почва под ним не превратилась в болото.

- Не смей о нем говорить, - выплонула я. - Ты ничего не знаешь. Ты просто аналитик данных, который возомнил себя богом в чужих головах.

Я попыталась обрушить на него потолок. Это была сложная операция - нужно было мгновенно пересчитать векторы силы. Я видела, как многотонная плита срывается с крепе-

ний. Но Северин даже не поднял головы. Плита пролетела сквозь него и с грохотом разбилась о пол, превратившись в пыль.

- Я не бог, Лина. Я просто тот, кто видит структуру без твоих фильтров. Ты потратила столько сил на этот лабиринт, но забыла о главном. В системе всегда есть уязвимость, которую заложил сам создатель.

Он протянул руку. Я хотела отпрянуть, но мои ноги словно вросли в бетон, который начал застывать вокруг моих щиколоток. Это был мой собственный капкан. Я сама заперла себя здесь, пытаюсь запереть его.

- Ты боишься стать призраком, как твой отец, - продолжал Северин, и его голос теперь звучал совсем близко, прямо у моего уха. - Но ты уже призрак в своей собственной жизни. Ты живешь в чертежах, в расчетах, в долгах матери и в ожиданиях Вайса. Где здесь ты, Лина?

В этот момент из тени вышла Кира. Моя подруга, тату-мастер, выглядела здесь до странного неуместно. Ее цветные волосы и пирсинг ярко выделялись на фоне серого бетона. Она крутила в руках татуировочную машинку, и ее жужжание заполнило пространство лабиринта.

- Лин, ты же знаешь, что шрамы нельзя застроить, - сказала она со своим привычным хаотичным восторгом. - Их можно только перекрыть новым рисунком. Зачем ты строишь этот склеп? Пойдем, выпьем кофе, пока твои датчики не перегорели.

Я закрыла глаза, пытаюсь отсечь лишние образы. Это была атака на мою идентичность. Северин использовал мои связи, мои привязанности, чтобы разрушить мою защиту. Я чувствовала себя так, словно меня выставили на операционный стол под свет софитов, а Дэн Фогель, тот навязчивый журналист, уже стоит рядом с блокнотом, готовый зафиксировать каждое мое падение. Я видела его силуэт в дверном проеме, который вел в никуда.

- Каково это - осознавать, что твой разум принадлежит корпорации? - спросил Фогель, и его голос перекрыл жужжание машинки Киры. - Лина, дайте комментарий для заголовка: "Архитектор снов в плену собственного лабиринта".

Я глубоко вдохнула. Сопротивление воздуха стало почти невыносимым. Я чувствовала каждый датчик на своем теле. Они больше не были инородными предметами, они стали продолжением моей нервной системы. Я ощущала ток, бегущий по проводам, я слышала гул серверов в реальном мире. Мое тело было интерфейсом, и этот интерфейс сейчас перегревался.

- Хватит, - сказала я, и мой голос прозвучал удивительно твердо.

Я перестала строить. Я позволила лабиринту рушиться. Бетонные плиты рассыпались в прах, арматура скручивалась, как сухие стебли травы. Я стояла посреди пустоты, залитой холодным белым светом. Это была точка zero. Место, где нет нагрузки и нет опор.

Северин стоял напротив. Он не выглядел торжествующим. Скорее, в его глазах читалось то самое холодное любопытство, которое я чувствовала сама перед началом сеанса.

- Ты думала, что лабиринт - это способ поймать меня, - произнес он после долгой паузы. - Но это был способ поймать себя. Ты создала пространство, где все подчиняется твоей логике, чтобы не сталкиваться с тем, что логике не поддается.

Он сократил расстояние между нами до минимума. Я чувствовала исходящий от него холод, но это был не холод льда, а холод открытого космоса. И тут произошло то, чего не было ни в одном протоколе, ни в одном моем расчете.

Северин взял меня за руку.

Вспышка боли? Нет. Это было тепло. Настоящее, живое тепло человеческой кожи. В мире, состоящем из цифровых проекций и архитектурных абстракций, это ощущение ударило по моим рецепторам с силой электрического разряда. Моя мышечная память тут же отозвалась - пальцы непроизвольно сжались в ответ. Это было не физиологическое сокращение, это была потребность.

- Тепло, - прошептала я, глядя на наши соединенные руки. - Этого не может быть в коде. Эрик говорил, что сенсоры не передают тактильную температуру такой точности.

- Эрик видит только цифры, - ответил Северин. - А я вижу тебя. Ты сейчас не в капсуле, Лина. И не в лабиринте. Ты в той точке, где мы оба настоящие.

Я посмотрела на него. Его циничная маска на мгновение соскользнула, обнажая что-то глубокое и пугающее. Это было недоверие человека, который всю жизнь считал чувства манипуляцией, и вдруг столкнулся с чем-то, что не мог классифицировать. Он искал истину в снах, потому что в реальности все лгали. Но сейчас, здесь, ложь была невозможна. Его ладонь была горячее, и я чувствовала пульсацию его крови - медленную, уверенную, ритмичную.

Это было крушение моей последней несущей стены. Я не могла рационализировать это тепло. Я не могла превратить его в формулу или график. Оно просто было.

- Ты ведь тоже этого боишься, - сказала я, понимая, что его уверенность - такая же декорация, как и мой бетонный лабиринт. - Ты боишься, что я окажусь более реальной, чем твои алгоритмы.

Северин промолчал. Его пауза затянулась, становясь почти осязаемой. В этой тишине я услышала далекий голос Вайса, пробивающийся сквозь слои сна:

- Пульс зашкаливает. Лина, ты меня слышишь? Эрик, готовь экстренную деактивацию.

- Нет, - выдохнула я, но звук не сорвался с моих губ.

Мир вокруг начал дрожать. Белый свет стал нестерпимо ярким, выжигая проекции Софии, Киры и Виктора. Я видела, как рука Северина начинает медленно растворяться, но тепло все еще оставалось на моей коже, выжженное в моем сознании как клеймо.

- Мы еще не закончили, - сказал он, и это было последнее, что я услышала перед тем, как реальность с грохотом обрушилась на меня.

Я открыла глаза в капсуле. Свет ламп ударил по зрачкам, вызывая резкую боль. Я сорвала с себя маску, жадно глотая сухой, пахнувший антисептиком воздух. Эрик стоял надо мной, бледный как полотно. Его пальцы судорожно бегали по экрану планшета.

- Лина! Ты в порядке? У тебя была критическая перегрузка в теменной зоне. Я думал, ты впадешь в кому.

Я не ответила. Я смотрела на свою правую руку. На пальцах остались красные следы от сенсоров, но на ладони, там, где меня касался Северин, я все еще чувствовала призрачное тепло. Это было физически невозможно. Нервная система не может сохранять температурный фантом такой длительности после пробуждения.

Вайс стоял у окна, заложив руки за спину. Его отражение в стекле казалось искаженным.

- Результаты поразительные, - произнес он, не оборачиваясь. - Ты создала структуру невероятной плотности, Лина. Но Северин... он прошел сквозь нее так, будто ее не существовало. Тебе нужно пересмотреть свои методы защиты. Твоя логика - твоя слабость.

Я медленно села, чувствуя, как кружится голова. Стефани подошла ко мне с полотенцем, ее движения были точными и холодными. Она вытирала гель с моих висков так, словно

очищала предмет мебели от пыли. Но в ее глазах я увидела то, чего не замечала раньше - чистый, незамутненный страх. Она видела графики. Она знала, что произошло в ту секунду, когда наши руки встретились.

- Где он? - спросила я, и мой голос прозвучал хрипло.

- В своем кабинете, - ответила Стефани ледяным тоном. - Он просил его не беспокоить. Сеанс признан успешным, но избыточным.

Я встала. Ноги были ватными, но я заставила себя сделать шаг. Я чувствовала сопротивление воздуха - оно больше не было похоже на воду. Теперь это было сопротивление густого киселя, сквозь который мне нужно было прорваться к истине.

Выходя из лаборатории, я столкнулась с Абрамом. Старый архивариус стоял в коридоре, опираясь на свою палку. От него пахло старой бумагой и пылью веков. Его глаза, затуманенные катарактой, казалось, видели меня насквозь.

- Чертеж сгорел, деточка? - тихо спросил он, и в его голосе не было иронии, только печаль.

- Стены рухнули, Абрам, - ответила я, останавливаясь. - Но фундамент остался.

- Фундамент - это самое опасное, - старик покачал головой. - На нем всегда можно построить новую тюрьму. Помни: чтобы построить что-то живое, нужно сначала позволить старому сгореть дотла. Даже если это старое - ты сама.

Я прошла мимо него, чувствуя, как в сумке завибрировал

телефон. Еще одно сообщение от матери. Очередная жалоба на жизнь, которую я должна была исправить. Но сейчас это казалось таким далеким и незначительным.

Я шла к кабинету Северина, и каждый мой шаг отдавался в голове ритмом того самого призрачного пульса. В системе была обнаружена критическая уязвимость, и эта уязвимость была не в коде, не в оборудовании и даже не в моих травмах. Она была в том, что я впервые за долгое время почувствовала себя не архитектором, не пловчихой и не инструментом. Я почувствовала себя живой. И это открытие пугало меня больше, чем возможность потерять рассудок.

Дверь в кабинет Северина была приоткрыта. Я остановилась на пороге, видя его силуэт у окна. Он стоял точно так же, как Вайс минуту назад, но в его позе не было отстраненности. Он смотрел на свои руки так, словно видел на них что-то, чего там не должно было быть.

Я знала, что он чувствует то же самое. Логика потерпела крах. Математическая модель рассыпалась, не выдержав веса одного-единственного касания. Теперь нам обоим предстояло выяснить, что находится по ту сторону наших защитных стен, в пустоте, которая наконец-то начала смотреть на нас в ответ, требуя признания того, что мы так долго пытались отрицать.

Моя кожа все еще помнила его тепло, и это ощущение становилось моей новой реальностью, более прочной, чем любой бетонный лабиринт, который я когда-либо смогу постро-

ить в своих самых смелых снах. Предстоящая ночь обещала быть долгой, и я понимала, что завтрашний день уже никогда не будет прежним, потому что структура нашего мира дала трещину, сквозь которую начал просачиваться свет истины, беспощадный и ослепительный.

Я вошла в кабинет, и звук моих шагов по паркету показался мне самым громким звуком во вселенной, возвещающим о начале новой главы, в которой правила игры будут писаться не нами, а тем иррациональным чувством, которое мы так отчаянно пытались запереть за дверями своего разума. Северин медленно обернулся, и в его глазах я увидела отражение собственной растерянности, смешанной с мрачной решимостью идти до конца, чего бы это нам ни стоило в этом странном эксперименте под названием жизнь.

Пустота, о которой предупреждал Абрам, теперь не казалась пугающей. Она была чистым листом, на котором нам предстояло начертить нечто совершенно иное, не имеющее аналогов в архивах и не поддающееся анализу данных, потому что настоящая архитектура человеческой души начинается там, где заканчиваются все известные нам формулы и расчеты. Я сделала еще один шаг, чувствуя, как напряжение в мышцах сменяется странной легкостью, похожей на то мгновение, когда ты наконец-то отрываешься от бортика бассейна и скользишь в неизвестность, доверяя только своему телу и интуиции, которая никогда не ошибается, в отличие от самого совершенного разума.

Впереди был долгий разговор, или, возможно, долгое молчание, которое скажет гораздо больше любых слов. Я была готова к обоим вариантам, понимая, что самая главная битва в моей жизни только что перешла в новую, решающую фазу, где единственным оружием будет честность, а единственной защитой - отсутствие всякой защиты перед лицом того, что мы называем правдой. Северин молчал, и я молчала вместе с ним, слушая, как где-то в глубине здания гудят серверы, хранящие терабайты наших снов, которые с каждой секундой становились все менее важными по сравнению с реальностью этого момента, здесь и сейчас.

Мы стояли друг напротив друга в полумраке кабинета, и тишина между нами была наполнена смыслом, который не нуждался в архитектурном обосновании. Все наши стены рухнули, оставив нас на открытом пространстве, где не было места для фальши и где каждое движение имело значение, определяя направление нашего дальнейшего пути в этом лабиринте без стен и границ. Конец одной иллюзии всегда означает начало чего-то большего, и я чувствовала, как это нечто уже начинает обретать форму в глубине моего существа, готовясь изменить все, что я знала о себе и о мире вокруг.

За окном сгущались сумерки, окрашивая город в серые тона, но внутри меня горел огонь, зажженный тем самым касанием во сне, и я знала, что этот свет теперь будет вести меня сквозь любую темноту, которую подготовит для нас судь-

ба в этом бесконечном поиске ответов на вопросы, которые мы раньше боялись даже задать самим себе. Пришло время оставить прошлое в руинах и шагнуть навстречу будущему, которое уже ждало нас за порогом этого кабинета, полное загадок и возможностей, о которых мы раньше не смели даже мечтать.

Я посмотрела на Северина еще раз, видя в нем не врага и не объект исследования, а человека, который так же, как и я, ищет опору в мире, где все постоянно меняется и ускользает. Наше общее путешествие только начиналось, и я была уверена, что вместе мы сможем найти путь к истине, которая скрыта глубоко внутри каждого из нас, ожидая своего часа, чтобы проявиться во всей своей пугающей и прекрасной наготе. Стены лабиринта исчезли навсегда, оставив после себя лишь чистое пространство для новой жизни, которую нам предстояло построить с нуля, кирпич за кирпичом, чувство за чувством.

Мир за пределами лаборатории продолжал жить своей обычной жизнью, не подозревая о том, что здесь, в тишине кабинета, только что произошло нечто, способное изменить ход истории. Но для нас это не имело значения, потому что самая важная история теперь писалась внутри нас, и мы были ее единственными авторами и героями, готовыми пройти этот путь до самого конца, несмотря на все препятствия и страхи, которые могли встретиться нам на этом тернистом пути к познанию самих себя. Глубокий вдох, медленный вы-

дох - и я поняла, что готова к следующему шагу, каким бы трудным он ни оказался.

ГЛАВА 12. ВНЕШНИЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ

Воздух снаружи лаборатории всегда казался мне слишком рыхлым, лишенным той выверенной, стерильной плотности, к которой привыкаешь за часы обследований. Когда я вышла на крыльцо, влажная тяжесть города обрушилась на плечи, словно я резко всплыла с десятиметровой глубины, не успев выровнять давление в легких. Мое тело, все еще сохраняющее память о датчиках Артура Вайса, болезненно реагировало на каждое движение. Кожа на висках и запястьях зудела - фантомное ощущение электродов, которые Артур снимал с такой профессиональной отстраненностью, будто разбирал старый макет, а не касался живого человека. Я видела, как он протирает свои очки, когда я задавала вопросы о результатах последнего сеанса. Это его движение - медленное, методичное натирание линз краем халата - всегда означало, что несущие конструкции его ответов лишены прочности. Он лгал мне, или, что вернее, не договаривал, сливая мои показатели Северину еще до того, как я успевала обуться.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь нащупать опору в собственных ногах. Мои мышцы, привыкшие к сопротивлению воды, теперь анализировали сопротивление воздуха. Он был вязким, пропитанным запахом бензина и дешевого кофе из

автомата в холле. Я поправила лямку сумки и начала спускаться по ступеням, стараясь сохранять фасадное спокойствие, ту самую жесткую оболочку, которую я выстраивала годами, чтобы никто не заметил трещин в фундаменте моей психики.

- Лина? Лина, подождите минуту! - голос разрезал пространство справа, нарушая геометрию моего движения.

Я не обернулась. Я знала этот тон. Так звучит коррозия - навязчиво, въедливо, с готовностью разрушить любой защитный слой ради мелкой выгоды. Дэн Фогель возник передо мной так внезапно, будто материализовался из серого марева тротуара. Он был похож на плохо спроектированное здание: слишком длинное пальто, сутулые плечи, глаза, которые постоянно сканировали поверхность, не задерживаясь на сути. Его навязчивость была физически ощутимой, как слишком близко поставленная стена в узком коридоре.

- Лина, меня зовут Дэн Фогель, я веду расследование для... - он начал свою заученную тираду, преграждая мне путь к парковке.

Я остановилась, зафиксировав стопы на асфальте. Внутренний архитектор моментально оценил нагрузку: если я сейчас сорвусь, вся структура моего сегодняшнего дня рухнет. Мне нужно было просто пройти мимо, проигнорировать этот внешний раздражитель, как я игнорировала навязчивые мысли о пропавшем отце или о депрессивных звонках матери. Елена опять звонила утром, ее жалобный тон в труб-

ке был как капающий кран, который невозможно перекрыть. Ей нужны были деньги, ей нужны были воспоминания о прошлом, ей нужно было все, чего я не могла ей дать, не разрушив себя окончательно.

- Я не даю интервью, - мой голос прозвучал сухо, емко, с той самой технической краткостью, которой я научилась у Северина.

Северин. Одно только упоминание его имени в моей голове вызвало странную реакцию: я непроизвольно задержала дыхание, имитируя погружение. Это был защитный рефлекс. Он пытался вытолкнуть меня за пределы логики, превратить мои сны в полигон для своих исследований, а я продолжала делать вид, что его влияние - это просто погодное явление, временный шторм, который можно переждать за надежными стенами интеллектуализации.

- Речь не об интервью, - Фогель сделал шаг ближе, нарушая мое личное пространство. Его запах - смесь дешевого табака и застоявшегося пота - ударил в нос. - Речь о людях, которые входили в эти двери и больше не выходили. Или выходили, но переставали быть собой.

Он вытащил из кармана фотографию и сунул ее мне почти под подбородок. Я опустила взгляд. С глянцевой поверхности на меня смотрел мужчина. Виктор Олдридж. Я видела его раньше - не в реальности, а в архивах, к которым мне помог подобраться Эрик. Эрик, этот сутулый техник с вечно бегающими глазами, который тайно приносил мне распе-

чатки в обмен на мимолетную улыбку. Он боялся Стефани, ассистентки Северина, чья ледяная выправка и отсутствие эмоций на лице пугали даже меня. Стефани следила за каждым моим шагом, она была зеркалом Северина, его исполнительным механизмом, и я чувствовала ее ревность, тонкую, как лезвие бритвы, скрытую под слоями профессиональной этики.

На фото Виктор выглядел иначе, чем в файлах Эрика. Там он был серией графиков и отклонений от нормы, здесь же - живой человек с дерганным взглядом и какими-то странными отметинами на шее.

- Вы видели его в клинике? - Фогель впился в мое лицо взглядом, пытаясь найти хоть какую-то системную ошибку в моем фасадном спокойствии. - Виктор Олдридж. Он был в группе до вас. Сейчас он в психиатрической лечебнице, утверждает, что его сны украли. Что Северин - это не ученый, а мародер.

- В системе обнаружена критическая уязвимость, - пронеслось у меня в голове. Это был голос моего внутреннего критика, требующего немедленно обосновать мое присутствие здесь, рядом с этим человеком.

- Я не знаю этого человека, - сказала я, обходя Фогеля. Мое плечо задело его рукав, и я почувствовала неприятное трение ткани, похожее на статический разряд.

- Не врете, Лина! Маркус Элдер уже предлагал вам перейти к нему, верно? Он знает, что Северин играет с огнем. Эл-

дер хочет выкупить ваш контракт, потому что вы - уникальный биологический актив, а не просто пациентка. Вы понимаете, что вас используют как чертеж для чего-то гораздо более страшного?

Слова Фогеля падали на меня, как тяжелые капли дождя перед грозой. Маркус Элдер. Его агрессивное дружелюбие и запах дорогого табака преследовали меня на последнем благотворительном вечере, где Северин выставлял меня, как редкий экспонат. Элдер смеялся слишком громко, его зубы были слишком белыми, а предложение "сменить обстановку на более продуктивную" звучало как угроза обрушения всей моей текущей жизни.

Я ускорила шаг. Моя мышечная память подсказывала: когда сопротивление среды возрастает, нужно увеличить частоту гребков. Но здесь, на суше, это означало лишь быструю походку и попытку не сорваться на бег.

- Олдридж ищет вас, Лина! - крикнул Фогель мне в спину. - Он хочет предупредить вас! Его реальность рассыпалась на куски, он больше не понимает, где сон, а где бодрствование. Вы следующая! Северин не остановится, пока не вскрыет вашу черепную коробку и не перепишет там все по своему усмотрению!

Я не оборачивалась. Я видела свою машину на парковке - серебристый седан, который казался мне единственным островком стабильности в этом хаотичном мире. Моя крепость на колесах. Я достала ключи, чувствуя холод металла паль-

цами. Мои руки слегка подрагивали, и это бесило меня больше всего. Это была не хрупкость, нет. Это была потеря центровки, нарушение осевой нагрузки.

Доктор София Грин, мой психотерапевт, к которой я ходила, чтобы убедиться в собственной нормальности, всегда говорила шепотом, зеркала мои позы. "Лина, вы пытаетесь контролировать океан с помощью чайной ложки", - шептала она, и ее слова казались мне тогда бессмысленными. Теперь же я понимала: океан - это то, что Северин выпускал из меня каждую ночь, а моя логика - та самая ложка, которая гнулась под напором стихии.

Я открыла дверь машины и практически упала на сиденье. Захлопнула дверь. Щелчок центрального замка прозвучал как выстрел, отсекающий меня от внешнего мира, от Фогеля с его параноидальными вопросами, от Артура Вайса с его фальшивой заботой, от Киры, которая вчера снова прислала сообщение: "Лина, бросай это дерьмо, твои долги я как-нибудь перекрою, не продавай мозги этому уроду". Кира, моя единственная связь с реальностью, тату-мастер с хаотичным потоком речи, не понимала, что дело давно не в долгах. Дело было в структуре. В поиске той точки опоры, которую у меня отняли в детстве вместе с исчезновением отца.

Я положила голову на руль, чувствуя его холодную, кожаную поверхность лбом. Мне нужно было несколько минут тишины, чтобы восстановить дыхание. Глубокий вдох. Задержка. Имитация погружения. Внутри меня все еще звучал

голос старика Абрама, архивариуса, который пах старой бумагой и говорил загадками. Когда он показывал мне старые записи моих детских снов, сделанные еще при отце, его руки дрожали. "Некоторые двери лучше держать закрытыми на все засовы, деточка", - скрипел он. Я тогда подумала, что он просто выжил из ума от пыли своих фолиантов. Теперь я начинала подозревать, что он был единственным, кто видел всю схему целиком.

Тишина в салоне машины была плотной, почти осязаемой. Но что-то было не так. Моя гиперчувствительность, обостренная часами в камере сенсорной депривации, сигнализировала об инородном предмете в моем пространстве. Это было как лишний элемент на идеально чистом чертеже.

Я медленно подняла голову и посмотрела на пассажирское сиденье. Там ничего не было. Мой взгляд переместился назад. На заднем диване, прямо посередине, лежал небольшой черный предмет. Старый, потертый диктофон.

Мое сердце не "ухнуло вниз" - это было бы слишком дешево для моей системы восприятия. Вместо этого я почувствовала, как резко возросло гидравлическое давление в грудной клетке. Кровь зашумела в ушах, имитируя звук прибоя. Кто-то вскрыл мою машину. Кто-то нарушил границы моей крепости.

Я потянулась назад, мои пальцы коснулись холодного пластика. Диктофон выглядел древним, из тех времен, когда информация еще имела физический вес, а не растворялась в

облачных хранилищах Северина. На корпусе была нацарапана буква "В". Виктор.

Я села прямо, глядя в лобовое стекло. Фогель все еще стоял на тротуаре, глядя в мою сторону, но он не приближался. Он выглядел как стервятник, который ждет, когда добыча окончательно перестанет сопротивляться.

Мои пальцы сами нашли кнопку воспроизведения. Это была мышечная память - не моя, а чья-то чужая, заложенная в саму структуру этого момента.

- Лина, если ты это слышишь, значит, точка излома уже пройдена, - голос из динамика был хриплым, прерывистым, полным тех самых запинаний, которые выдают человека, чей фундамент дал неустранимую трещину.

Это был голос Виктора Олдриджа. И он звучал так, будто он находился не в психиатрической больнице, а здесь, прямо за моим плечом, в этой самой машине, заполняя собой все пространство, которое я так тщательно пыталась защитить.

Я закрыла глаза, чувствуя, как реальность начинает вибрировать, теряя свою монолитность. Внешний раздражитель сработал. Система выдала критическую ошибку, и я знала, что на этот раз просто перезагрузить ее не получится. Весь мой архитектурный план на эту жизнь летел в пропасть, и единственное, что я могла сделать - это слушать, как чужая боль просачивается сквозь мои несущие стены.

Голос Виктора на записи прерывался помехами, какими-то странными шорохами, будто он записывал это, пря-

часть под одеялом или в тесном шкафу. В его интонациях не было и следа той уверенности, которую я привыкла видеть у сотрудников лаборатории. Это был звук человека, чьи фильтры восприятия были содраны живьем.

- Он говорит, что ищет истину, Лина, - продолжал голос, и я почувствовала, как по коже пробежал электрический импульс, заставив волосы на предплечьях подняться. - Северин. Он говорит, что слова - это ложь, что только сны правдивы. Но он не говорит тебе главного. Он не ищет твою правду. Он ищет способ управлять ею. Когда ты спишь, ты не просто беззащитна, ты становишься материалом. Понимаешь? Глиной. Он лепит из нас то, что ему нужно для его чертовой "математической модели" чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.